

**Дворец —
это люди**

**95 лет
лиц**

1 ЗЕМФИРА АБРАМОВА
с. 123

2 ВАСИЛИСА АЗАРОВА
с. 17

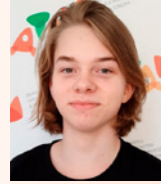
3 ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВ
с. 20

4 ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВА
с. 24

5 ЕЛЕНА АЛТУХОВА
с. 29

6 АНДРЕЙ АНАНИН
с. 33

7 ДУСЯ АНДРЕЕВА
с. 33

8 МАРИНА АРЖАННИКОВА
с. 34

9 ЮЛИЯ АСТАФУРОВА
с. 36

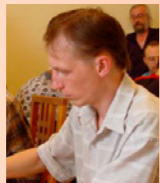
10 ВАЛЕНТИНА КАПРАНОВА
с. 120

11 АНЯ БАЕВА
с. 39

12 АНДРЕЙ БАЙТИНГЕР
с. 41

13 АНДРЕЙ БЕЛОЗЕРОВ
с. 45

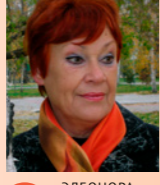
14 ОЛЕГ БЕЛОЗЕРОВ
с. 47

15 ДАША БУЙЛОВА
с. 50

16 ЕЛЕНА БУРОВА
с. 51

17 ЭЛЕОНОРА ВАРЕНЧОВА
с. 55

18 ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВА
с. 59

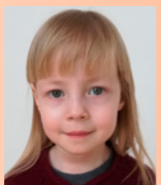
19 ОЛЬГА ВАСЬКИНА
с. 62

20 ЕЛЕНА ВИШНЯКОВА
с. 98

21 ВАЛЕНТИНА ВОЛКОВА
с. 112

22 ЕВА ГАРЕЕВА
с. 65

23 ИВАН ГРИГОРЕНКО
с. 66

24 ТАТЬЯНА ГРИШАЕВА
с. 8

25 АРТЕМ ГУТОВ
с. 68

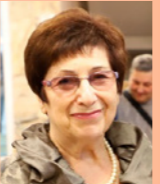
26 АРТЕМ ДАНКОВ
с. 69

27 ВЛАДИМИР ДОХЛЕНКО
с. 46

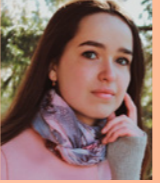
28 ЕВГЕНИЯ ЕРЕМИНА
с. 72

29 НАТАЛЬЯ ЕРЕМИНА
с. 73

30 ТАТЬЯНА ЕФИМОВА
с. 14

31 СОНЯ ЖЕЛЕЗЧИКОВА
с. 74

32 ВЕРА ЗОЛОТАРЕВА
с. 74

33 ВЛАДИМИР ИГИШЕВ
с. 75

34 ГАЛИНА ИГНАТЬЕВА
с. 80

35 АЛЬФИЯ ИЛЬЯСОВА
с. 81

36 АНЯ ИКРИНА
с. 84

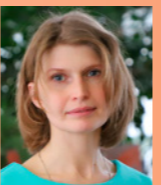
37 ЕЛЕНА ИСТОМИНА
с. 85

38 ЕЛИСЕЙ КАЛАШНИКОВ
с. 89

39 ВАСИЛИССА КАЛАШНИКОВА
с. 89

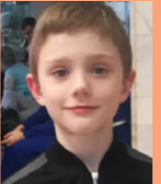
40 СВЕТЛАНА КАЛИНИЧЕНКО
с. 90

41 ВАЛЕРИЙ КАРАГОДИН
с. 175

42 ЕЛЕНА КАРТАШОВА
с. 93

43 ДЕНИС КАЧИН
с. 95

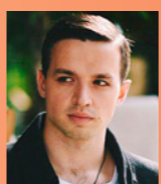
44 НИКИТА КЕСС
с. 95

45 СЕРГЕЙ КЕСС
с. 96

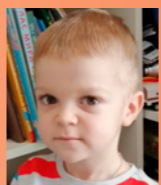
46 АЛЕВТИНА КИРЕЕВА
с. 100

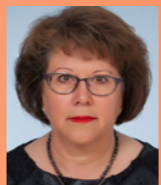
47 РОМАН КОЛБИН
с. 105

48 КАТЯ КОЛЕСОВА
с. 110

49 СЕМЕН КОМАНДАКОВ
с. 110

50 НИНА КОНЧЕВСКАЯ
с. 111

51 БОРИС КОРОВИН
с. 21

52 МИРОСЛАВ КУЗЛЯЕВ
с. 116

53 ТИМОФЕЙ КУЩАНОВ
с. 118

54 ВЛАДИМИР ЛАБЕНСКИЙ
с. 119

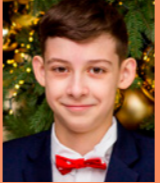
55 ИЛЬЯ ЛЕОНТЬЕВ
с. 124

56 НАДЕЖДА ЛОБОВА
с. 35

57 АРКАДИЙ МАЙОФИС
с. 129

58 МАКСИМ МЕЛЬНИК
с. 131

59 НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВА
с. 131

60 ЮЛИЯ МИХАЙЛОВА
с. 134

61 ФИЛИПП МИХЕЕВ
с. 139

62 ПАВЕЛ МУХОР'ЯМОВ
с. 141

63 АЛЕНА МУХОР'ЯМОВА
с. 141

64 ЛЕВ МУЗНИК
с. 145

65 ЛЮБОВЬ НАЗАРОВА
с. 18

66 ЛИЗА НЕДОРЕЗОВА
с. 147

67 СВЕТЛАНА НЕСТЕРОВА
с. 31

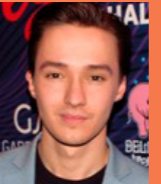
68 СЕРГЕЙ ОГЛОБЛИН
с. 149

69 ДМИТРИЙ ОКОНЧИКОВ
с. 151

70 АРИНА ОСТРОВСКАЯ
с. 153

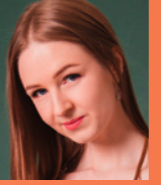
71 СЕРГЕЙ ПАВЛОВСКИЙ
с. 154

72 ЕГОР ПАЛЬКО
с. 156

73 ОЛЕГ ПИРОЖКОВ
с. 130

74 АЛИНА ПОНОМАРЕНКО
с. 157

75 ЛЮДМИЛА ПОСАЖЕЙНИКОВА
с. 91

76 АННА ПРОСЕКИНА
с. 160

77 АЛЬБИНА ПУГАЧЕВА
с. 163

78 МАРЬЯНА РОДЧЕНКО
с. 169

79 САША РОЖОВА
с. 169

80 СЕРГЕЙ САЕНКО
с. 115

81 ЛЕРА СВЕРЧКОВА
с. 169

82 ТАМАРА СЕЛИВАНОВА
с. 35

83 ЕЛЕНА СЕЛИНА
с. 170

84 ГАЛИНА СЕРОУХОВА
с. 11

85 ВЛАДИМИР СТАРКОВ
с. 115

86 ВЕРОНИКА ТРИЗНО
с. 173

87 НАСТЯ ТРУБАЧЕВА
с. 173

88 ИГОРЬ ЧЕРНЫХ
с. 173

89 КСЕНИЯ ЧЕРНЫШЕВА
с. 173

90 ЛИЛИЯ ШАРОПИНА
с. 91

91 НАТАЛЬЯ ШИРОКОВА
с. 174

92 ЛЮДИЛА ШУЛЬГА
с. 12

93 МАРИНА ШУЛЬГА
с. 180

94 АЛЕКСЕЙ ШЕРБИНИН
с. 185

95 ПАВЕЛ ЯНЧУК
с. 188

Содержание

Вместо предисловия: Юлий Буркин . Мне понравилась эта работа	5
Слово директора: Татьяна Гришаева . Дворец это люди	8
Наш архивариус: Галина Сероухова о себе, дворце и его директорах.....	11
О Люции Павловне Шульге	11
О Татьяне Петровне Ефимовой	13
О себе и Дворце	15
* Василиса Азарова : Дворец сделал меня сегодняшнюю	17
Дмитрий Александров . «Корабли во всех их проявлениях».....	20
Сказ о том, как Ольга Алексеева дважды Москву проигнорировала, а в Хабаровск поехала и в Томске осталась	24
Елена Алтухова (Березина) : Земляничные поляны – навсегда	29
Андрей Ананин (фрагмент блиц-опроса учащихся).....	33
Дуся Андреева (фрагмент блиц-опроса учащихся).....	33
* Марина Аржанникова : В сердце – навсегда	34
Осенняя сказка (Юлия Астафурова).....	36
Аня Баёва (фрагмент блиц-опроса учащихся)	39
Танцующий хирург (Андрей Байтингер)	40
Гроссмейстер Андрей Белозеров	45
Олег Белозеров : Как я обрел свою планету.....	47
Даша Буйлова (фрагмент блиц-опроса учащихся).....	50
Елена Бурова : Я выросла во дворце	51
Голоса ангелов под сводами дворца (Элеонора Варенцова).....	55
Ключевые слова – «вместе» и «делаем» (Ольга Васильева)	59
Ольга Васькина . Мой дворец.....	62
Ева Гареева (фрагмент блиц-опроса учащихся)	65
* Иван Григоренко . «Республика снежная – радость безбрежная...», или Первый пионер Дворца	66
Артем Гутов (фрагмент блиц-опроса учащихся).....	68
Артем Данков . О призрачных сантехниках и институте Конфуция	69
* Евгения Еремина : Здесь возможно всё!.....	72
Соня Железчикова (фрагмент блиц-опроса учащихся)	74
Вера Золотарева (фрагмент блиц-опроса учащихся)	74
* Владимир Игишев : И это все о нас.....	75
Счастливый день (Галина Игнатьева)	80
«Я бы лучше стряпала, чем рассказывала» (Альфия Ильясова).....	81
Аня Икрина (фрагмент блиц-опроса учащихся).....	84
Елена Истомина : «Когда тебе плохо, нужно идти на работу»	85
Елисей Калашников (фрагмент блиц-опроса учащихся)	89
Василисса Калашникова (фрагмент блиц-опроса учащихся)	89
*Дом (Светлана Калиниченко)	90
*О хлебе, консервах и северном олене (Елена Гунова-Карташова)	93
Денис Качин (фрагмент блиц-опроса учащихся).....	95

Никита Кесс (фрагмент блиц-опроса учащихся)	95
Сергей Кесс про кузнечика, танцы и фикус	96
Верхний этаж – самый близкий к звездам (Алевтина Киреева)	100
Спресованное время Романа Колбина	105
Катя Колесова (фрагмент блиц-опроса учащихся)	110
Семён Командаков (фрагмент блиц-опроса учащихся)	110
Нина Кончевская . Незабываемое.....	111
Профессор балалайки в «Детском университете» (Мирослав Кузляев)	116
Тимофей Куцанов (фрагмент блиц-опроса учащихся)	118
Владимир Лабенский : Здесь вся моя жизнь	119
Из колобков в депутаты! (Илья Леонтьев).....	124
* Аркадий Майофис : Кажется, с годами мы становимся только ближе.....	128
Максим Мельник (фрагмент блиц-опроса учащихся)	131
*«Очевидное – невероятное» от Нatalьи Михайловой	131
*Харизматичные подсолнухи, или «Мемуары» Юлии Михайловой	134
Филипп Михеев : Дым-машина вместо гирлянды – это весело.....	139
Павел и Алёна (Мухорямовы)	140
*«Я был бы кем-то другим...» (Лев Мучник)	145
Лиза Недорезова (фрагмент блиц-опроса учащихся).....	147
«Одиннадцать рыжих во главе с укротителем» (Сергей Оглоблин)	148
Главный томский Дед Мороз (Дмитрий Оконечников)	151
Арина Островская (фрагмент блиц-опроса учащихся)	153
* Сергей Павловский : Я точно знаю, что я люблю	154
* Егор Палько : Роднее дома нет	156
*Моя страна детства (Алина Пономаренко).....	157
*Неслучайные звёздные смайлики (Анна Просекина).....	160
Альбина Пугачева : Тегульдет-Венеция	163
Марьяна Родченко (фрагмент блиц-опроса учащихся).....	169
Саша Рожкова (фрагмент блиц-опроса учащихся).....	169
Лера Сверчкова (фрагмент блиц-опроса учащихся)	169
Елена Селина : Два года и вся жизнь	170
Вероника Тризно (фрагмент блиц-опроса учащихся)	173
Настя Трубачева (фрагмент блиц-опроса учащихся).....	173
Игорь Черных (фрагмент блиц-опроса учащихся)	173
Ксения Чернышева (фрагмент блиц-опроса учащихся).....	173
Наталья Широкова и Часовые Памяти	174
Марина Шульга . Ода «колобкам», или Нужны ли нам утконосы	180
*Дворцовская закваска, или Рассказ о «коллективе без талантов» (Алексей Щербинин).....	185
* Павел Янчук : Дворец – это люди. Настоящие люди	188
Эта книга о вас! (Словарь имен).....	191

* Звездочкой обозначены материалы, написанные самими героями публикации.

Вместо предисловия

Юлий Буркин.

Мне понравилась эта работа

Когда я взялся за эту книгу, я и не ожидал, что столько интересного узнаю о людях, и даже, как это ни странно, о себе. Это сказано не для красного словца. Просто я никогда не задумывался о роли Дворца в моей жизни. Я даже не осознавал того, что она вообще есть, эта роль. А вот те люди, с которыми я разговаривал, они значение Дворца в своей жизни осознают прекрасно. Кто-то получил здесь профессию, кто-то приобрел черты, ставшие основой характера, кто-то нашел призвание, а кто-то встретил тут свою любовь...

Открытием для меня стало, что Дворец Творчества Детей и Молодежи на Вершинина, 17 и Дом Пионеров на Татарской, 16 – это одна и та же организация. То есть, однажды Дом Пионеров переехал в новое здание и стал называться Дворцом. А позже – Дворцом Творчества... Вот так. А ведь я занимался в Доме Пионеров! Целых два года, в третьем и четвертом классах, в театральном кружке. В новогодней постановке сыграл Волка, а в каком-то еще спектакле – хулигана по прозвищу Флюс.

Через пару кварталов от Дома Пионеров, на улице Горького, находилась, да и сейчас находится, библиотека, в которой тогда работала моя старшая сестра. И после занятий в драмкружке я бегал туда, сидел в читальном зале или выбирал книжки домой – как правило, сказки или фантастику. Причем «по блату» из закрытого фонда читального зала. По-видимому, библиотека оставила в моем сознании более отчетливый отпечаток, раз я стал журналистом и писателем, а не актером... Но, сдаётся мне, если бы не те два «театральных» года в детстве, я бы сейчас не выступал с концертами и не чувствовал бы себя на сцене, как рыба в воде.

Выходит, Дворец (тогда еще бывший Домом) полвека назад основательно повлиял на мою личность, я просто никогда об этом не задумывался. Я, кстати, почти ничего не помню из тех времен. Помню, что мне нравилась девочка, которая играла со мной в спектакле Лисичку, и что ее звали Лена. Помню обклеенный кусочками зеркала шар, который в полутьме крутился под потолком фойе, когда у старших происходили праздничные вечера, которые сейчас называли бы «дискотеками». По стенам бегали отблески, и ощущение было абсолютно волшебное... Помню, что руководительница у нас была молодая, в очках и очень добрая*. Вот и все, пожалуй.

В пионерский штаб Дворца ходил мой одноклассник Юра Беляев, и я помню, что ему очень там нравилось. И мои университетские приятели – Сергей Балашов, Костя Попов, Олег Гертнер – были тоже «дворцовскими штабистами». К сожалению

* Мне подсказали ее имя: Тамара Александровна Поспелова

нию, всех троих уже нет в живых. Но я не могу не рассказать одну историю.

Когда в 93-м у меня в Алма-Ате вышла первая книжка — сборник фантастических, сильно недетских, повестей «Бабочка и василиск», — значительную часть тиража я привез в Томск. И тут — неожиданность: между Россией и Казахстаном появилась граница, мой груз стал зарубежным и застрял на таможне. Сумма «растаможки» была значительная, для меня неподъемная, и с каждым днем она увеличивалась: добавлялась оплата «за хранение». Я был, честно говоря, в отчаянии.

Мне повезло, что работники алма-атинской типографии ошиблись и на пачках с книгами значилось: «Бабочка и Василёк». Ну, не знакомы они были с мифологическим существом под названием «василиск». Олег Гертнер в тот момент работал редактором детской газеты «Вместе», редакция которой базировалась во Дворце, и у него появилась идея. Он выдал мне филькину грамоту в адрес начальника таможни с просьбой освободить от ареста и таможенного сбора «детскую книгу “Бабочка и Василёк”», якобы отпечатанную по заказу редакции газеты «Вместе». На бумаге стояли печати редакции и Дворца творчества. Начальник таможни сжалился над томскими детьми и груз книг мне выдал. Так Дворец через редакцию газеты в лице Олега Гертнера помог мне в той сложной ситуации.

Вот только не надо думать: «тоже мне подвиг — обманули таможню...» Это было начало девяностых, развал СССР, бардак и беспредел. Вчера границы не было, сегодня появилась. Вчера это был наш город, а сегодня — зарубеж. Разве в этом виновата литература? Нет. А книга могла и не дойти до читателя.

Мои старшие сыновья Костя и Стас во Дворец не ходили. Но был один момент... Им было четыре и пять лет, когда во Дворце объявили ко-

шачий конкурс красоты «Мисс Кис-Кис». Пацаны были без ума от нашего кота Гыни, и было решено представить его на суд жюри. Когда их позвали на сцену, старший поволок Гыню, обхватив его поперек живота так, что нижняя часть туловища висела, и задние ноги почти касались пола. Не имевший опыта публичных выступлений кот так переволновался, что номер в результате был назван ведущим «Кот — пожарник», сорвал аплодисменты, а пацаны получили грамоту...

А вот мои младшие дети обязаны Дворцу многим. Дочка Саша и сын Тимофей вместо детского садика ходили в дворцовскую «Дошкольную Академию» — готовились к школе и получали свою порцию «социализации». И кроме слов благодарности ее педагогам Татьяне Алексеевне Суракий, Зое Хусеевне Гегелевой, Любви Васильевне Губиной и Елене Анатольевне Истоминой у меня нет в адрес «Академии» никаких других слов. В конце занятий дети не хотели уходить из «Академии» и просились еще погулять со «своими» во дворе за Дворцом. Летом — побегать по качающемуся бревну, повисеть на турнике, покачаться на качелях, покататься с горки или повозиться в песке, а зимой — ползать по гигантским снежным горам...

Короче, вспомнив старую формулу и сняв с нее политическую окраску, без иронии скажу: «спасибо Дворцу за счастливое детство» моих младших. Они и после «Академии» ходили туда — Саша в студию рисования к Светлане Калиниченко, в «Русские Забавы» и в «Фуэте», а Тимофей — в «ИКАР» и немножко в «Колобки». Но по-настоящему как-то не увлеклись и занимаются сейчас другими делами в других учреждениях. Но на дворцовских «Ёлках» мы наплясались вволю и посмотрели с десятков отличных спектаклей и концертов. А еще Тимофей с первого класса посещает с одноклассниками дворцовскую «Городскую Детскую Филармонию».

Играет ли какую-то роль Дворец в моей жизни сейчас? Как ни странно — да. Опосредованную, но играет. В нем работает мой старый друг Марат Нагаев и мой молодой друг Мирослав Кузляев. И с тем, и с другим меня связывает музыка. Там работают мои хорошие знакомые Игорь Бабарыкин, бывший лидер рокабили-группы «ТБП», с которой я дружил, и Татьяна Гришаева, бывшая актриса команды КВН «Дети лейтенанта Шмидта», с которой я тоже дружил, потому, зайдя во Дворец, я всегда встречаю там друзей и хороших знакомых, а это всегда приятно, особенно на фоне вечно праздничной детской тусовки. Заряжает. Да и сам я в данный момент, пусть и временно, работаю если не во Дворце, то на него — занимаясь этой книгой.

Представляете, как, оказывается, много точек соприкосновения есть у меня с Дворцом. У меня, который, пока серьезно над этим не задумался, не замечал их вообще. То же самое, наверное, и у многих-многих томичей. Они, как и я, попросту привыкли к факту существования Дворца и принимают его как должное — как воздух и воду, как свет и тепло, как хлеб, пока его не начинают давать по карточкам.

Но для этой книги я беседовал с другой категорией людей. С теми, кто провел во Дворце значительную, так сказать, судьбоносную, часть жизни. Среди них артисты, юристы, музыканты, инженеры, педагоги, художники и даже один Дед Мороз. Но что было заметно невооруженным глазом: все они, как на подбор, — интересные и приятные люди. И я почти уверен, что это неслучайно, что как раз это — главный результат воздействия на них Дворца. Одна из моих собеседниц, Елена Селина, сказала мне: «Почему мы все вели сюда своих детей? Потому что дворцовские дети отличаются от других. Точнее, они всегда среди лучших». А дети вырастают.

Вот только жаль, что мне не удалось взять интервью у двух очень важных для Дворца человек — его бывших директоров Люции Павловны Шульги и Татьяны Петровны Ефимовой. Как назло, в период работы над этой книгой у них у обоих были серьезные проблемы со здоровьем, и нормально поговорить со мной они были просто не в состоянии. Но слова благодарности им обоим и самые превосходные эпитеты в их адрес рассыпаны по страницам книги, их произнес чуть ли не каждый наш герой. А это, думаю, даже более важно и более показательнее, чем их «персональные» интервью. И мы с удовольствием публикуем тут их портреты и подробное воспоминание о работе с ними «архивариуса» Дворца Галины Сероуховой.

Мне понравилась эта работа. Понравилось встречаться и беседовать с основательно подросшими «дворцовскими детьми» и дворцовскими взрослыми, я услышал и прочитал много смешного, грустного и трогательного. Надеюсь, и вам понравится читать эти откровения, эту книгу.

И два слова о том, как она создавалась. Большинство «главок» написал я на основе беседы с героем, оформляя результат в форме интервью или монолога от первого лица. Но недаром я именуюсь в выходных данных книги «автором-составителем»: некоторые герои написали свои «мемуары» сами, а я лишь консультировал их в начале работы и редактировал в конце. (Эти «главки» обозначены в «Содержании» звездочками — «*»). Ну, и дети ответы на блиц-опрос писали в основном сами, во всяком случае, те из них, кто уже умеет писать.

Спасибо и тем, кто писал сам, и тем, кто нашел время поговорить со мной и рассказать свою уникальную Дворцовскую Историю.

Слово директора

Татьяна Гришаева. Дворец это люди

Поначалу Татьяна Александровна решила, что это интервью с ней вообще не стоит делать. Мол, работает она во Дворце всего три года, а некоторые старожилы – уже тридцать, а то и сорок лет, им и слово... Но я убедил ее в необходимости этого материала. Она – директор, и инициатива создания этой книги принадлежит ей. Значит ей и отдуваться. И, так сказать, задавать книге верный тон: не официальный дежурно-юбилейный, а искренний и исповедальный.

– Как вы узнали о своем назначении руководителем Дворца творчества? Как восприняла эту идею? Как быстро «вошли в колею»?

– Это было три года назад перед Рождеством. Мне позвонили и сообщили, что такой вариант обсуждается. Я восприняла это как рождественский сюрприз и сразу решила, что если предложат, соглашусь. Надо двигаться дальше, ведь в «Аэлите», где я была директором уже больше десяти лет, все свои идеи я исчерпала, а значит, предложение надо принимать. К тому же, я ведь – выпускница Дворца, я за многое ему благодарна и восприняла это назначение как возможность сделать для него что-то хорошее. После каникул меня пригласили в администрацию города и озвучили это предложение официально.

Первым шоком тут для меня было то, что те люди, которые были твоими учителями, твоими кумирами, теперь – твои подчиненные. И первые месяца три-четыре я испытывала

эту неловкость, не могла в полной мере почувствовать себя руководителем, хотя стаж руководящей работы к тому времени у меня был уже внушительный.

Но одно дело, когда ты руководишь маленьким коллективом, где все давно сроднились, другое, когда приходишь чужеродным элементом в большой, сложившийся организм.

Заканчивался рабочий день, я садилась за стол, смотрела на него, а он был весь завален бумагами, которым не было ни конца,

ни края. И довольно долго я каждый день хотела убежать. Но утро вечера мудренее. Каждое утро я говорила себе: это неспортивно. И шла на работу.

– Ну, и как вы преодолели эту ситуацию? Вы ведь ее преодолели, как я понимаю?

– Да, надеюсь. Даже уверена. В какой-то момент я представила, что я на стажировке в Гарварде по специальности «менеджмент», и мне дали задание поработать директором Дворца творчества в сибирском городе Томске – наладить отношения с людьми, разобраться в структуре, в образовательном процессе и прочее... И я стала играть в это. День за днем. Появился азарт: пройду стажировку или нет? И паника стала исчезать.

Знаете, есть такие картинки – 3D, на которых изображено, вроде бы какое-то меси-во из пятен, и ты смотришь, тебе кажется, что невозможно в этом увидеть что-то осмысленное, и вдруг – р-раз! – ты видишь четкое объемное изображение: «Да это же слон!», например.

В феврале я пришла, а где-то к апрелю я этого слона увидела. И люди начали по-другому ко мне относиться. Многие поверили, стали сплачиваться вокруг меня в команду.

– Вам помогло то, что вы сами когда-то занимались во Дворце?

– Конечно. Кстати, в детстве я утвердилась в нем только с третьего раза. Сначала я пришла сюда в кружок вязания. Один раз сходила и поняла, что это не мое. Потом я пришла в театральную студию Дворца, а параллельно бабушка с папой отправили меня в музыкальную школу на аккордеон. Аккордеон был больше меня, и мне все это ужасно не нравилось. И я стала иногда пропускать – вместо музыкальной школы ходила в театральную студию.

Мы там играли спектакль по пьесе Шварца «Два клена», и у меня была роль Аленушки. В дублирующем, правда, составе, потому что я не очень-то хорошо играла. Но заболела Баба Яга, и мне дали эту роль, и вдруг оказалось, что Баба Яга-то я замечательная! (Сейчас, в роли директора, мне этот навык очень помогает). Тогда я окончательно забросила аккордеон, стала всегда вместо него ездить сюда на репетиции.

Потом была премьера, все меня поздравляли, родители хвалили... Пользуясь этим моментом славы, я и призналась, что вместо аккордеона уже давно занимаюсь только театром. Но вскоре я и из него ушла.

– Так, это был второй заход. А третий?

– В школе я просто не могла сидеть на месте, мне непрерывно нужно было действовать. И однажды за мою активность меня отправили в Лагерь пионерского актива.

Первый год – полный восторг и шок. Инструкторами нашими были дети, но для меня-то они были взрослыми. Члены Городского Пионерского Штаба. И, конечно, мы все завидовали им – это такая дружная команда, зазорные девчонки и парни, играющие на гитарах, у всех была красивая форма, они показывали смешные сценки и серьезную агитбригаду, организовывали для детей интересные мероприятия. В общем, ребята были продвинутые. А чтобы попасть в Штаб, нужно было себя как-то показать. В первый год я, видимо, никак себя не показала, а вот во второй раз, в 88-м, меня порекомендовали в ГПШ. Так я вернулась во Дворец. И с третьего раза уже укоренилась в нем.

Это было чудесное время, когда мы ходили в походы в «Солнечную» и «Снежную» республики, готовили пищу на кострах, вечерами пели песни и жили в палатках. Здесь я научилась дружить, и вообще сформировались мои основные ценностные ориентиры...

*Городской
пионер-
ский штаб,
1990–1991
учебный год.*

– Татьяна Александровна, я иногда слышу от выпускников Дворца, что, мол, сейчас-то Дворец уже не тот...

– Для детей дворец тот же, они также веселятся тут, также знакомятся, дружат, учатся... И для меня он теперь тот же. Я вернулась в свою сказку. А ощущение, что он «не тот» возникает у людей, которые отошли от него и не могут окунуться в его жизнь снова. За девяносто пять лет, благодаря своим мощным традициям, благодаря потрясающим педагогам Дворец не утратил своей молодости: здесь по-прежнему все кипит и бурлит.

Дворец – это люди. Ты приходишь не в здание, а в коллектив. Вскоре я заметила, что кому бы я в городе ни говорила о своей новой работе, все начинали улыбаться и что-то хорошее о Дворце рассказывать.

Оказалось, у каждого томича что-то с ним связано. И еще, обсуждая предстоящий юбилей, моя педагогическая команда обратила внимание, что все выпускники Дворца – люди заметные, интересные, неординарные... Вот и появилась мысль сделать такую книгу – не про историю Дворца, не про методики, не про педагогические концепции, хотя все это и будет косвенно в ней присутствовать, а прежде всего про людей, про их судьбы в контексте Дворца.

И вот она – эта книга.

Наш архивариус

Галина Сероухова о себе, дворце и его директорах

Я родилась в Томске, детство свое провела на улице Мельничной, училась в 16-й школе, что в районе пристани. Это была восьмилетка, и после восьмого половина нашего класса перешла в 3-ю школу. И когда мы пришли туда, нам завуч сказала, что тут проводится еще и профобучение: девочек по программе педагогического училища учат на старших вожатых, мальчиков – на столяров.

О Люции Павловне Шульге

И вот в школе я встретилась с Люцией Павловной Шульгой. Она была старшей вожатой и вела у нас «Историю и методику пионерской и комсомольской работы», вела практикумы. Очень интересным человеком она была, увлекательные придумывала пионерские сборы, походы, соревнования. Например, в течение года каждый отряд у нас в школе был вагоном поезда, командиры отрядов – вагоновожатыми, поездной бригадой был Совет дружины, каждую неделю подводились итоги, и поезд перестраивался...

Она была делегатом какого-то комсомольского съезда, и, кстати, ее галстук на этом съезде повязали Юрию Гагарину, принимая его в почетные пионеры. И мы все этим очень гордились.

А в конце учебного года наш класс-победитель поехал в город Остров, на родину партизанки Клары Назаровой, чье имя носила наша дружина, причем эту поездку только частично оплачивали родители, но немалую часть средств

мы заработали сами, собирая макулатуру и металлолом.

И не просто собирали. За каждую тонну металлолома, например, отряд получал лотерейный билет, и немножко из заработанных нами денег шло на выигрыши. Это были – футбольный мяч, настольный теннис и тому подобное, что нужно ребятам, чтобы интересно скоротать школьную перемену. И всё это Люция Павловна сама придумывала. Всю нашу жизнь она превратила в увлекательную, но полезную игру.

В девятом классе мы как вожатые работали с октябрятами младших классов, в десятом уже с пионерами шестых-седьмых. Каких только удивительных сборов у нас не было! Был, помню, например, сбор, посвященный подготовке к межпланетной конференции. Каждый пионерский отряд представлял какую-то планету и придумывал образ жителя этой планеты, язык, подарки с этой планеты... Помню, «марсиане» возмущались, что мы поем: «... обещают космонавты и романтики, что на Марсе будут яблони цвести...» Какие яблони?! Нет на Марсе ника-

ких яблок, у нас свои овощи и фрукты! И представляли образцы.

Люция Павловна прекрасно писала плакатным пером, и у нас вся пионерская комната была оформлена ею. И я у нее научилась тоже писать плакатным пером, что мне потом в жизни не раз пригождалось. Однажды целую неделю мы играли в спортивную Олимпиаду... И под конец нашего обучения на вожатых мы проходили практику в пионерлагере, в Богашово, а Люция Павловна была там старшей вожатой. Ей тогда было лет двадцать семь-двадцать восемь.

Нам с моей подругой, тоже Галей, достался отряд мальчишек – пятьдесят с небольшим человек. Мы с ними и в волейбол, и в футбол, и в теннис играли, и фильмы интересные им пересказывали, и на речку загорать-купаться ходили, тогда ведь проще с этим было. Это сейчас стало строго. На рыбалку даже ходили... Чтобы мы плотнее занимались детьми, Люция Павловна ввела закон – «больше трех не собираться». Если днем она нас, вожатых, видела втроем-вчетвером, сразу разгоняла. Вообще, с дисциплиной у нее всегда было очень строго.

Кстати, на природе у нее фантазия разыгралась еще пуще, чем в школе. Например, чтобы

как-то увлечь мальчишек лагерной жизнью, она придумала: если хорошо отряд отдежурил, ему разрешалось ночевать на костровой поляне. Это с полкилометра от лагеря, в лесочке, там земляника росла... Строили шалаш, кто-то в нем спал, кто-то у костра устраивался, а кто-то не спал совсем. Представляете, какая это была романтика для ребят?!

Правда, на мне это все и закончилось. Когда моему отряду посчастливилось ночевать там, у нас ребенок пропал. Это был отряд старших ребят, но один был маленький, Толик, он был там со старшим братом. И вот, вечер, построились, а его нет. Мы его искали-искали – нигде. Брат его старший признался, что они поссорились... Короче, пришлось мне доложить о ЧП директору лагеря. Стали искать вместе и нашли его в домике под кроватью. Он туда спрятался обиженный и заснул. С тех пор нам на природе ночевать не разрешали.

В 11-м классе прошли еще одну практику в школах города и получили свидетельства, что можем работать вожатыми. Но на этом знакомство с Люцией Павловной у меня не закончилось, потому что я в первый год после шко-

лы в институт не поступила и пошла работать старшей вожатой в 27-ю школу. А поступала я в мединститут. Сдуру. Пospорила со школьной химичкой, что я знаю химию и пошла на фармакологический факультет меда. А перед экзаменами нас, абитуру, повели в анатомический музей, и меня оттуда вынесли. А какой из такой кисейной барышни врач? Хотя я, вообще-то, не врачом быть собиралась, а фармацевтом, но после этого уже сдавать экзамены не пошла. Поступила заочно в пединститут. И все-таки на биолого-химический.

Училась заочно и работала вожатой в школе № 27. Это Черемошки, и пацаны у меня такие безбашенные были, однажды один даже явился в школу с настоящим пистолетом... А раз вожатая, значит, ходила на семинары в Дом пионеров. А его директором к тому моменту, с 1967-го, уже стала Люция Павловна, и там мы с ней встречались. А если учесть, что до этого она была вожатой как раз в 27-й школе, и я на ее место пришла, то нам было о чем поговорить.

А тогда еще появились в школах очень яркие старшие пионервожатые – Юрий Карташов в восьмой школе, Валерий Ланшаков в двенадцатой, Зина Никифорова в сорок седьмой, и они придумали «Клуб вечно молодых» на базе Дома Ученых. И Клара Семеновна Зыкова из пединститута с ними контактировала. Заседания этого клуба проходили очень интересно, это был обмен опытом между вожатыми, и там, конечно, без Люции Павловны не обходилось.

Ну, а в 1975 году я перешла работать в Дом Пионеров. Сорок пять лет назад! Вот с этого момента и можно отсчитывать мой «дворцовский стаж». Хотя сперва я только числилась в Доме пионеров, а работать начала в ГорОНО инспектором по воспитательной работе. Но недолго я там задержалась. В двух проверках приняла участие и поняла, что не могу этим заниматься.

Как я могу, имея такой небольшой педагогический стаж, поучать, ставить оценки классным руководителям, которые меня опытнее в разы... И я взмолилась: «Люция Павловна, заберите меня отсюда!..»

И тогда уже окончательно перешла сюда. Работала методистом по пионерской работе. Раз в месяц у нас проходили школы пионерского актива на базе какой-то большой школы, мы учили вожатых, внедряли какие-то новые формы работы с ребятами, потом стали по районам эти активы делать. Все это в содружестве с Городским Пионерским Штабом: и с Олегом Пирожковым сотрудничали, и с Витей Кочергиным, и с Юрой Кудиновым, и с Борей Черновым...

О Татьяне Петровне Ефимовой

Я удачно тогда попала в методический отдел: вскоре его возглавила Татьяна Петровна Ефимова, она же параллельно вела комсомольский Штаб. Татьяна Петровна за свой отдел стояла горой. Если ты что-то не так сделал, она тебе один на один головомоюку устраивала, потом сажала рядом и проводила «разбор полетов». Но если кто-то на каком-то совещании ее работника задевал, она аргументировано доказывала, что лучше него специалиста не найти, и «хватит уже долбить человека, у него от этого только руки опустятся...»

Сама она человек очень ответственный, грамотный и творческий. Бралась я, например, писать сценарий какого-нибудь тимуровского слета, делала наброски, в чем-то была не уверена, показывала ей, она смотрела, говорила: «А давай-ка – здесь так, здесь так...» И все как по волшебству выстраивалось. И вот этим качеством – знать работу каждого своего подчиненного вдоль и поперек – она обладала до самого последнего дня работы здесь. И сейчас у нее,

думаю, голова варит, дай бог каждому, вот только здоровье подводит.

У меня в библиотеке хранится блокнот одного работника лагеря комсомольского актива с ее пометками. Так это не пометки, там все ее почерком переписано, расписан каждый день. С Люцией Павловной они своеобразно жили. Татьяна Петровна всегда была «в оппозиции». А Люции Павловне это нравилось, она говорила: «Не дает мне расслабляться». И очень многое из критики Ефимовой, из ее предложений брала себе на вооружение.

Ну, а когда Люция Павловна перешла на другую работу, Дворец возглавила Ефимова. Причем как! Это был восемьдесят седьмой год, Перестройка, нам директора не назначили, а предложили выбрать самим. Мы выбрали ее. Но ГорОНО это решение чем-то не понравив-

лось, и они нашли повод наше решение аннулировать. Предложили провести повторные выборы. И мы снова выбрали ее. И она успешно руководила Дворцом тридцать лет.

Вот у меня тут, в библиотеке, есть распечатка статьи о Татьяне Петровне «Создать территорию счастливого детства» журналиста Тамары Дроздовой, давнего друга Дворца, и сын ее тут занимался. Фрагменты из этой статьи я прямо тут размещу. Хорошо там все сказано.

«...До того, как возглавить Дворец, она возглавляла Городской Комсомольский Штаб. Татьяна Петровна хорошо помнит, как все начиналось: 13 октября 1972 года активисты-старшеклассники из школ города собрались на первое заседание ГКШ в Доме пионеров на улице Татарской. Сами придумали форму: красные рубашки и буденовки. Ребята и девчонки – умные, активные, целеустремлённые! Чем только ни занимались: проводили конкурсы комсомольской песни и смотры-конкурсы знамённых групп, диспуты, областные школы комсомольского актива.

– Сейчас лидерские качества развивают в школах и на курсах менеджмента, порой несколько лет, а у нас были школы комсомольского актива, где мы учились быть организаторами, узнавали, что это такое – брать ответственность на себя, доводить начатое дело до финала. Мы все прошли «школу Ефимовой», – говорит Людмила Карпова, преподаватель гимназии № 24».

«...Растить, воспитывать ребёнка необходимо на успехе, каждый, пришедший во Дворец юный человек должен знать, что он способный. Успешный ребёнок может всё!» – это один из педагогических секретов Татьяны Ефимовой, который и стал принципом работы всего педагогического коллектива.

...Сейчас мы уже как-то подзабыли суровые времена 90-х годов, когда бюджетникам

месяцами не выдавали зарплату, уменьшилось и финансирование Дворца. Была ещё одна напасть: на большое здание в центре Томска нашлось много претендентов, и появилось много вариантов его использования. Но уже без детей или абсолютно всё перевести на коммерческую основу, и занятия в кружках и студиях стали бы для большинства ребят недоступными... И тогда Ефимова превращалась в железную леди, спорила, доказывала необходимость Дворца для города, искала сторонников и среди родителей, и среди депутатов.

А ещё при директоре Ефимовой Дворец был капитально отремонтирован, этот факт особых комментариев не требует...»

«...— Если коротко о Ефимовой, то это, прежде всего, талантливый руководитель. Создать из многих амбициозных людей (а разве есть творческие личности без амбиций?) единую команду педагогического коллектива — очень непросто, а ей удалось. Она творческий человек: у неё всегда масса идей, она их генерирует, и касается это всего — от проведения педагогического совета до интересных дополнений в сценарий концерта. Я признателен и благодарен Татьяне Петровне за возможность работать в такой атмосфере, — говорит Владимир Лабенский, проработавший здесь всю жизнь. В его искренности не стоит сомневаться: сейчас Ефимова и Лабенский — не начальник и подчинённый, Татьяна Петровна во Дворце уже не работает...»

О себе и о Дворце

Интересно здесь было работать. Дочь моя, Марина, тут, во Дворце, в ЮИДе выросла. Сейчас она в Нидерландах живет, фамилия у нее для меня сложная, не выговорю. И сын, Александр, все кружки тут прошел, сейчас его дочка, то есть, внучка моя, в «Фуэте» ходит и в «Мелодию».

Но мой дворцовский стаж прерывался на целых семь лет. Муж, Григорий Александрович, устроился на работу в «Томскнефть», а организацию как раз в 87-м перевели в Стрежевой. И ему предложили ехать или в Стрежевой, или в Кедровый. Кедровый ему понравился больше, и вся наша семья переехала туда.

Я бы, может, и возражала, но мы жили в Томске в старом деревянном доме, и однажды его подтопило. Там стало все гнить, шкаф с бельем откроешь, а там плесенью пахнет. И у меня началась сильная астма. Врачи сказали: «Если вы не смените условия проживания, через пять лет — на инвалидность».

В Кедровом располагался НГДУ «Лугинецк-нефть», муж был заместителем начальника по экономическим вопросам, а мне там сразу предложили должность директора Дома Пионеров и параллельно — учителем биологии в школе. Мы жили там тоже в деревянном, но новеньком, свежим деревом пахнувшем общежитии, а окна выходили в лес. Летом — ягоды-грибы, зимой — на лыжах с сыном. И у меня уже на второй год все признаки болезни исчезли.

Климат, природа там прекрасные, и зима, и лето более солнечные, чем в Томске. Утром я вела уроки по биологии, а после обеда шла в Дом пионеров, и ко мне приходили те же самые дети, ведь школа там одна и детское досуговое учреждение, или — как сейчас говорят, «учреждение дополнительного образования» — тоже одно.

Хорошо мы там жили... Но вот, в 94-м закрыли НГДУ, нефть там оказалась, хоть и качественная, но очень глубоко и очень густая, трудно добывать, нерентабельно. А сын наш как раз закончил девять классов, собрался тут в техникум поступать. И мы вернулись в Томск, в новую уже квартиру.

Я думаю, ну, что делать, похожу по школам, поищу работу, буду биологию вести. Но не прошло и трех дней, как мне звонит Ольга Константиновна Васькина: «Прошел слух, что ты в Томске...» «Да, отвечаю, в Томске». «Так приходи во Дворец, мы тебя ждём. Я тут, кстати, вещички твои храню...»

Прихожу, и она мне действительно вручает целый пакет моих вещей. Линейка, тетрадь, прочая мелочевка. Даже кроссовки и синий халат. Я спрашиваю: «Зачем ты все это хранила?!» А она: «Ну, я же знала, что ты к нам вернешься...» И взяли меня сюда методистом учебной части. Под моим ведомством были кружки: художественный, вязания, «Юный скульптор», и, кроме того, подобные кружки, которые были по школам и детским домам, приписанные к нам.

Ну, а потом, когда мне пришло время пенсионное удостоверение получать, мне Татьяна Петровна говорит: «Я тебе тёплое место нашла!» «Где?» «В библиотеке». Я говорю: «Да я всю жизнь мечтала в библиотеке работать! С детства мечтала!» И это правда.

Но, надо сказать, что работа у меня тут сейчас не столько библиотечная, сколько выставочная и экскурсионная. Делаем выставки, посвященные юбилеям наших коллективов и всенародным праздникам, провожу экскурсии по Дворцу... Недавно, например, по выставке «История казачьего костюма», созданную «Русскими забавами», мне приходилось проводить по пять-шесть экскурсий в день, предварительно эту историю выучив...

Меня попросили, кроме всего прочего, вспомнить какие-нибудь смешные случаи из нашей дворцовой жизни. Что-то я мучилась, мучилась и припомнила только один. Как-то раз, где-то в восьмидесятых, наш педагогический коллектив готовился к смотру художественной самодеятельности. В том числе у нас был хор.

Мне-то медведь на ухо наступил, но меня для массовости все-таки поставили и сказали: «Ты только рот открывай, но не пой». Вот я так рот открывала, открывала, но в какой-то момент забилась и «запела». Репетиция была сорвана...

Мне очень дороги традиции Дворца, почти все они были заложены Татьяной Петровной: «Школа дворцовских наук», соревнование «Рекорды нашего Дворца», «Звездный зал», который на «Фестивале кружковцев» был предложен (он как в Лос-Анджелесе, только у нас, чтобы по звездам не топтались, они, как и положено звездам, наверху висят), «Аллея выпускников»... Первая аллея была липовая, есть и рябиновая, и дубовая, и кедры высаживали.

Я очень надеюсь, что эти традиции продолжатся, а те, что все-таки затухли, возобновятся, какой бы другой сейчас у нас жизнь ни была. Дети – они всегда дети. Пока не вырастут. Жизнь у них начинается с чистого листа. И будущее их зависит от того, какими мы их воспитаем.

Василиса Азарова: Дворец сделал меня сегодняшнюю

Впервые я попала во Дворец маленькой девочкой, тридцать семь лет назад. Я прошла отбор в детском садике, и мама привела меня в хоровую студию «Мелодия». Меня – шестилетнюю – очень впечатлил огромный холл с высоченным потолком. Мы в настоящем Дворце! А в расписании значилось, что вести занятия будет А. Пугачева.

Та самая Алла Пугачева? Надо ли говорить, что мое впечатление усилилось в разы.

Позже выяснилось, что руководитель не певица из телевизора, а Альбина Васильевна, та самая женщина, которая в детском саду просила меня похлопать в ладоши и спеть то, что слышу, нажимая на клавиши пианино. Однако то первое самое сильное впечатление не удалось стереть даже пролетевшему времени.

Десять последующих лет я во Дворце в буквальном смысле слова жила. Я проводила здесь гораздо больше времени, чем дома.

Сразу после школы пять или шесть раз в неделю я спешила во Дворец на хор, музлитературу или сводную репетицию, а если не сводную, то генеральную или концерт. Все каникулы проходили в этих стенах.

Одно из самых первых ярких впечатлений – «Город Веселых Мастеров». Это был шумный и удивительный праздник. В детской голове создавалось реальное ощущение города, в котором есть свой театр (и не один) библиотека, художественная галерея, где могут нарисовать твой портрет, городская площадь и множество других неожиданных учреждений. Каждый кружок каждый год придумывал что-то свое, неожиданное, новое.

За день набиралось столько событий, столько удивлений и открытий! Было невероятной удачей успеть на сеанс мультфильмов

на пятом этаже, между своими собственными выступлениями, ведь ты тоже был Веселым Мастером в этом чудесном городе. Конечно, ни ютуба, ни даже видеоманитофонов у нас тогда не было, а телевизор смотреть не было времени – репетиции! И мы все стремились попасть хотя бы на один мультсборник, хотя зал и без нас был переполнен.

На какой-то из «станций» обязательно разучивались песни под аккордеон с Любовью Михайловной. А потом ты стоишь в толпе общедворцового хора. И это чувство единения с множеством незнакомых, но таких близких и похожих на тебя детей и взрослых. Где еще можно получить этот опыт?!

Благодаря музыкально-хоровой студии «Мелодия» мы объездили полстраны: Барнаул, Новосибирск, Красноярск, Москва, Рига... Мы жили и в гостиницах, и в принимающих семьях ребят из детских хоров этих городов. И это давало ощущение невероятной свободы, расширяло границы мира, раздвигало личную географию. А благодаря постоянной концертной деятельности нашего образцового хора – хор заслужил это звание, и мы очень им гордились – мы побывали на всех больших сценах города.

Мы, маленькие певцы с огромными бантами, выходили в свет софитов и звучали вместе с другими хорами, а в перерывах атаковали буфеты и исследовали закоулки. В театре «Скоморох» я забыла свои концертные туфли, там они и остались; сцена Драмы казалась огромной (сейчас так не кажется, я проверяла), БКЗ поражал своими лабиринтами закулисья.

Но одной «Мелодией» дело не кончилось. Изостудия у Лилии Тимофеевны была устроена совсем иначе. В хоре нужно было слушать друг друга, учить и держать свою партию, почти всегда быть сконцентрированным, а здесь мож-

Любовь Назарова

но было слушать только себя и рисовать то, что чувствуешь. И можно было мило беседовать за мольбертами. В Клубе Интернациональной Дружбы и в Совете Дворца мы в старших классах уже сами разрабатывали дворцовые мероприятия и брали на себя взрослую ответственность.

Игровой клуб «Колобки» с Еленой Карташовой и поездки с игровыми программами – навык взаимодействия с залом совершенно иной! Полный интерактив. Участие в конкурсе «Звезды зажигает Дворец» в качестве ведущей. Боже, как я волновалась, представляя свою коллегу из студии «Мелодия» Елену Бурову! Мы дружим до сих пор.

Дружба – это то, что возникало во дворцовых коридорах и уносилось с собой в жизнь. ЮИД и Рок-лаборатория – совместные мероприятия с ребятами, которые занимаются совсем другим делом! Эти дружбы длятся по сей день, иногда перерастая в рабочие проекты, потому что взаимодействию мы учились в одних стенах, и объяснять друг другу практически ничего не нужно.

Свою жизнь профессионально с музыкой я не связала, однако на выбор профессии Дворец все же повлиял. Однажды, уже в старших

классах, в ожидании репетиции я встретила в коридоре Ирину Корневу, она искала Рок-лабораторию. А там было закрыто. Я рассказала о расписании и особенностях работы, а в ответ получила приглашение прийти в редакцию, поскольку Ирина была журналисткой газеты «Вместе».

Я и пришла. В дальнем конце балкона над Зимним садом в маленькой комнатке располагалась подростковая газета. Я пришла и осталась. Стопки свежих номеров, взрослые слова «ответ-секретарь», «корреспондент» и первая публикация на первой полосе! С ума сойти можно. Тогда газета еще не была приложением к большой городской. Редакция была небольшой, но самостоятельной. Строгий Олег Гертнер спрашивал: «Васька, ты написала материал?» Я прятала глаза, потому что материал был готов не всегда вовремя. Дедлайны – штука сложная в освоении, особенно когда это касается творческого процесса. Вот и сейчас я затянула с текстом до последнего.

Сегодня я преподаю на факультете журналистики ТГУ и за свою жизнь сделала много газет, в том числе и подростковых. Являюсь администратором сайта Театра живых кукол «2+ку». Рисую иллюстрации и издала детскую книжку с собственными картинками. Занимаюсь в театральной студии «Ступени», свободно и легко выхожу на сцену как спикер и провожу мастер-классы на разные темы.

Сегодня я вижу, что многие мои проекты и дела зародились еще тогда в стенах Дворца Пионеров. Дворец был мне вторым домом, а по количеству проведенного времени, думаю, первым. Дворец сделал меня сегодняшнюю.

Низкий поклон и многие лета всем, кто продолжает творить это чудо.

Дмитрий Александров.

«Корабли во всех их проявлениях»

Какими только удивительными образами не повлиял Дворец на судьбы жителей нашего города...

После восьмого класса, летом, родители отправили Диму Александра отдыхать на Черное море. Он отдохнул. Но домой не вернулся. Вместо этого он поступил там в «мореходку». В Ростовское речное училище. Для родителей это был шок.

Откуда же у мальчика появилось эта тяга? Как поется в песне «... Откуда у парня испанская грусть?» Дмитрий Сергеевич рассказывает:

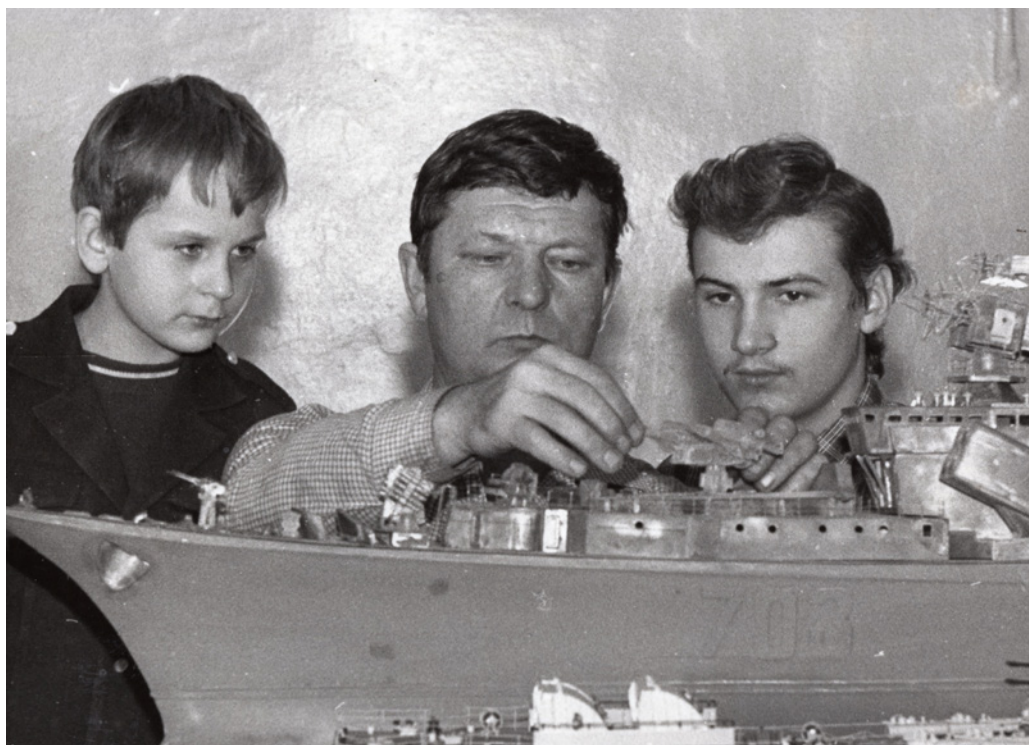
— Мы жили на улице Дзержинской, я учился в школе № 6. Путь к школе у меня лежал мимо Дворца. В четвертом классе я зашел туда и записался в стрелковый кружок. Да, тогда тут, в подвале, был тир — пневматика и «мелкашки»... А с другой стороны лестницы находился судомодельный кружок, я заглядывал в него, любовался выставленными там вдоль стен моделями кораблей. И год спустя сменил тир на судомодельный.

Организовал кружок и долгие годы руководил им Борис Иванович Коровин. Насколько я знаю, он был мастером, токарем на Томском Инструментальном Заводе. Сперва здесь «подрабатывал», так как увлекался моделизмом всю жизнь, а со временем перешел сюда полностью. Какие только модели он не делал! Однажды, например, сделал двухметровый прямоходный крейсер, и тот таскал за собой резиновую лодку с двумя пассажирами...

— Чем так увлекает это занятие — моделизм?

— Во-первых, делать своими руками, получить результат. Во-вторых, участвовать в соревнованиях на воде — азарт. Ведь все модели ходовые, это не статуэтки. Ну и еще, что важно в кружке, — общение с такими же увлеченными этим ребятами. Со многими из тех, кто ходил тогда в судомодельный кружок, я и до сих пор дружу — Игорь Будаев, Владимир Золотарев, Игорь Головин, Сергей Сахаров, Сергей Хоменко, Геннадий Куц...

— А каким образом оцениваются модели на соревнованиях, как могут соревноваться радиоуправляемый катер и парусный фрегат?

*Борис
Коровин
с кружков-
цами*

– Между собой они, конечно, не соревнуются. Всё по отдельности: парусники и модели, оснащенные двигателем, прямоходные и радиоуправляемые, военные и гражданские. А еще надводные и субмарины. И все еще делятся на несколько классов по длине.

Результат зависит от множества факторов: как парус, как рули установлены, насколько точно сам корпус выполнен... Там много нюансов.

Сначала мы делали яхты. Весной спускали их на воду на Белом озере: какая быстрее, какая точнее построена... Потом модели становились все сложнее и сложнее. Я прозанимался до восьмого класса. В восьмом не очень хорошо ходил, потому что к экзаменам готовился. Ну, а после восьмого поехал на море... И как, посмотрев на него, на настоящие корабли, я мог просто вернуться домой?! Вот и поступил в мореходку.

– И потом служили на море?

– Нет. Во-первых, у этого училища была двойная направленность – и морская, и речная. Во-вторых, мне там не понравилось. Учась там, я попал на одну практику на море, посмотрел на быт моряков, и меня он сильно не устроил. Жили они, в основном, общежитиях, полгода в плавании, три месяца на суше... Ни у кого не было крепких нормальных семей. Отучился год, и отец убедил меня перевестись в похожее училище поближе – в Новосибирск.

И потом, еще на практиках в Томской судоходной компании, работая мотористом, я уже получал зарплату в полтора раза большую, чем отец, который в тот момент был ведущим инженером серьезного проектного учреждения. Притом, на службе нас поили, кормили и одевали. Тогда речной флот был в престиже. Туда я и пришел после учебы работать – третьим штурманом. Работал там до армии.

– А где служили? Морфлот?

– Нет. Когда мне повестка пришла, я был в плавании. Пришел – меня повестка ждет. Пошел к военкому, так, мол, и так, простите, опоздал... Меня направили в «Военную школу поваров». Полгода в учебке. Там мы ходили в наряды в комендатуру гарнизона. Я в комендатуре подошел к одному офицеру, к другому, говорю: «Я тут хочу служить. Мне тут нравится...» И меня туда забрали водителем.

Непростая была служба. Ловили преступников.

– Ну вы же сами напросились.

– Да. Все-таки это было лучше, чем два года кашу варить. Настоящая служба. Ну, а по дембелю вернулся на флот работать, дослужился до капитана. Водил «толкачи» – с лесом, с гравием, с разными грузами. Но когда третий сын родился, мне жена сказала: «Хватит из дома шнырять в свои рейсы...» И я ушел на берег. Поработал и начальником транспортной базы, и руководителем проекта – проектировал теплоэлектростанции, механическую часть... Потом вернулся в порт. Сначала инже-

нером-конструктором, а сейчас я начальник техотдела. Здесь, во Дворце, – «совместитель», приезжаю три раза в неделю.

– То есть модели судов вас продолжали интересовать?

– Не только модели. Корабли во всех их проявлениях. Борис Иванович из Дворца ушел, кружок тут закрылся. Он перешел в детский клуб «Ромашка», но и там вскоре все позакрывалось. Время такое было. Но мы с друзьями, которые к нему в кружок ходили, встречались и часто говорили о том, что нужно бы работу этого кружка во Дворце возобновить. Потом Борис Иванович умер, и вопрос этот уже как-то реже поднимался.

Но вот в Томске открыли техникум водного транспорта. И его директор обратился к одному человеку в порту с предложением открыть у них судомодельный кружок. Тот отказался, а я стоял рядом и сказал: я хочу... Открыли кружок. Но там ребята взрослые уже учатся, а это дело такое: если ребенком не полюбил, то уже вряд ли втянешься. А этим уже

не до того: у них на уме девочки, айфоны... В кружок ходило человека три... И вскоре нас оттуда попросили.

– Как вы все-таки попали во Дворец?

– После закрытия кружка в техникуме я через своих знакомых искал, кто мог бы выступить спонсором в открытии клуба. Меня познакомили с Сергеем Рыбаком и Тарасом Мироновым, и они вызвались стать спонсорами судомодельного клуба. Они тоже увлечены флотом и хотят приобщить к этому своих детей. Дело стало только за помещением. Мы вышли на Игоря Бабарыкина, руководителя технических направлений здесь, и Дворец помещение предоставил.

Спонсоры наши профинансировали ремонт, кое-какое оборудование купили... С сентября мы начали работать. В качестве педагогов – я и Игорь Мурысьев. Он в детстве занимался

в судомодельном в Северске. Чемпион всероссийских соревнований, ездил и на международные, там третье место занял. В Томске есть Федерация судомодельного спорта, и мы оба с ним состоим в ней.

– Сколько сейчас у вас занимается детей?

– Три группы по восемь человек.

– Берете всех желающих?

– Да, конечно, всех, кто хочет. Но отсеивать в этом деле всегда большой. Сложное занятие, трудное. Требуется усидчивости, трудолюбия. Многим ребятишкам быстро надоедает.

Но хочу заметить, что у нас не просто кружок, а именно клуб, так как теперь тут собираются и взрослые, увлеченные этим делом, люди. Друзья. Встречались мы всегда, но теперь не ковыряемся сами по себе, а работаем вместе, общаемся, советуемся. К тому же тут есть станки – фрезерный и токарный. И детям полезно видеть, как делаются большие серьезные модели.

У нас и судно свое есть – катер «Ярославец». Он, вообще-то, лично мой, но я его считаю судном нашего клуба. Ходим на нем в плавания.

– Какие у вас планы? Чем клуб порадует в ближайшее время?

– Мы хоть и начали работу, но пока все-таки еще обустроиваемся. Потом привезем сюда свои модели, красиво будет. Надеемся, что уже этим летом наши ребята поучаствуют со своими моделями в соревнованиях. Еще хотим сделать переносной бассейн, продемонстрировать модели в фойе Дворца, чтобы детей увлечь.

– Как вы думаете, надолго это всё? Будет ли ваш клуб одной из «визитных карточек» Дворца?

– Мы хотим, чтобы это было надолго. Потому что хотим, чтобы и у Дворца все было хорошо. Так что с юбилеем его и долгих лет.

Сказ о том, как **Ольга Алексеева**

дважды Москву проигнорировала, а в Хабаровск поехала и в Томске осталась

Разговаривать со мной Ольга Владимировна начала с некоторой опаской. А позже объяснила, почему.

«Я сталкивалась с журналистами... Однажды с «Русскими забавами» мы были на Международном конкурсе в Болгарии. И когда встретились с русским послом, выяснилось, что он учился в Томском Политехническом Институте», жил в общежитии на Кирова, 2...

А в Санкт-Петербурге мы выступали в гала-концерте после конкурса, и в конце номера ребята на досточке поднимали девочку, а в руках у нее был наш томский флаг. Вокруг идет пляска, флаг развеивается... Так вот, организаторы конкурса попросили нас флаг сменить на российский. Но наши дети ни в какую не согласились. Не отдали томский флаг. С каким флагом приехали, говорят, с таким и выступать будем.

Ну, так вот. Когда мы вернулись в Томск, журналист ТВ-2 пришёл взять интервью. Я все это ему рассказала, а утром включаю телевизор, и слышу, как телеведущий говорит: «Ансамбль «Русские Забавы» встретился в Болгарии с российским послом, который оказался томичем. Тот попросил у детей томский флаг, но они его ему не отдали...» С тех пор я с журналистами очень осторожна.

Я пообещал обязательно показать ей этот материал перед публикацией, заверив, что если ляпы и будут, она сможет их устранить. А затем уже задал первый вопрос:

– Ольга Владимировна, расскажите о себе: откуда вы родом, когда и где начали заниматься танцами?

– Я коренная томичка, а с танцами связана вся моя жизнь. Начинала я в самодеятельности, в кружке школы села Малиновка. Потом меня заметили, говорят, иди на электроламповый завод, там шикарный самодеятельный коллектив. Я пошла, но там мне объяснили, что чтобы попасть в него, нужно на «Лампочке» и работать. Тогда я год отучилась в их

заводском училище номер семнадцать, а потом пять лет отработала контролером ОТК, в двадцать втором цехе. Но с первых же дней учебы танцевала, занималась у Елены Романовны Чупахиной, была солисткой.

– То есть ради того, чтобы танцевать, вы пошли на завод?

– Да! Именно. Но это действительно был очень сильный коллектив. А шефами у нас был знаменитый «Хор имени Пятницкого». И когда они приезжали в Томск, проходили совместные

С дочерью Лизой Обуховой

творческие встречи, где они нам пели, а мы им танцевали... Их знаменитый балетмейстер Татьяна Устинова меня заметила и захотела забрать в студию, в Москву. Но проблема была в прописке, и она придумала сделать так. В Москве тоже есть электроламповый завод, надо было мне туда перевестись, а когда меня там прописали бы, я бы перевелась в танцевальную студию хора Пятницкого. Но я побоялась. Мне было семнадцать лет, мне было страшно, и я не поехала. Так что от этой моей связи с хором Пятницкого осталась только одна большая фотография... Их фотограф принес ее мне прямо в цех (их пригласили на экскурсию, а я на смене была) и торжественно вручил.

А потом, спустя пять лет, Елена Романовна уговорила меня, что мне надо получать профессиональное образование, и я пошла вот сюда. Сейчас это «Колледж Культуры», а тогда

он назывался «Культпросвет училище». Елена Романовна Чупахина до сих пор для меня – кумир и главный наставник, хотя и нет ее уже в живых. Она была заслуженным работником культуры РСФСР и прекрасным педагогом. Мы уже тогда и за границу несколько раз съездили. И тут мы как раз возвращались из Болгарии, когда она меня убедила. Мы утром с поезда сошли и сразу отправились на вступительные экзамены. И меня сразу взяли.

Отучилась я тут один год, как приехал из Москвы на семинар знакомый Елены Романовны балетмейстер Назим Салимович Нуруллин. Он меня тоже заметил и говорит: «В Хабаровске организован новый профессиональный коллектив, называется «Дальний Восток». Я там буду балетмейстером, хотел бы видеть тебя там солисткой. Нужно поехать и пройти отсмотр». Ну, мы с подружкой поехали, прошли этот отсмотр, и нас приняли артистками балета.

– То есть, в Москву вы побоялись, а в Хабаровск – пожалуйста.

– Ну, мне уже не семнадцать было, и я была не одна, а с подружкой. Я отработала там четыре года, а Юра, мой молодой человек, с которым мы тут, в училище познакомились, служил в армии. И вот в восьмидесятом он демобилизовался, вернулся в Томск, а я приехала домой в отпуск, и он делает мне предложение. Выхожу замуж, а через неделю мы расстались. Он остался здесь доучиваться, а я поехала на гастроли по Дальнему Востоку. Только когда он закончил училище, он приехал ко мне в Хабаровск, и его взяли к нам в коллектив. Он приехал в январе, мы отработали с ним до лета, потом я быстренько – в декрет, а он уволился. Потому что наш ансамбль поехал на большие гастроли по побережью Черного моря, а он не захотел

меня оставлять. И пошел в военный ансамбль Краснознамённого Дальневосточного военного округа.

Ребенок появился, как-то уже не поездишь, родственников у нас там – с ребенком сидеть – не было, и мы отправились в Томск. А тут у нас друзья – Александр Тагильцев и Наталья Полагина – при томской филармонии организовывали свой танцевальный коллектив – сказка-балет «Волшебный телевизор». А муж мой служил вместе с Тагильцевым. И он говорит: а давайте к нам. Мне ужасно было жалко, все-таки в Хабаровске я была солисткой государственного ансамбля, но что делать: ребенок есть ребенок, и тут его было на кого оставлять. И мы окончательно вернулись в Томск. И в этом «телевизоре» мы отработали десять лет.

– Судя по названию, коллектив был для детей?

– Да, танцевали на музыку из разных мультфильмов. Но работали очень качествен-

но, много гастролировали по стране, съездили в Англию. Но в какой-то момент мне это все-таки надоело, а Саша с Натальей решили ехать в Москву учиться в ГИТИС, звали и нас, но нам тут как раз дали квартиру, и мы решили не мотаться...

– Во второй раз вы уже Москву проигнорировали...

– Да. У меня в тот момент другие мысли были. Я вместо этого родила второго ребенка. А первая дочка в школу пошла. Ну, куда я поеду? Через полтора года я пришла в «Центр сибирского фольклора», это было в 92-м, и мне сказали: «Ну, давайте делать ансамбль». И вот я набираю детей, и назвали мы это – школа-студия «Русские Забавы». И двадцать восемь лет я являюсь руководителем этого коллектива. За время работы получила звание «Почетный работник общего образования Российской Федерации», наград разных штук семь...

– Где вы базировались?

— Сначала здесь, в колледже. Потом переехали на Тверскую в деревянный дом. Но танцы, это же знаете, что такое... Мы его расшатали, он сыпаться начал, и нас перевели в переулок Лесной... В «Центре сибирского фольклора» я отработала тринадцать с половиной лет. Но мне стало там тесно, у меня в коллективе было уже семьдесят человек, мне не хватало ни места, ни аппаратуры, и все эти переезды добавляли напряжения. И в 2003 году я перешла во Дворец со всеми своими детьми. Приняли нас с распростертыми объятиями, за что я очень Дворцу благодарна. И там я отработала тоже около четырнадцати лет.

Во Дворце условия были, конечно, уже другие. Практически идеальные. На сегодняшний день у нас уже 267 детей, и где мы только ни побывали, куда только ни ездили...

— Но говорим мы с вами здесь, в колледже, а не во Дворце...

— Понимаете, за двадцать восемь лет я со своим коллективом сделала уже все, что хотела. Появилось ощущение топтания на месте, ощущение эмоционального выгорания. Это связано и со здоровьем. Танцы, знаете ли, занятие не из легких, и в моем возрасте это уже дает о себе знать. Год назад я хотела уйти из «Русских забав» совсем, но директор Дворца Татьяна Александровна убедила меня ансамбль не оставлять, остаться хотя бы «куратором». Бываю я сейчас там раз в неделю, смотрю, что-то советую, объясняю. А основное место работы у меня теперь тут, в колледже, со студентами.

В «Русских забавах» мы сделали три большие программы. Во-первых, «Казачьи России». Это очень востребованная сегодня программа. Мы изучили казачьи костюмы разных регионов, изучили их обряды и праздники, в том числе хореографический материал. Заняли в 2013 году в Екатеринбурге «Гран-при»

на отборочном всероссийском фестивале «Казачий круг», который проводит Министерство культуры. В 2014 году выступали на одной сцене «Театра российской армии» с Кубанским хором, были единственным детским коллективом там среди победителей. Вошли в десятку лучших танцевальных коллективов России по казачьей теме. Мы победили с «Некрасовскими казаками».

— Кто это такие?

Это очень редкий материал. Спасаясь от преследований, казаки-староверы ушли в Турцию, под предводительством атамана Некраса и прожили там почти триста лет. А в двадцатом веке, в конце семидесятых, вернулись и проживают сейчас компактно в Ставрополье. Номер назывался «Некрасовская подплясочка».

— Вы сказали, у вас три программы...

— Да. Вторая — «Хоровод традиций». Это межнациональный проект, цель его — не дать забыть традиционную танцевальную культуру разных национальностей, ведь вы сами видите, какое сейчас засилье современного танца, сплошной «прогиб спины», и есть большая опасность потерять то богатство, которое веками создавали наши предки.

Проходил у нас раньше фестиваль «Дружба», разные национальные центры выставляли свои коллективы первого мая на концерте в БКЗ. И мы с ребятами, готовясь к этому фестивалю, стали изучать народные танцы: и северных народов, и латышский танец у нас появился, и цыганский, и еврейская сюита... И так большая программа сложилась. Спросом она пользуется неизменно.

Ну, а третий проект — чисто русский, по обрядам народного календаря. Хоровод на Масленицу, танцы на Рождество, что зимой танцевали, что весной...

– В эти три проекта можно вложить, по-моему, все, что угодно.

– Да, совершенно верно. Творческие проекты помогли выстроить свою систему образования по народному танцу, и впоследствии была написана авторская программа. С «Русскими Забавами» мы побывали и в Японии, и в Париже дважды, и в Финляндии, и в Швеции, и в Болгарии. Это моё детище, я его вырастила, мне было очень интересно в нем, и никогда бы я не отошла в сторону, если бы не здоровье и необходимость изменить образ жизни.

Но Колледж культуры мне тоже далеко не чужой. Здесь я начала свое образование, здесь я нашла себе мужа, мы живем с ним вместе уже тридцать девять лет. Он у меня тоже хореограф, заслуженный работник культуры, работает в Первой музыкальной школе, у него ансамбль «Карусель».

– Кстати, о семьях. Приходят к вам братья, сестры?

– Очень часто. Один пример есть особенно яркий. Приходит как-то к нам на занятие священник, отец Евгений из храма Сергия Радонежского, говорит: «Можно я у вас на занятии поприсутствую?» Я говорю: «Пожалуйста.» Он просидел до конца, потом говорит мне: «Мне очень понравилось, что вы занимаетесь тут русскими танцами. Можно я к вам своих детей приведу?» И привел двоих старших сыновей – Ваню и Ульяна, и дочку Машу. За ними пришла четвертая, пятая и шестая... И только седьмой его ребенок у нас не занимался. А шестеро закончили нашу школу-студию.

А сам он стал нашим духовником. Поехали мы в лагерь, он лагерь освятил. Освятил наши залы. Всегда, когда мы куда-то ездили, он за нас молился. И до сих пор он наш духовный наставник. Кстати, за работу с ка-

зачей темой мне Томская епархия медаль вручила.

– Ольга Владимировна, кто-то из ваших воспитанников стал профессионалом в этой области?

– Обязательно. У меня из первого набора девушка одна, Ася Шилова, преподает классический танец и сценическое движение. Работает в паре с Верой Алентовой. В этом году закончила Московский театральный университет, стала профессиональной актрисой Женя Гладких. Там у них направление такое, связанное с пластикой... Ирина Александрова сейчас работает в Ансамбле космических войск, артистка балета. Анна Иванова и Виталий Горкалцев, мои ученики, сейчас преподают в «Русских Забавах»... Да многие еще профессионально работают, а многие еще учатся в профильных учебных заведениях. Но, на самом деле, я не считаю, что это важный показатель. Для меня не главное, чтобы мои дети посвятили танцам жизнь.

– А что тогда на ваш взгляд главное в ваших «Русских забавах»? Что они дают детям?

– Главное я даже не выделю. Это и физическая подготовка, и пластика, и грация, и музыкальность. А еще патриотизм. Я же вам рассказала историю с флагом. А вот вам еще история, и она показательная. Были «Русские Забавы» в длинных-длинных гастролях: Польша, Венгрия, Чехия, Австрия, Германия. Заняли на международном конкурсе первое место и возвращаемся в Томск. Прилетели в Новосибирск, сели в простой рейсовый автобус и поехали сюда. И вот на границе Томской области в Алаево мои дети вдруг запели Гимн России. Пассажиры остальные смотрят вокруг: что такое, почему... А ведь никто ребят об этом не просил, не заставлял, они сами. Это многого стоит.

Елена Алтухова (Березина):

Земляничные поляны — навсегда

— И все-таки, Елена Владимировна, как будет правильнее написать вашу фамилию — Алтухова или Березина?

— Когда я тут занималась, я была Алтухова, но можно и «Березина» писать, ведь фамилия мужа тоже дворцовская, он тоже выпускник Штаба Юных Инспекторов Дорожного Движения.

— О! То есть будет романтическая история? Как вы тут познакомились, как в интерьере Дворца развивались ваши отношения?..

— Да, но с поправкой. Познакомились мы, конечно, здесь, но я успела сначала дважды выскочить замуж «на стороне», прежде чем

поняла, что наш, ЮИДовский, лучше всех. Мы с Никитой только пять лет женаты.

Кстати, сын мой — Владимир Солодкин — тоже «дворцовский»: выпускник игрового клуба «Колобки». И еще танцевал в «Русских Забавах». А вы знаете, кстати, откуда это название — «Колобки»? Был у нас в лагере актера такой парнишка замечательный, Сашка Бурковский, он сейчас в Америке живет. Очень был артистичный и веселый, а прозвище у него было «Сашка-Колобок». И вот поэтому вся эта компания и стала «колобками». Я очень рада, что Вовка мой прошел эту школу. Сейчас, когда молодежь даже на одном диване сидит,

перейти к содержанию

уткнувшись каждый свой в телефон, умение общаться и «зажигать» дорогого стоит. А колбаски — они как раз такие!

— **Хорошо. Рассказывайте теперь про свою «дворцовскую юность».**

— Я недавно как раз думала о том, что в Томске у большинства взрослых людей молодость делится на два этапа — школа и вуз. И там, и там есть свои воспоминания, своя компания, с которой они периодически встречаются. А вот у меня этап один и компания одна — Штаб ЮИД. А школа, вуз прошли как-то фоном. И друзья мои лучшие, с которыми мы уже больше тридцать лет вместе, — тоже штабисты.

— **Как вы попали в этот штаб? Как вообще ребенку могло взбрести в голову увлечься правилами дорожного движения?**

— Попадали туда все примерно одинаково. ЮИДовский отряд был в каждой школе. Вот и мой 6 «б» класс 55-й школы был «ЮИДовским». ЮИДовцы всего города занимались во Дворце. Штабисты проводили для нас «Школу светофорных наук», клуб «Лимузин», «Светофорный ринг», конкурсы всяческие — мыслимые и немыслимые... Вот и мы как-то пришли в Штаб на занятия, а летом впервые побывали в профильном лагере юных инспекторов движения «Держинец». А там не только велосипеды, мотоциклы и картинги, а еще и бальные танцы, и конкурс агитбригад, и совершенно необыкновенные вожатые!

Лагерь — это, конечно, отдельная страница жизни каждого человека, который хоть разок в нем побывал... И в наших профильных сменах было очень много ярких и запоминающихся событий. Но совершенно точно, что абсолютно каждый вожатый и каждый пионер помнит, что пик безумного творческого энтузиазма приходился на вожатский концерт. Один

из моих любимых номеров был — клип на песню «Не валяй дурака, Америка».

— **А в самих правилах дорожного движения что-то увлекательное есть?**

— Одна из программ нашего клуба «Лимузин» начиналась именно с такого диалога: «Правила? Опять правила... В школе правила, в магазине правила и здесь опять правила! Правила — это же так скучно и неинтересно!» А другой штабист отвечал: «А вот мы попробуем убедить тебя совершенно в обратном!». И, вы знаете, у нас получалось.

Удивительно, что взрослые, которые с нами занимались, умели сделать эти занятия не просто увлекательными, а, я бы сказала, заразительно-увлекательными! Конечно, это заслуга прежде всего Владимира Николаевича Лабенского. Он сам выпускник городского пионерского штаба, так что все лучшие традиции творчества, умения совершенно по-особенному работать в детском коллективе, умения заразить своими идеями мы получили из «первых рук».

Про творческо-профильные мероприятия я уже немного вспоминала, а вот из творческо-развлекательного нельзя не вспомнить про «Клуб в тени банана». В здании Дворца с момента основания в зимнем саду рос банан. Возможно именно он и дал название нашему клубу, это было еще до меня. И так, «Банан» (рабочее название клуба) случался раз в месяц. Какая-нибудь творческая группа готовила интересные номера и задания. За годы существования «Банана» чего только не было у нас: «группа экспериментальных цирковых гимнастов «Стальная мышца», несколько серий индия-фильма, мистико-детективный триллер «Папа, меня убили штабисты!» и еще много разных незабываемых номеров.

— **ЮИДовское движение существует не только в Томске...**

Светлана Нестерова

— Да, вы правы. Не готова сказать, как сейчас, но в наше время клубы, штабы, отряды ЮИД работали во многих городах нашей тогда еще большой страны: Эссентуки, Таллин, Рига, Вильнюс, Фрунзе, Подольск. Это я перечисляю только те города, в которых мы побывали в гостях у своих друзей ЮИДовцев.

Но могу похвастаться: правила-то мы все знали примерно одинаково хорошо, и многие круто катались на велосипедах на соревнованиях «Безопасное колесо», но вот когда мы показывали агитбригады — то с ростовыми куклами, то с частушками про ПДД, то с оперой, — равных нам, томичам, не было!

Штаб ЮИД — это до сих пор действующий детский коллектив. Гениальная идея, состоящая в том, что профилактикой детского дорожно-транспортного травматизма лучше всего смогут заниматься сами дети, пришла в 1977 году подполковнику милиции Земфире Гавриловне Абрамовой. Но ведь помимо великолепной идеи нужно было, чтобы действительно случилось чудо — встретились люди, которые смогли заразиться этой идеей и за-

разить других. А потом воплотить ее в жизнь. Это, конечно, Владимир Николаевич и другие педагоги Дворца. Все эти годы с нами была чудесный музыкант Любовь Михайловна Назарова, а Светлана Ивановна Нестерова написала для нас бесконечное количество серьезных и смешных стихотворных текстов...

И вот штабу сегодня уже более сорока лет. Я считаю, это такой солидный возраст, с которым может посоревноваться далеко не каждый взрослый коллектив, не говоря уже о детских. А мы — Городской штаб ЮИД — живем и действуем. И мне кажется, что я нашла правильное объяснение этому феномену. В 80-х годах во Дворце было много штабов: ГКШ, ГПШ, штаб барабанщиков, городской пионерский пресс центр... А сегодня — только наш. Потому что серьезное дело, которым занимаются штабисты — спасение детей от аварий на дорогах, оно вне времени и вне идеологии.

— Можете ответить, в целом, что дал вам Дворец?

— Да всё. Точнее сказать, он дал мне меня такой, какая я есть. Я вот вам рассказываю, что мы были центром любой творческой движухи... А ведь, когда я после шестого класса пришла в Штаб ЮИД, я краснела до макушки по любому поводу, даже когда на уроке руку поднимала. Дворец сделал меня легкой на подъем, открытой, он дал мне веру в себя.

Особенно показательной в этом смысле была наша поездка в Литву... Мы приехали в лагерь юных инспекторов движения под Каунас. Так вышло, что только вчетвером. И нас там было всего четверо русских — две девочки и два мальчика на весь лагерь литовских ребят. Нас не обижали, но очень демонстративно не любили и подставляли по мелочам. Например, сразу спросили, играем ли мы в баскетбол, и мы, такие: «Конечно!» Мы тогда

еще не знали, что Каунас — «баскетбольная житница» Советского Союза. Против нас выставили настоящих профи, рядом с которыми мы на поле выглядели неуклюжими курицами, и они уделали нас с позорным счетом...

Не знаю, как пацаны, но мы с подружкой каждый вечер тихонько плакали в подушку, потому что во всем ощущали эту пассивную неприязнь. Но довольно скоро так вышло, что вся жизнь лагеря стала крутиться вокруг нас, мы стали ее центром. На прощальном концерте почти в каждом выступлении каждого отряда очень тепло говорили и пели о нас — томичах. И когда мы уезжали, весь народ просто рыдал, никто не хотел с нами расставаться.

Но знаете, что мне из этой поездки запомнилось больше всего?

— Ну?

— Думаю, вы бывали на сельхозработках, когда целый день картошку убираешь, убираешь, а потом закрываешь глаза, а вместо темноты — картошка, картошка, картошка... Так вот, лагерь находился в очень красивом месте. Он стоял на озере, а вокруг него — целые земляничные поляны! И один раз мы собирали эту землянику целый день. А ее там было... Просто поля бескрайние, красные от ягоды. И я потом еще долго эту ягоду видела с закрытыми глазами. Красота безумная.

А вообще, путешествий было очень много. Я как-то возила группу детей в другой город и подумала: «Какой все-таки Лабенский смелый человек. Это ведь такая ответственность!» Он все время нас куда-то возил. Кто-нибудь вечно на какой-нибудь станции отставал, приходилось дергать стоп-кран... Особенно когда мы ездили в Эссентуки — нас много было, почти целый вагон... А какие там, Эссентуках, звезды были! Звездищи. Я таких больше никогда не видела.

— **Итак, Штаб изменил вас...**

— Да. И отсюда, из того, что я сама стала другой, уже и все остальное вытекает. И первая запись в трудовой книжке у меня дворцовская — «Руководитель кружка Городского штаба ЮИД». То, как в Штабе изменилась я, как поменялось мое ощущение себя в жизни, происходило и с другими ребятами. Это в результате сделало нас успешными, а главное — счастливыми людьми. И это все не само собой получалось, нет. Это результат кропотливого педагогического труда Владимира Николаевича. Он все-таки гениальный педагог.

А если говорить о Дворце в целом... Я обязательно в новогодние каникулы прихожу сюда на ёлку и всем своим знакомым родителям рекомендую — потому что здесь ёлки лучшие в городе, а может даже в стране. Непросто лучшие, а уникальные: их придумывают и играют сами дети. А еще это всегда спектакль, в котором участвуют все зрители. Это очень круто! «Колобки» — они большие молодцы. Ведь это непростое умение — заинтересовать и вовлечь в общую игру человек сто пятьдесят незнакомых разновозрастных ребятешек!

Был такой период, когда, из года в год приходя во Дворец, мы видели одних и тех же педагогов. Шли годы, они старели. Помню как-то поймала себя на мысли, что нет развития, что с этими людьми уйдет и все, что мы тут любим. А в этом году пришли на ёлку с подружкой (у неё тоже много связано с Дворцом, и дочь её занималась с Вовкой в «Колобках»), и я говорю: «Вот, наконец, ни одного знакомого ребенка под ёлкой, на сцене тоже незнакомые дети, и много появилось новых взрослых лиц». И как-то это, прямо, радует.

Значит, ничего не кончилось. Всё продолжается. «Strawberry Fields Forever»!

Андрей Ананин, «Синтез» и «Глория»

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«... Брат бросил «Глорию», и меня привели взамен. Во дворце у меня было много хороших учителей, но я вот скажу о двух.

Во-первых, Галия Шамильевна Дусеева. Человек, который дал нам столько информации по сольфеджио и музыкальной литературе, сколько, мало кто сможет дать.

Во-вторых, Марина Владимировна Матющенко, мой педагог по фортепиано. Это человек с железной выдержкой, она выдержала меня целых семь лет...»

Дуся Андреева, «Дошкольная Академия», группа «Колокольчики»

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«... Мне во дворце нравится холл, он большой, там можно побегать и поесть. У нас тут есть физкультура, там учитель Аня Чайкина. Мы у нее делаем «Куколку», это как шпагат. «Куколку» делать больно, но все равно хочется...»

Марина Аржаникова:

В сердце — навсегда

потом сучили, мяли, пряли, ткали... Как зал не уснул — не знаю... А все равно терпели ведь нас, наши фольклорные изыскания, ценили...

Сколько праздников народных мы организовывали — не счесть! Помню, на Рождество... А тогда еще Рождество не так отмечали, как ныне, все более Новый год. Так вот, на Рождество решили пионеры-фольклористы старые рождественские игры показывать. Игры всякие были — «целовальные» тоже. Ну, мы опять все объясняли, мол, «традиция» такая, так полагается, деды наши так играли.

И вот нашли, выкопали игру «Покойник». Ну, сами понимаете, Дворец ПИОНЕРОВ, атеизм и прочее, а тут дети в покойника играют. Но решились. Одного участника, взросленького уже, на лавку положили, лицо мукой обсыпали, из яблоков клыки вставили, ручки сложили, свечку в лоб. Еще свет выключили. Детки стоят, покойник лежит, родители смотрят... Ох, че будет — не знаем, поем себе: УМЕР ПОКОЙНИК В СРЕДУ, НА ВТОРНИК, ПРИШЛИ ХОРОНИТЬ — ОН УСАМИ ШЕВЕЛИТ... Ну, потом покойник пошевелил руками, ногами, глазами, потом бросается детей догонять. Крику, визгу, все носятся, глаза горят, родителей не видят, а покойник в коридор, по лестницам, простыня развевается...

Мы после боялись, что кто-нибудь «накапает», но все обошлось, понравилась народная игра, до сих пор играем, даже со взрослыми.

Дворец всегда был дружный, дружно праздники гуляли, дружно не хотели планы поурочные писать, дружно концерты делали. Дружно

Я, когда Дворец вспоминаю, первым делом — «старушек»: Тамару Яковлевну, Лобову Надежду Степановну, Альфию Гафуровну, Татьяну Петровну, конечно... Правда, «старушки» они условные, вы понимаете: молодые, красивые, на каблуках, глаз горит, галстуки пылают.

Просто я пришла во Дворец почти случайно в двадцать три, и задержалась на двадцать лет, организовав, ансамбль «Пересек», фольклорный. Ох, и мучила ж я своим фольклором «аутентичным», все-то у нас особенное — и костюмы, и песни, и не вздумайте даже замечания делать, и ничего-то вы не понимаете...

Вот как-то раз на концерте песню исполняли: стоят девчульки мои в разных сарафанах, рядом, поясков наплели, бусы нанизали и песню поют, про «леночек». А в песне-то двадцать пять куплетов, все по порядку: посадили ленок, потом попололи, потом, рыхлили, потом брали,

дружили коллективами – мы, «Пересек», например, с театрами (Ольга Хомозова руководитель).

Вообще, творческая атмосфера была, и, главное, интересные люди были, педагоги, особенно старшие.

Не могу без восхищения говорить о Васильеве Александре Георгиевиче, нашем фотографе-сербе: Мастер! Зайти в его мастерскую-фотолабораторию было счастьем.

Мой кумир – Альбина Васильевна Пугачева, руководитель хоровой студии «Мелодия», профессионал, педагог, трудоголик. Пять лет у нее проработала аккомпаниатором, что была для меня тоже школа.

Варенцова Элеонора Дмитриевна – руководитель хора мальчиков, известнейшего в городе коллектива.

Тамара Яковлевна Селиванова – наша МАМА: пожалеет, посоветует, подскажет, все к ней в кабинет тянулись поплакаться, поделиться, посмеяться. Ушла из жизни, к сожалению.

Вова Лабенский!!! ЮНЫЙ ИНСПЕКТОР ДВИЖЕНИЯ! Никогда не могла понять, что ж там такого интересного, что дети туда гурьбой, гурьбой. И все с палочками – и мальчишки, и девчонки...

Альфия Гафуровна Ильясова – преподаватель фортепиано, а по праздничкам, на наших больших дворцовских гулянках кормила нас своей домашней стряпней.

Ну, и Татьяна Петровна, конечно. Руководить таким коллективом – большой труд и большая мудрость, понимаешь это, взрослея. Думаю, ей было нелегко с нами – молодыми, ершистыми, но ведь это нормально, она с этим справилась, и мы все с уважением и любовью вспоминаем о ней!

Надежда Лобова

Тамара Селиванова

Хорошее было время, скупаю по нему.

Конечно, весь путь мой со мной прошла в «Пересеке» моя дочка, Полина Аржаникова. Она выросла во Дворце и тоже вспоминает его с любовью.

Время бежит, мой ансамбль вырос, и мы ушли в ВУЗ, но Дворец остался в сердце навсегда, как молодость, юность, верные друзья и пирожки от Альфии Гафуровны.

Осенняя сказка

— так была обозначена тематика выставки в мастерской художника **Юлии АСТАФУРОВОЙ**

Ее работы разнообразны. Это живопись, графика гуашью, пастелью и даже кофейной гущей, текстильные и войлочные панно, авторские куклы. Выставку Юлия организовала у себя в мастерской, на которой решила показать не только своё творчество, но и работы других, более пятидесяти, мастеров из Томска, Томской области, Москвы, Барнаула, Кемерово, Палеха.

Посмотреть на эти чудеса приезжают дети и взрослые со всего города и гости из Красноярска, Новосибирска и даже из Тель-Авива. Но нас сейчас интересует прежде всего тот период жизни Юлии, когда она была тесно связана Дворцом Творчества Юных.

Правда, беседу Юлия начала словами: «Я художник, я не очень разговорчивый человек...»

— И все же, как вы попали во Дворец?

— Я всегда любила рисовать. Во Дворец пионеров я пришла сама в девять лет. Училась в изостудии у Лилии Тимофеевны Шаропиной и прозанималась там три года. Почему-то ярче всего мне запомнилось, как к нам пришли ребята из кино-кружка и снимали сюжет про нас. Я тогда поняла, что кино — это непросто: съемки, пересъемки, подсьемки, запись звука, перезапись звука...

Потом я пошла в художественную школу, которая на проспекте Ленина, там тоже отучилась три года. Но часто забегала к Лилии Тимофеевне, продолжали общаться. К ней многие выпускники приходили.

— И всё? Это всё, что вас связывает с Дворцом?

— Нет-нет! Потом я поступила в Кемеровское художественное училище. После училища отработала в Кемерово, в художественной школе, три года и вернулась в Томск. Тут

тоже хотела пойти работать в художественную школу, но не было вакансии, тогда я пришла во Дворец, и меня сразу приняли учителем рисования в «Дошкольную академию». Проработала во Дворце одиннадцать лет – в «Академии», потом вела изостудию и ИЗО в кружке бисероплетения «Бусинка». Интересно было участвовать в оформлении кукольных и драматических детских спектаклях, изготавливать декорации и бутафорию, также к новогодним праздникам расписывала окна на центральном лестничном пролете.

– В «Академии» сложно было? Все-таки это совсем маленькие дети.

– Они все разные, каждый по-своему необычный. Работала с детками от четырех до шестилетних. В день проходило через меня восемь групп детей, в группе – от пятнадцати до двадцати ребят. Каждый урок я строила как мини-спектакль. Прежде чем зайти в кабинет, давала задание: представьте,

что пол – это море, но там есть спасательные плоты; сегодня нам надо пройти по плотам теплых цветов (закрепление предыдущего урока по цветоведению)... Сочиняла настольные игры, в которые дети играли с большим удовольствием: кто быстрее и правильно соберет сервиз посуды – к каждой чайной чашке искали блюдце того же цветового оттенка.

Много было интересного придумано, чтобы дети с легкостью и с любопытством постигали тонкости изобразительного искусства. Например, фонари с прозрачными фильтрами основных цветов. При обычном освещении лист желтого цвета, выключаем свет, включаем синий фонарь и – о чудо! – лист стал зеленым.

Некоторые неординарные дети запомнились. Вот, например, захожу как-то в кабинет

к новой группе, говорю: «Дети, здравствуйте, я ваш учитель, сейчас мы начнем урок...» Вдруг мальчик, Дима его звали, говорит: «Подожди. Апельсин дорисую...» И действительно, рисует апельсин. Рисует. Что-то у него не получается, он переворачивает страницу, начинает снова. Рисует... Переворачивает страницу, начинает снова... Где-то на пятой странице я его остановила. И мы с Димой подключились к общему занятию – красить осенние листья, делать оттиски и превращать листья в деревья.

– Во Дворце вы учили детей, а сами в тот период чему-то там научились?

– Мы там всему научились: и стены штукатурить, и полы красить, и огнетушителем пользоваться... С огнетушителем у меня, кстати, дикая история была. Я выбрала самый маленький. Как пользоваться огнетушителем мы обучались на улице. Я прочитала инструкцию, все, как надо, сделала, и тут у него отлетает трубка, и из него бьет пена. Я его

выпускаю из рук, он начинает крутиться, бить пеной по ногам... В общем, я не пожарник.

В целом о Дворце у меня остались самые теплые воспоминания. До сих пор встречаемся с бывшими коллегами, они ко мне на выставки приходят, пьем чай, разговариваем о жизни... Елена Охолина, Светлана Польшаева, Лариса Сафина... В том году все вместе отмечали Рождество и так пели, что у Любы Назаровой у аккордеона ремешок порвался...

– «Порвали три баяна»...

– Вот-вот... Еще вспоминаются наши субботники. Шли без особого энтузиазма, но ведь весело было: то кто-то анекдоты рассказывает, то хохочем, то поем все вместе... Помню, я подметаю, а Ольга Константиновна говорит: «Художника сразу видно. Ты метлой, как кисточкой водишь. Так утонченно, изысканно...»

Самые неожиданные задачи передо мной вставали во Дворце. Например, для спектакля «Том Сойер» от меня потребовалось сделать

[перейти к содержанию](#)

дохлую кошку. Я ее сшила из старой шапки, и радости детей не было конца. Они кидались этой «дохлой кошкой» друг в друга, и визгу девчоночьего было много.

В чем я особенно благодарна Дворцу, так это в том, что это была настоящая школа жизни. Дисциплина и творчество шли рука об руку. Творчество – придумать программу для логического поэтапного обучения ИЗО, для каждой возрастной группы ребятшек. Дисциплина – зафиксировать программу на бумаге, составить учебные планы.

Дворец – это и школа выживания. Даже были выезды в детский загородный летний лагерь, где педагоги проходили такие задания, которые помогали побороть страх высоты, страх неустойчивой поверхности... Со страховкой спустится с десятиметровой высоты вниз... Сейчас мне иногда приходится работать на высоте сорок пять метров на строительных лесах.

Не скажу, что страх высоты победила окончательно, но я знаю, что я могу, и оцепенения нет.

Сейчас у меня бригада, которой я руковожу, мы занимаемся росписью православных храмов. В Томске, Тобольске, Абакане, Ханты-Мансийске... А храм – это огромные площади, за год мы расписали четыре тысячи квадратных метров. У меня в день только на рисование «картонов» (это рисунки в натуральную величину) по семь-восемь часов уходит. Несмотря на это, я организовала выставку, на которую приходят маленькие дети и школьники. И я знаю, как обезопасить пространство, чтобы с детьми ничего не стряслось, этот навык тоже подарил мне Дворец.

Ну, вот и все, наверное. Я уже все, что могла, рассказала. Моё дело рисовать, а не говорить...

Ну, что ж, ладно. Не будем дальше мучить художника. Лучше посмотрим ее трогательные работы.

Аня Баёва,

«Дошкольная академия», группа «Птенчики»

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«... Мне нравится ходить в «Дошкольную академию» на физкультуру – прыгать, играть под музыку, а после занятия кушать в столовой конфеты. Я хочу заниматься лепкой, буду лепить из пластилина кита и цветочки...»

Танцующий хирург

– Мы ставили народно-сценический танец. Немецкий, – рассказывает мне кандидат медицинских наук, микрохирург **Андрей БАЙТИНГЕР**, отвечая на мою просьбу поведать о своих самых ярких впечатлениях из «дворцовой юности». – И нам нужно было надеть национальный костюм – с бриджами. А мы тогда уже были старшекласниками, лет по пятнадцать-шестнадцать, и ноги у нас были довольно волосатые. Чтобы в связи с этим мы на сцене не выглядели безобразно, нас заставили надевать женские гольфы. Причем надевать нужно было по две пары гольфов, одни натягивать на другие. И вот мы, взрослые уже мальчики, шли в магазин «Дамское счастье», и под удивленными взглядами продавщиц, краснея и бледнея, покупали там эти самые гольфы. Это было довольно яркое впечатление.

– А еще? – спросил я, слегка обескураженный.

– Еще мы таким образом познакомились с классификацией колготок, узнали, что их толщина измеряется в дэнах. Мне это никак не пригодилось в жизни, но запомнилось навсегда.

– Андрей, это вы так шутите?

– Ну, да. Хотя все это – истинная правда.

– Андрей, у вас очень серьезная профессия...

– Да, бывает часов двенадцать человека режу.

– Может, тогда посерьезнее? Расскажите о вашем первом впечатлении от Дворца.

– Хорошо. Мое первое впечатление было такое: «Очень много места». И ощущение безопасности от того, что окна очень высоко, и ногами до них не достать, как ни прыгай...

– Не понял...

– Дело в том, что до этого наш ансамбль «Русские забавы» занимался в «Центре сибирского фольклора». Это был деревянный домик, места там было очень мало, а окна открывались внутрь. Я был в самом начале своего «творческого пути», мне было двенадцать лет, и у нас была большая ансамблевая постановка, человек на сорок. И во время выполнения

прыжка с вращением я влетел ногой в оконное стекло и проткнул стопу насквозь. Сперва был шок, адреналин, боли не было, и я просто, медленно так, это окровавленное стекло из стопы вытащил. Через сапог. Помню, Ольга Владимировна Алексеева стоит рядом вся серая... Дети все тоже такие, офигевшие.

Потом нога была в гипсе, этакая лыжа гипсовая, долго ездил в коляске, потом ходил на костылях...

– Жуткие у вас воспоминания, Андрей...

– Ну, а что я могу с этим сделать? И, тем не менее, в хореографию я вернулся. Значит, настолько сильная у меня была мотивация. И вот, когда мы пришли во Дворец, нам дали аудиторию внизу, а окна наверху – метра два от пола. Я посмотрел: никак туда не допрыгну. И подумал: «Меня все устраивает. В окно не влечу, все ништяк».

– А микрохирургия вас после этого кровавого случая заинтересовала?

– Нет, это у меня от папы. Но, кстати, оперировали меня как раз там, где я сейчас работаю. Правда, моя операция была более или менее традиционной, а то, что делаю сейчас я – это чистейшей воды творчество, обман Всевышнего.

– Из всего вышесказанного вытекают два следующих вопроса. Первый: что же это была за мотивация, о которой вы сказали выше? То есть чем вас так притягивал к себе Дворец? А второй: каким таким творчеством занимаются хирурги в вашем НИИ?

– Хорошо. Первый вопрос тоже делится на два: что меня держало в «Русских забавах» и что мне нравилось во Дворце? Отвечаю. В этот коллектив меня заманили обманом, и, как ни странно, хоть забавы и русские, я туда попал потому, что я – немец. По отцу. Я ходил Шестую «немецкую» гимназию, и там у нас был предмет «Немецкий танец», который вела Ольга Владимировна. Это не математика и не физика, все этот предмет игнорировали, и ходило нас туда три калеки. Но я-то всегда был «правильным» ребенком и занимался исправно. И вот однажды Ольга Владимировна сказала мне, что сле-

дующее занятие у меня будет в другом месте. В «Центре сибирского фольклора».

Я пришел туда, а там целый большой коллектив. И мне там понравилось. Много интересных людей, разностороннее образование. В основе – классическая хореография в традициях Русской балетной школы. Потому пришлось учить французские термины – разные «плиеды», «мифлие». Это тоже парадокс, что знаменитая Русская балетная школа основывается на французских движениях и терминологии. Но на предмете «История балета» нам все объяснили. Отдельным предметом была «Музыка»: учили ноты, размеры, читали партитуры. Еще изучали фольклорные праздники, традиции, приметы... Сдавали экзамены, зачеты, писали рефераты, делали презентации. Все это было невероятно интересно. И закончил я обучение там, кстати, с красным дипломом.

Теперь о Дворце. В нем мне нравилась разносторонность людей. Я очень люблю всякого рода коммуникации. Чтобы черпать вдохновение для своего развития, мне нужно много общаться с людьми непохожими на меня, не зацикливаться на чем-то. А тут у нас – и радиотехники, и компьютерщики, и бальники, и хор мальчиков «Глория»... И мы часто делали совместные постановки. Очень полезно это все было.

А еще в коридоре на стене висят портреты выдающихся выпускников Дворца, и я мечтал попасть на эту стену.

Что еще? Выступления, поездки. Есть стационарные по самой своей специфике коллективы – радиотехники, ГАИшники... А мы ездили на концерты по всей стране и за рубеж. Мы были одним из самых «катающихся» коллективов. Это не только полезно, но и весело. Ездили на поезде, в вагоне тридцать шесть плацкарт-

ных мест. Выкупали весь вагон. Представляете, какая это была тусовка!

Помню некоторые наши дорожные «приколюхи». Например, мы брали в дорогу огромную кастрюлю, накидывали в нее «Роллтона» пачек десять-пятнадцать, тушенки, потом выливали в нее поллитана кипятка. Потом проходили по всему вагону, вдвоем таща эту кастрюлю, кричали «Лапша, лапша, кому лапша?!» и накладывали всем желающим огромным черпаком... Это был праздник безумия.

Еще была игра, которая называлась «Пиф-паф, я Зоя Ибрагимова». Моему мозгу, с точки зрения логики, это совершенно непонятная игра, и в том ее прелесть. Кто-то тайно объявлялся «Зоей Ибрагимовой». Она (или он) ведет себе обычный образ жизни, но однажды она (или он) подходит к тебе упирается в тебя пальцем, типа, это ствол пистолета, и говорит: «Пиф-паф, я Зоя Ибрагимова». И считает до десяти. В течение этих десяти секунд ты должен упасть на пол там, где стоишь, и прыгать на заднице, приговаривая: «Тыгы-дык, тыгы-дык, тыгы-дык»... Где угодно. На асфальте, в Государственной Думе, на сцене — это неважно.

Если успеваешь, Зоя Ибрагимова остается голящей и ищет другую жертву. Если не успел, выполняешь желание, которое должно быть самым идиотским, и становишься Зоей Ибрагимовой. У нас в поездке одна девочка проиграла, потому что лежала на второй полке, и к ней в два часа ночи кто-то подошел, сказал... Выполняя желание, она была вынуждена нарядиться в кокошник и продавать по вагонам пирожки, которые нам родители дали в дорогу. Условие было такое — ходить и предлагать, пока у тебя не купят хотя бы один пирожок. Мы, конечно, ходили всей толпой за ней и покатывались со смеху...

Что говорить, Дворец очень обогащал мою жизнь. Я помню, что все предновогодние дни и в каникулы после Нового года мы участвовали в ёлках. Мы — мальчики-хореографы, как правило, изображали отрицательных персонажей — разбойников, пиратов, хулиганов. Потом появлялся Дед Мороз и выгонял нас. Но перед этим нам надо было всех пугать. Как-то я попытался напугать одного ребенка лет трех, одетого черепашкой ниндзя. У него в руках были игрушечные нунчаки, и он так долбанул меня этими нунчаками, что я потом ходил с огромным фингалом под глазом. Но я не расстроился, фишка в том, что мне по роли положен был фингал, так что мне не надо было гримироваться.

А еще буфет. Там можно было брать пирожки под запись. Однажды я так этим увлекся и влез в такую долговую пирожковую яму, что на всю жизнь понял, что ипотеки и кредиты — это не для меня.

Еще помню, однажды наш преподаватель по классическому танцу заболела и на пару занятий наш класс отдали преподавателю балетной студии «Фуэте». Ирина Яковлевна Саввиди. С ее точки зрения мы, мальчики, оказались дико деревянными, и она стала гонять нас, как девочек-балерин, и когда мы тянулись, садились на шпагат, у меня лопнули штаны... И немножко моя психика. Ну, психика зажила, а вот штаны пришлось покупать новые.

Ну ладно... Какой был второй вопрос?

— **О вашей сегодняшней работе. О «творческой хирургии».**

— Ага. Ну, микрохирургия — это технология, которая подразумевает использование микроскопа, микроинструментов и микрониток. Моя специализация — хирургия периферических нервов. Мои пациенты — люди, парализованные в результате каких-то травм, операций или онкологических процессов... Люди, которые

не могут ходить или что-то чувствовать, не могут улыбаться нормально. Моя задача – восстанавливать нервную систему, а если это невозможно, делать это как-то в обход, обманывая природу. Создать новый путь для движения импульса от мозга к руке, ноге или мышцам лица. Сначала такой импульс, идущий в обход, идет искаженно и коряво, но мозг адаптируется, и люди потихонечку привыкают.

Одна из самых популярных травм, которую еще десять лет назад даже не брались лечить, сразу ставили инвалидность – повреждение плечевого нервного сплетения. Это совокупность нервов, которые выходят из спинного мозга и управляют рукой – плечом, локтем, кистью. Чаще всего такое случается при аварии на мотоцикле. Потому что такие пациенты – как правило, молодые люди, у которых впереди вся жизнь. А у него, у нее – рука висит, как плеть. При падении происходит сильный рывок. Нервы вырывает из спинного мозга,

и обратно пришить их туда не получается, это много раз пробовали, не работает.

Мы, чтобы человек мог согнуть локоть, пересаживаем ему нервы, которые отвечают за то, чтобы у него раздвигались ребра во время дыхания. Таким образом, чтобы согнулся локоть, ему нужно подумать в голове, что сейчас он будет делать глубокий вдох, и у него в этот момент согнется локоть. Сначала так, а потом потихоньку мозг адаптируется, и уже ему не надо себя обманывать.

Или мы берем нерв, который отвечает за то, чтобы плечо поднималось вверх и пересаживаем туда, где плечо должно отводиться в сторону. Пациент должен думать о том, что он хочет поднять плечо вверх, а оно пойдет в сторону, туда, куда он до операции не мог его отводить.

Если уже атрофировались мышцы, которыми нерв управлял, мы пересаживаем саму мышцу. Например, берем мышцу с бедра и пересаживаем на лицо. И человек начинает улыбаться. Такие лицевые операции я делаю довольно часто.

И вот тут я, пожалуй, вновь вернусь ко Дворцу. Понимаете, наши операции многочасовые – по восемь-десять-двенадцать часов. Самая длинная у меня была недавно – тринадцать часов. Девочка приехала из Баку. Ни в Грузии, ни в Турции ей не помогли. В шестнадцать лет решили с мальчиком покататься на мотоцикле, неудачно упали, мальчику ничего, а у нее парализовало руку. К нам она приехала спустя пять лет, в двадцать один год. Рука у нее совсем

высохла. Сосуды маленькие, меньше миллиметра... И у нас все получилось. Она не только может теперь двигать рукой, у нее рука теперь и выглядит так, что можно ходить в одежде без рукавов. Это для нее, а значит и для нас, тоже важно было.

Так вот. Все это требует огромного терпения, усидчивости, кропотливости. И эти качества у меня отсюда — из Дворца, где у нас было по пять-шесть репетиций в неделю, был большой концертный график. Нужно было держать в голове все: и костюмы, и что сапоги должны быть почищены. Бывало, в концерте двенадцать номеров, и из них пять-шесть танцуем мы, и нужно заранее разложить костюмы в порядке выступления. И нужно все почистить, отгладить, нужно подготовить помощника. Нужно быть предельно организованным.

Я думаю, если бы не все эти навыки, не быть бы мне микрохирургом. А значит, многие люди остались бы инвалидами. Вот такая цепочка.

— Красивая цепочка. Андрей, я уже разговаривал с Ольгой Алексеевой и знаю, что многие ее воспитанники становятся профессиональными танцорами. У вас не было таких мыслей?

— Нет. Я довольно рано решил, что, как отец, буду хирургом. Да, действительно многие наши ребята стали учиться танцу дальше. А у меня был главный интерес в другом. Я по природе своей человек логики, и мне важно было развивать в себе творческую жилку.

Микрохирургия невозможна без творчества. Если аппендикс вырезать — стандартная процедура, которую одинаково выполняют в Томске, и в Москве, и в Индии, и Китае, то в наших случаях три разных хирурга посмотрят на пациента и предложат три разных решения, и все трое будут правы.

Но, между прочим, танец долго меня не оставлял. Первая запись в моей трудовой книжке — педагог дополнительного образования ДТЮ. В «Русских забавах» я отучился пять лет, потом еще два года танцевал в ансамбле, а потом поступил в мед, где дикая нагрузка. Но, тем не менее, когда Ольга Владимировна предложила мне преподавать хореографию у детей, я согласился и два года совмещал это с учебой в меде. Вел на полставки «мужской танец» у мальчиков. Но в какой-то момент пришлось все-таки это дело оставить.

Но вы знаете, я не один такой. Так два года назад был юбилей коллектива, и был большой концерт в драмтеатре. И там мы, как нас называют, «ветераны», тоже принимали участие. И был такой момент, когда на сцене я и еще одна девочка, Катя Александрова, исполняли сольный эпизод. А она — хирург в кардиоцентре. Вот такой абсурд: на сцене театра два хирурга танцуют балет.

Я думаю, это хорошо, что люди — существа универсальные. И я думаю, развивать эту универсальность и есть главная задача Дворца, которую он успешно выполняет.

Гроссмейстер Андрей Белозеров

С Дворцом моя жизнь связана посредством шахмат. В шахматы я научился играть еще в детском саду. А когда я учился во втором классе, Валерий Николаевич Половков собирал по школам детей, которые интересовались шахматами. Он тогда работал в детском клубе на Белом озере. Год я походил туда к нему, а потом он перешел во Дворец, и я тоже переместился с ним.

Я не пропускал ни одного занятия. Был даже случай, когда мама ушла, а я должен был ехать на занятие, и вдруг выяснилось, что она не оставила мне ключ от дома. Ни один здравомыслящий ребенок не ушел бы, оставив дом незапертым... Но я был не такой и ушел. Мне потом досталось, но вообще-то мама к моему увлечению всегда относилась с большим пониманием.

В какой-то момент от Валерия Николаевича я перешел к другому тренеру — Владимиру Алексеевичу Дохленко, который и создал во Дворце шахматную школу. И тогда выяснилось, что играть-то я, собственно говоря, не умею, и все его воспитанники меня легко обыгрывают. Для меня это было шоком, я ведь так давно уже этим занимался, считал себя сильным шахматистом. И я стал заниматься еще упорнее. С пятого класса я почувствовал, что «дело пошло». Можно сказать, что я начал «профессиональную шахматную карьеру» — с турнирами и разъездами по стране.

Благодаря энтузиазму Владимира Алексеевича деньги на поездки дворцовой команде находились всегда. Еще учась в школе, я как-то раз решил посчитать все города, в которых я побывал, и насчитал больше пятидесяти. Потом уже сбился. А вот на международные

соревнования в те годы попасть было трудно. Но мне повезло: я занял второе место на первенстве России и отправился отстаивать честь страны в Польшу. Там мне удалось занять третье место в первенстве Европы, и на следующий год я поехал в Венгрию. Но там уже в призы мне попасть не удалось.

Кстати, я заметил, что те, кто, еще занимаясь во Дворце, успели стать кандидатами в мастера, связали свою жизнь с шахматами профессионально. А те, кто не успел, — занимаются чем-то другим, шахматы для них остались хобби. Такая вот «точка невозврата». И я не могу сказать уверенно, что лучше. Как-то я встретил одного парня, с которым мы занимались вместе, но он эту «точку невозврата» не прошел. Сейчас он преуспевающий игрок на бирже. Думаю, преуспевать ему помогают как раз приобретенные в шахматах навыки логического и математического мышления.

В 95-м году я поступил в ТГУ на Факультет Прикладной Математики. Но быстро понял, что совмещать учебу с шахматами не получится.

Владимир Дохленко

В том году у меня было двенадцать выездных турниров. В какой-то момент декан меня вызвал и сказал: «Вот тебе «академ» на два года, поиграй вволю и подумай, как жить дальше». Когда эти два года закончились, выяснилось, что шахматы не отпускают. Трудно переключиться с жизни шахматного профессионала на жизнь студента.

Почему я говорю «профессионала»? Потому что шахматами я и на жизнь зарабатывал. Только получил «академ», сразу пришел сюда, во Дворец, и устроился преподавателем шахматного клуба. Так что и первая запись в трудовой книжке у меня из Дворца. Потом я все-таки сделал в карьере паузу (жена повлияла) и получил высшее образование — окончил Факультет Автоматики и Электромеханики политеха. Но по специальности я не работал со-

всем, снова пришел во Дворец и снова сюда устроился.

В 2005-м году в Томске образовалась детско-юношеская спортивная школа по шахматам, и сейчас я работаю там, готовлю наши таланты. Если говорить о моих собственных победах, то я по установленной классификации — мастер спорта и «международный гроссмейстер». У меня есть медали практически по всем видам шахмат — быстрые, блиц, классические. Я первый чемпион Сибирского Федерального округа... При этом, между прочим, мой тренер как-то признался мне, что, с его точки зрения, никакого таланта к шахматам у меня изначально не было, и все, чего я добился, — результат упорства и опыта.

Когда я еще пацаном поехал в первый раз от Дворца на шахматный турнир в Барнаул, со мной в одной команде был Андрей Кириллов. Он был на пять лет старше и играл в старшей возрастной лиге, и нас, «молодежь», опекал. А сейчас мы с Андреем Юрьевичем вместе работаем тренерами в ДЮСШ, а его сын Антон Кириллов занимается у меня. И недавно он стал обладателем Детского Кубка России. Вот такая преемственность поколений.

Трое моих сыновей тоже ходили во Дворец: сначала на рисование, потом на бальные танцы. Сейчас они уже выросли, но перспектива тесной связи с Дворцом еще есть: подрастает дочка, ей сейчас три года.

То есть, если вдуматься, получается, что с Дворцом связана вся моя жизнь. Сначала я занимался тут ребенком и провел тут все детство. Потом — первые турниры тут, первые победы. Затем — работа во Дворце. Еще позже — ожидание сыновей в фойе. И вот скоро поведем дочку.

Такой вот он для меня, выходит, судьбоносный — Дворец.

Олег Белозеров:

Как я обрел свою планету

Когда передо мной встала задача поделиться своими воспоминаниями о Дворце Творчества, первой мыслью было: «Чем делиться-то? Я ведь никогда не был воспитанником Дворца». Но когда я подумал хорошенько, я понял, что первая мысль была неверной, причем вдвойне.

Во-первых, в классе третьем-четвертом я ходил в фото-кружок в Дом пионеров на Татарской. А ведь официально это та же организация, юбилей которой мы нынче и отмечаем.

В Дом пионеров я попал благодаря тому, что еще в садик со мной ходил Коля Чиковани, чья мама там была заведующей «Станцией Юных Техников». Я не сразу обо всем этом вспомнил, потому что в детстве занимался в самых разных местах — от лыжной секции до переплетного кружка.

Я жил на Каштаке, до Дворца было далеко, но все-таки помню одно его разовое посещение: это была встреча с поэтом Михалковым. С тем самым, который написал «Дядю Степу» и текст Гимна Советского Союза. Я тогда учился в классе четвертом-пятом. Впечатление от встречи с классиком было сильное, но мне понравился и сам Дворец, точнее его фойе, где стояли игровые машинки, и был роскошный зимний сад. Впрочем, он есть и сейчас.

Это было «во-первых». Теперь — во-вторых. И оно главное. Уже взрослым я работал во Дворце. Целых двенадцать лет. Сперва осветителем сцены, затем педагогом. Первая моя запись в Трудовой книжке связана именно с этим. И директором Дома детского творчества «Планета», кем я сейчас являюсь, я, конечно,

но, стал благодаря именно этому. Так что, если вдуматься, Дворец повлиял на мою судьбу самым решающим образом.

А цепочка была такая. После школы я поступил в ТИАСУР. Два моих одноклассника Лева Томилов и Коля Лесин курса с третьего ездили водителями в пионерлагерь в Калтай. На четвертом курсе я «прицепом» поехал с ними. В то время Лева уже работал во Дворце «звукарем», потом и Колю туда притащил. И я, став водителем, тоже стал там мелькать: делали у них фонограммы для лагеря, просто общались.

И вот в девяносто девятом здесь уволился местный осветитель. И худрук Дворца Тамара Яковлевна Селиванова сказала парням: «А что у вас Олег зря тут болтается? Давайте его осветителем возьмем?» Они мне это передали, и я с удовольствием сюда устроился. Деньги студенту были совсем не лишними. И было интересно.

Раз осветитель, значит, знакомство со всеми творческими коллективами, которые в тот момент были. Участие в Городских Программах, обслуживание концертов... Я считал все это своим делом, вмешивался в творческий процесс, всюду сотрудничал со всеми, кто тут что-то ставил: Валентина Петриева, Екатерина Томилова, Александр Постников, новогодние программы совместно с «Колобками»...

Из-за того, что я был не очень прилежным студентом, было время и на лагеря, и на работу во Дворце. А из-за лагерей и Дворца времени на учебу вообще не оставалось. Потому я защищал диплом на полгода позже всех, в районе Нового года. Ну, а дальше, как в «Иронии судьбы» неожиданную удачу мне принесло не самое правильное поведение.

Начало января. Я защитил диплом и пошел на работу, где как раз шли «ёлки». И не только для того, чтобы работать, но и чтобы после работы отметить это событие со своими дворцовскими друзьями-коллегам. Заявляюсь я во Дворец с двумя большими пакетами в руках, а навстречу мне Татьяна Петровна Ефимова. Посмотрела на меня и говорит: «Олег, а зайди ко мне».

Ну, думаю, влетит мне сейчас за эти пакеты. А оказалось, все про другое. В тот момент из «Компьютерного класса» уходил один из его создателей — Виктор Судаков. Уходил в «Дом Нефти». И Татьяна Петровна предложила мне стать педагогом в «Компьютерном классе». И я,

конечно, согласился, потому что мне тут нравилось и потому что это соответствовало только что полученному образованию.

Потом я был зав сектором компьютеризации ДВОРЦА. Компьютеризация осуществлялась дважды — до капитального ремонта Дворца и после, когда все кабельные каналы были вскрыты, все сети нарушены, и мы делали все заново, но уже с учетом новых требований, ведь технологии не стоят на месте.

Ну, а потом я переводом ушел в Дом детского творчества «Планета», директором. Но это уже другая история.

Сейчас, убедившись в том, что Дворец оказал на мою жизнь решающее значение, я задумался, что же такого интересного я могу о нем рассказать. Стал вспоминать самые интересные истории, которые произошли в нем за время моей работы, стал вспоминать людей...

Ну вот. Истории. Пожалуй, самая безумная была такая. Однажды во Дворце в темное время суток (зимний вечер) выключился свет. Внизу сутолока, родители ищут детей. А я был тогда в составе добровольной пожарной охраны, и мы организовали экстренный рейд, чтобы найти замыкание, если такое имеет место быть. Могло ведь возникнуть и возгорание... И вот идем мы по третьему этажу, и вдруг видим, что из-под одной двери — странные сполохи света. Заходим мы в класс, а там одна наша педагог (имени я не назову) ведет музыкальное занятие. А чтобы не было темно, ЖЖЕТ НОТЫ... Это, знаете ли, был, как сейчас говорят, «разрыв шаблона».

Есть еще такое воспоминание, приятное. Как-то раз Катя Томилова и Любовь Замятина готовили спектакль «Про Ивана-богатыря». И нам уже надо было сдавать его худсовету, а части декораций еще не было. И чтобы хоть как-то спектакль украсить, поставили на выносной софит под потолок проектор и показывали

на заднике анимированные картинки. И это получилось так эффектно, что спектакль и далее шел в таком виде. А потом этот прием взяли на вооружение буквально все дворцовские программы. И, конечно, новогодний спектакль «Снежная Королева», в котором практически все декорации были компьютерными, которые сначала рисовала на бумаге художник-оформитель Анна Михалицына, потом я векторизовал и анимировал в графических редакторах. А ведь мы это ни у кого не подглядели, сами придумали. Хотя, конечно, где-то что-то подобное уже было.

Еще история. Был педсовет. И завуч Ольга Константиновна Васькина говорила примерно следующее: «Вы сейчас ведете предмет, но вы должны понимать, что в будущем далеко не все эти ребята будут заниматься тем, чему вы их сейчас учите... Кто-то сейчас танцует, а станет врачом, кто-то поет, а будет

строителем...» А я с ней поспорил, говоря, что компьютерами будут пользоваться все. И ведь оказался прав.

Теперь о людях. Когда я тут работал, все люди, которые меня окружали, были прекрасны. В этом нет ничего удивительного: в коллективе формируется общее понятие о ценностях, кто их не разделяет, тот не приживается. Таким образом, получается, что люди меняются, а коллектив в целом не меняется совсем.

Не буду называть всех наших старших «небожителей», скажу только о тех, о ком у меня остались самые яркие воспоминания: Альбина Пугачева («Мелодия»), Алевтина Киреева («Икар»), Вера Якимович (куратор технического направления)... Вера Константиновна была строгой, она всегда заходила к нам на открытые занятия, садилась и слушала... Тогда мне ужасно не хотелось, чтобы она приходила. А сейчас я ей благодарен, и мы продолжаем

общаться, хотя уже оба не работаем во Дворце. Мне есть чему у нее поучиться.

Виктор Павлович Антонов, актер театра Драмы, самый великий и могучий томский Дед Мороз. Настоящий. Варенцова, Пугачева, Варга, Саввиди, Путилова...— все помогали друг другу, чтобы ребенок в номере, в деле, раскрылся максимально.

Еще Тамара Яковлева Селиванова. Она была «мамой цеха» и этакой нашей беспроцентной кредитной картой. Бывало, получишь зарплату и всю ее отдаешь, столько у нее назанимал.

Галина Михайловна Сероухова — наш библиотечарь, летописец и архивариус. Мы и сейчас с ней дружим. Каждые пять лет мы проводим «микробиюбилей» компьютерного класса, и когда приходим с выпускниками, все для нас уже подготовлено — на стенах фотографии за все года... Приятно.

Теперь о выпускниках. Их было великое множество, и каждый по-своему талантлив. Но если говорить о достижениях, то, вот Раиса Богачева сейчас в Московском физико-техническом институте и компании «Нейротикс»

занимается нейрофизиологией. Сотрудники ГК «Нейротикс» совместно с лабораторией нейроробототехники МФТИ научились воссоздавать по электрической активности мозга изображения, которые человек видит в данный момент. Это позволяет создавать новый тип устройств для постинсультной реабилитации, управляемых сигналами мозга.

Сергей Федосеев продолжил образование по компьютерной профессии, знаю, что занимался разработкой приложений под мобильные устройства... Игорь Наливайко, Олег Усцов, Игорь Капустин, Алексей Бабенко, Ростислав Воробьев, Артем Мамонтов и многие другие связали свою жизнь с программированием, обработкой информации, защитой данных. До сих пор встречаемся, и не только в юбилейные даты.

Но больше всех порадовали меня мои выпускники Максим Иценко и Галина Стадниченко. Познакомились во Дворце, сейчас женаты, у них двое детей. Для них Дворец творчества сыграл, пожалуй, еще более судьбоносную роль, чем для меня.

Даша Буйлова, школа для девочек «Бусинка»

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«... Я подумала, что здесь будет интересно, а оказалось, что так и есть — здесь все-все интересно.

Я хочу быть парикмахером и еще стать таким продавцом, который продает что-нибудь новогоднее, а когда лето — что-нибудь единорожистое, а когда весна — сквиш, а когда осень — какие-нибудь букеты...»

Елена Бурова: Я выросла во дворце

Если судить по заголовку, наша героиня – принцесса... А на самом деле она исполняющая обязанности директора томского Театра Юного зрителя, а по второй своей специальности – оперная певица.

– Елена, давайте сначала познакомим читателя с вами. Где вы родились, кто ваши родители, где учились, когда пришли во Дворец?..

– Я родилась в Томске, папа с мамой работали в университете. Мама – ученый секретарь, папа – преподаватель на экономическом факультете. Во Дворец я попала в пять лет и занималась там до семнадцати.

– Как попали? Жили неподалеку?

– Нет, жили мы ощутимо далеко. Просто в мой детский садик приходила Альбина Васильевна Пугачева, она в тот момент набирала себе в студию «Мелодия» детей, я ей приглянулась, и она сказала родителям: «Приводите». Я с самого раннего детства хотела петь, и мама очень обрадовалась, когда музыкальная студия сама меня нашла. Это было уже далеко не первое сентября, и я начала заниматься там где-то уже в конце октября.

– В пять лет хотели петь? Это было ваше желание, а не мамино?

– Вроде бы мое. Но сейчас-то я понимаю, что в таком возрасте еще трудно отделить свое от родительского. Да и память детская... Не различишь, что ты помнишь сам, а что тебе рассказали. Но я всю жизнь пела: и во Дворце, и в училище, и в институте, и на профессиональной сцене. Если бы это было только мамино желание, вряд ли так было бы.

– Итак, все началось с Дворца. Это был уже Дворец? Не Дом Пионеров?

– Да, именно Дворец. Новенький. Несколько лет как построенный.

– Ваше первое воспоминание о нем...

– Что помню... Помню первый подручный инструмент, который мы создавали своими руками. На дощечку натянута несколько нитей лески, они продернуты в пуговички в виде нот. И мы могли быстро строить на этом импровизированном нотном стане мелодии.

Еще помню, как папа пешком ведет меня по заснеженной улице Карташова от университета ко Дворцу, и эта дорога казалась мне невероятно длинной, почти бесконечной...

«Мелодия» тогда называлась «музыкально-хоровой студией», я пришла сперва в младший хор, потом в средний... Честно говоря, совсем ранние занятия я не помню, четко помню я только с того момента, как начала выступать. Потому что это был такой шок, такой адреналин...

Мне потом рассказали, что художественный руководитель поначалу очень сложно меня брала в концерты, но Альбина Васильевна уговаривала, настаивала, и меня, наконец, выпустили на сцену.

— **А почему вас не хотели?**

— Вот потому как раз, что я ужасно волновалась, боялась сцены.

— **Ну, так, может, стоило с этим подождать, когда немножко повзрослеете?**

— Нет. Без сцены к сцене привыкнуть нельзя. И я очень благодарна Альбине Васильевне, что она настояла на том, чтобы я регулярно выходила на публику. Потому что, чем больше будешь выступать, тем свободнее ты себя на сцене чувствуешь, а от этого напрямую зависит качество.

Я боялась сцены до трясучки, до забывания слов... Я помню как страшный сон, как я впервые вышла на конкурс вокалистов, песню какую-то пела про кенгуру. Я стою перед залом, мне в глаза свет фонарей, и я забыла текст напрочь. И опять спасибо Альбине Васильевне. Она была ведущей этого ежегодного смотра-конкурса, и когда я так растерялась, она ко мне подошла, заговорила со мной, как-то разрядила обстановку, и мое желание провалиться сквозь землю или хотя бы убежать со сцены улетучилось. Я начала с начала и спела.

Это была очень важная установка — допеть до конца. Нас этому учили. Как бы дело

На сцене Дворца

ни шло — соврал ноту, что-то еще, — ты не должен останавливаться, ты должен допеть до конца. Что бы не случилось, выкручивайся. Забыл текст, сочиняй на ходу, но допеть должен. Вот эта бойцовская установка, данная мне в самом раннем детстве, очень помогла мне.

— **И не только в пении?**

— Вот именно. Это была школа жизни. Там я научилась учиться. Это очень важно. Там научилась любить не первый голос, то есть, работать в команде. Во Дворце я провела двенадцать лет, причем очень важных в смысле становления характера. А еще — общение. И конкуренция. Здоровая, конечно.

В какой-то момент под крыло Дворца пришла «Глория», а это — хор мальчиков, и у нас с ними была очень сильная конкуренция за то, кто будет выступать на каком-то мероприятии, открывать какой-то праздник и тому подобное, за места на конкурсах.

А еще есть яркое воспоминание — тринадцатилетие «Мелодии», когда весь хор переделали в чертиков. Даже есть такая фотография замечательная. Еще лагеря, куда мы ходили в июне, — тоже масса впечатлений.

А еще воспоминание — зимний сад. Когда ты по сугробам лазишь по пути во Дворец, заходишь, а там пальмы растут, под ними рыбы плавают. Мы их кормили, нас гоняли, мы забирались наверх, и кидали им хлеб сверху...

Еще некоторые произведения, которые мы в «Мелодии» исполняли, запомнились на всю жизнь. Ну, например «Старый замок» — произведение, в котором у хора нет ни одной ноты, сплошные пометки и закорючки, потому что хор изображает все те шумы и шорохи, которые раздаются в этом замке...

— Вы только в «Мелодии» занимались?

— Да нет. Я как раз хотела рассказать об этом. Когда я уже постарше стала, мне захотелось еще чего-то, и я пошла в «Колобки» к Карташовой. И это тоже — масса впечатлений. Эти «ёлки» — по три спектакля в день... Тусили, репетировали, общались, приобретали навыки, которые потом в жизни сильно пригодились. «Колобки» — это было место, где главным было именно общение, так сказать, «коллективно-творческая деятельность», в процессе которой мы развивались.

Еще я на балетников смотрела с завистью, какие они изящные, мне тоже так хотелось. Но все объять было невозможно просто физически.

— Елена, вы подчеркиваете, что Дворец воспитал ваш характер, желание и способность учиться, добиваться. Как это всё выразилось в жизни?

— Основательно выразилось. Например, я одновременно закончила два своих первых образования — экономическое, университет, и музыкальное, училище. То есть после школы я поступила в ТГУ, а через год пришла в музыкальное училище, потому что не могла без этого. В училище меня приняли, хотя бы уже потому, что знали, из «Мелодии» дети приходят с хорошей классической подготовкой и работоспособные. Но преподаватель Светлана Николаевна Кравенко сказала: «Еще никто у меня не смог закончить параллельно с другим заведением — слишком велика нагрузка: или что-то бросают, или берут академ, или что-то еще...» А я все-таки сумела проучиться параллельно без всяких академов и там, и там, и выпускные экзамены сдавала чуть ли не одновременно.

И в этот же год я поступила в московский Музыкальный институт им. Ипполитова-Иванова на специальность «оперный певец». На бюджетное место.

– **Закончили?**

– Да, конечно.

– **Работали по специальности, то есть оперной певицей, или экономическое образование перевесило сразу?**

– Нет, не сразу. Три года я пела во Владикавказском Театре Оперы и Балета. Хотя на тот момент я уже закончила еще и «Шанинку» на менеджера в сфере культуры, «социокультурное проектирование».

– **И это вас заставило уйти из певиц в директора?**

– Чашу весов в эту сторону сместили чисто житейские сложности. Это Кавказ, и я жила в соседнем городе, в Нальчике. Я туда приехала, потому что там был муж, а я была в декрете... Меня хватило сидеть дома на год, а потом я пошла работать во Владикавказский театр. Ради этого купила машину, села за руль. Сто двадцать километров. Два часа туда, два – обратно. Там прекрасная трасса «Кавказ», но там большая влажность, потому что горы, и в холод – гололед, а чуть теплеет – такой туман, что не видно вообще ничего, и ты не понимаешь даже, по своей ли ты стороне дороги едешь или по встречке... Сколько раз я вставала там ночью, не имея возможности двигаться дальше...

Через два года стало ощущаться, что это все-таки тяжело. Особенно, когда у тебя идет постановка, и тебе нужно быть в театре каждый день. А дома ребенок маленький. И его нужно было социализировать, отдавать в садик, а Кавказ – это совсем другой мир, другие взгляды, другие ценности... Это хоть и территория РФ, но я считаю, что я там три года жила в «загранице».

Вот и пришлось сделать выбор. Но, на самом деле, мне одинаково нравятся обе эти сферы деятельности. Я люблю создавать системы. Люблю устанавливать такой порядок, чтобы организация работала, как хорошо отлаженный механизм... Кстати, вот эта тяга к организованности, четкости, думаю, тоже родом из Дворца.

– **А на сцену не тянет?**

– Тянет. Но когда я была оперной актрисой, меня тянуло к менеджерской деятельности. Это ведь тоже творчество.

– **А как с отдачей? Артисту рукоплещут сразу после выступления...**

– Тут отдача не меньше. Когда сумеешь все пазлики совместить, как надо, тебе благодарны все вокруг и долго.

– **Хорошо. И вновь, напоследок, вернемся к Дворцу. Скажите о нем в двух словах. Можете?**

– Легко. Я безмерно благодарна Дворцу. Я люблю Дворец.

Голоса ангелов под сводами дворца

Иногда журналисту легко разговорить человека, и тогда остаётся только записывать. С бессменным руководителем хора мальчиков «Глория»

Элеонорой ВАРЕНЦОВОЙ *случай явно не тот.*

Ну, не любит она о себе рассказывать, категорически не любит. «Да что, – говорит, – я? В моей жизни нет ничего интересного...» Ага. А то, что со своим коллективом она всю Россию и пол-Европы объездила – Германия, Италия, Грузия, Австрия, – а еще побывала в Корее и Азербайджане, это все не считается... И что отовсюду они привозили дипломы, кубки, призы – это тоже ерунда...

Ладно, не любит Элеонора Дмитриевна разговаривать с журналистами, но читатель в этом не виноват. А ему интересно (я надеюсь). Поэтому вытягиваю из Заслуженного работника культуры РФ информацию чуть ли не клещами.

[перейти к содержанию](#)

– **Элеонора Дмитриевна, почему хор мальчиков? Почему именно мальчиков?**

– У них до мутации – невероятно красивый голос. Особый. Тесситура женская, но тембр другой, женщина никогда не сможет так спеть. Великий наш хормейстер Соколов говорил: «Голос мальчика – это голос ангела». Хотя что эти ангелы творят вне занятий!.. Они в перерывах на ушах стоят, висят на всем, на чем можно висеть, прыгают на всем, на чем можно прыгать. И на чем нельзя, тоже висят и прыгают.

– **Когда вы стали работать исключительно с мальчиками? Когда осознали уникальность этого тембра?**

– У меня муж был артист. Народный артист, лауреат государственной премии, Владимир Васильевич Варенцов. И я моталась с ним по городам, с его другом Киржемановым. И везде, куда бы ни приезжали, я создавала хоры, специальность у меня такая. Много разных хоров было, смешанных. В семьдесят третьем году приехали в Кемерово, и я там попала на городской конкурс хоров. Там я и услышала солистов-мальчиков. И захотелось попробовать создать мальчиковый хор. Прошлась по школам, собрала их со всего города человек пятьдесят.

– **Вот просто так стали ходить по школам?**

– Нет, меня в этой затее поддержал начальник ГорОНО. Я пришла к нему с этим как раз во время совещания, когда у него в кабинете сидели директора школ. И он сказал им: «Окажите содействие». Я приходила в школы, забирала ребят прямо с уроков, мне была «зеленая улица»... И хор у меня получился отличный. Мы с ним весь Советский Союз объездил по линии Обкома комсомола. В Донбассе были, в Краснодаре нас, помню, водили в шахты, куда молодогвардейцев бросили... Даже в Париж съездили, это в те-то времена...

Но я так от этих мальчишек устала, они же такие шептуньи... И когда я приехала в Томск из Кемерово в 79-м, я молчала, как рыба, не говорила, что с мальчиками работала. Устроилась в «Культпросвет училище», преподавала теоретические дисциплины. Хор, правда, тоже вела, меня туда и приняли только с этим условием. Но такой-то хор не проблема, это ведь практически взрослые люди, организованные, подготовленные: у меня там пели юноши и девушки с оркестрового отделения и с моего отделения «Академический хор».

Но вдруг по каким-то соображениям это отделение закрыли, говорят, – «переучивайтесь на фольклор», и я тогда ушла в 1-ю музыкальную школу. И вот там проговорила пианистке Людмиле Райковой про «хор мальчиков», а та рассказала Вере Михайловне Портнягиной, директору Дома Ученых. Та и говорит мне: «Нам нужен хор мальчиков, так как в Томске никогда такого не было...» И пошло-поехало. Сразу набрали шестьдесят, и с каждым годом хор пополнялся новыми певцами... Вот когда их за сто перевалило, Вера Михайловна взмолилась: «Давай что-то с этим делать, я уже с ума от твоих мальчиков схожу!..»

– **За что боролась, на то и напоролась?**

– Вот именно. Она договорилась с директором Дворца творчества Татьяной Петровной, и в 92-м году нас приняли. Мы пришли сюда большим составом: бывшие мальчишки стали юношами, их голоса мутировали, но они остались в коллективе, а я набрала новую группу мальчишек. Такой состав считается «смешанным».

– **Почему так? «Смешанный» – это же когда разнополый коллектив...**

– Мальчишки поют в женской тесситуре, а у юношей уже мужские голоса, поэтому можно использовать партитуры смешанного хора. Хоть мы уже и во Дворце базировались, нас

продолжали еще долго называть «Хор мальчиков Дома Ученых», но официально мы приобрели статус «хоровая студия мальчиков и юношей» и назвались «Глория». В связи с этим расширился и педагогический состав, появились хормейстер, концертмейстеры, педагоги по инструментам. Прошло семнадцать лет, и «Глория» давно и прочно стала коллективом Дворца Творчества детей и молодежи.

С «Глорией» мы побывали во многих странах – на международных конкурсах. На Всемирной Олимпиаде Хоров четырежды побывали. И всегда были лауреатами. Самая высокая победа была – «серебро», лауреаты второй степени – в Корею.

– Вы что-то интересное про эти заграничные поездки можете рассказать? Какой-то случай, происшествие...

– Вы знаете, что самое главное в заграничных поездках? Чтобы никаких происшествий не было.

– А первое выступление «Глории» вы помните?

– Да, конечно. Это было 8 ноября 1980 г. Пели с симфоническим оркестром песню Дмитрия Шостаковича «Родина слышит».

– «... Родина знает, где ее сын в облаках пролетает...» Я когда маленький был, меня эта песня просто завораживала.

– Вот так они и действуют на людей – мальчишеские голоса. Вы ее слышали в самом известном исполнении, солист – Женя Таланов... Ну вот. В две тысячи двадцатом году, восьмого ноября, будет сорокалетие хора. Хочу собрать всех, ну, или почти всех солистов, которые у нас были. Некоторые живут в Томске, некоторые – далеко. Вот один из первых, например, Илья Рерих – в Америке. И поет там, кстати. Борис Афанасьев – в Ирландии, поет в университетском хоре. Саша Газизов – на Кипре, у него свой инструментальный ансамбль.

Двое наших солистов поют в оперных театрах: Кузьмин Сергей, тенор – в Михайловском театре Санкт-Петербурга. Гурий Гурьев, очень красивый баритон, стал лауреатом первой степени международного вокального конкурса имени Георга Отса, там его заметили менеджеры из Италии и пригласили на двухгодичную стажировку в Ла-Скала, там он, скорее всего, и останется. Многие хоть и не стали музыкантами, но хоровую свою деятельность не забрасывают. Антон Пешко поет в университетском хоре Санкт-Петербурга. Витя Сиротин. Солистом тоже был. После шестой школы его звали на кафедру иностранных языков, а он пошел в духовную семинарию, был секретарем отца Ростислава, а потом ушел из церкви «в мир». Чем сейчас занимается, не знаю, но видела, он своих детей в музыкальную школу водил. Талантливый парень необыкновенно.

Бушухин Глеб, прекрасный голос. Сейчас на телевидении работает. Миша Давыдов – дирижер капеллы ТГУ. Голос был потрясающий. Когда он пел песню Евгения Мартынова «Лебединая верность», женщины урывывались. Необыкновенно красивый голос.

Саша Трубачев. Он и Петр Ефремов пели в хоре двадцать пять лет! С самого детства. Сейчас у него самого – дети, времени не хватает, но, бывало, позвоню ему: «Петя, нам твой бас нужен, в Испанию едем. И он приходит, занимается.

Тут я понимаю, что Элеонору Дмитриевну прорвало. Сколько в «Глории» было воспитанников? Сто? Двести? Тысяча? И сейчас она о каждом что-нибудь скажет...

– Паша Золотов сейчас учится в Москве. Андрей Симоненко – юрист, преподает в ТГУ. Саша Зверев поёт в Новосибирском театре оперы и балета, еще у него свой ансамбль, причем военный. Помню, когда только пришел к нам, ему лет пять было. Идут с другом по коридору, горла-

нят чего-то. Я вышла: «Это еще кто у нас?» — «Это ми поём...»

Коля Левашов играет в Академическом симфоническом оркестре филармонии Новосибирска... Володя Кондратьев — директор бардовского объединения «Томский Перекресток». Но в хоре тоже поет, в Каларовской церкви. Серебров Тихон, он из плеяды медиков-Серебровых, его специализация — лицевая хирургия. Сергей Козлов... Этот вообще, без него никуда... На всех инструментах играет. Он в таможне сейчас работает. Стариковы, два брата. Павел в Лондоне, Миша преподает в ТГУ.

Иван Комаров — это уже «свежий кадр». Он был солистом с роскошным голосом, всегда на бис выходил, не отпускали его. В Тобольске на международном вокальном конкурсе он пел песню Игоря Корнелюка «Город, которого нет», стал лауреатом первой степени... Его так объявили: «Иван Комаров, город Томск. Город, которого нет»... Смеху было... Сейчас живет в Санкт-Петербурге. Иван Криволапов. Он из хора ушел в капеллу ТГУ. И в оперных спектаклях поет, когда они там оперу ставят. И сын его у нас занимался. Станислав Попов — роскошный солист, просто роскошный, в ТЕЛЕ-2 сейчас работает...

— **Элеонора Дмитриевна, вы хотите, чтобы все они были на сорокалетии «Глории»?**

— Конечно. Я и половины не назвала.

— **Думаю, вы и десятой части ваших «мальчиков» не назвали.**

— Пожалуй. Многим из них уже за сорок... Я их всех помню. И каждый голос помню.

— **А самый первый хор у вас какой был?**

— Это был смешанный хор Брянского Дворца машиностроителей. Я туда работать пришла сразу после музучилища. Я ведь из Брянска родом. Кстати, тот мой хор брянский с Гагариным встречался... А вы знаете, что Юрий Алексеевич песню «Родина слышит» в космосе пел? Ту самую, с которой начала свой отсчет «Глория».

— **Это, наверное, символично. А «глория» — это ведь по-русски «слава»? Вы очень удачную песню выбрали для начала славного пути вашему коллективу. Наверное, это будет сногшибательный концерт, когда все, или почти все, ваши воспитанники, все солисты за сорок лет приедут отовсюду... Но в следующем году еще и юбилей Дворца. Прокомментируйте это.**

— Ну что тут скажешь. Нам тут комфортно. И воспитанники «Глории» — они и воспитанники Дворца. Так что это будет и их праздник. Наш общий праздник.

Ключевые слова — «Вместе» и «делаем»

Ольга ВАСИЛЬЕВА,
начальник Департамента
образования администрации
г. Томска

Мы только недавно праздновали пятидесятилетие Городского Пионерского Штаба — детского объединения, которое возглавлял Олег Олегович Пирожков, наш руководитель, признанный авторитет и лидер. Но сейчас наша тема — 95-летие Дворца Творчества, а тогда Дома Пионеров — учреждения, на площадке которого и возник ГПШ.

Дом Пионеров находился на улице Татарской, я пришла туда в 14 лет, и первое, что я хотела бы сказать, — это был ДОМ. Именно ДОМ. О чем это я? Эта «организационно-правовая» форма и сегодня существует: Дом детства и юношества «Факел» на проспекте Кирова, 60, Дом детского творчества «Луч», на Алтайской, 95.

И Дом Пионеров на Татарской был именно ДОМОМ. Жизнь его детско-взрослая была организована как-то так, что мы, дети, находились там с полным ощущением, что мы именно ДОМА. Все друг друга знали. Мы занимались у Олега Олеговича Пирожкова, но знали и методистов, которые непосредственно с нами не работали. Вот, например, Валентина Ивановна Волкова, которая сейчас возглавляет ДОМ детского творчества «У Белого озера». Она была в то время методистом, непосредственно работала со старшими пионерскими вожатыми, но она все равно была для нас добрым товарищем. Или Татьяна Петровна Ефимова, методист, у нее был

свой коллектив — Городской Комсомольский Штаб, но мы все друг друга знали... Люция Павловна, директор. Директор!!! И мы — дети. Казалось бы, дистанция огромная, но нам казалось, что она всех нас знает и даже любит.

Или, например, знаменитая Баба Валя на вахте. Не надо было никакого «фейс-контроля», никаких пропусков, карточек, потому что она и так всех нас знала. Нам же не надо домой заходить по пропуску! И сейчас это, наверное, прозвучит как-то диковато, но, когда нам надо было что-то передать педагогу или даже кому-то из ребят, а сами мы прийти не могли, мы могли спокойно позвонить на вахту — 2-37-12. Я на всю жизнь запомнила этот номер. Или спросить Бабу Валью: «А Витя Кочергин там?», и она всегда знала

и отвечала: «Нет его» или: «Здесь он, в подвале у Олега Олеговича»...

Открытость и незарегламентированность расписанием. Да, во столько-то занимается танцевальный кружок, во столько-то театральный, но ребята приходили в любое время. Всё это — приметы ДОМА. В котором дети — хозяйева, в хорошем смысле слова, в котором они на месте, в котором их всегда рады видеть. И так и должно быть. И дети распоряжались помещениями. Нужен холл — пожалуйста, нужна сцена — пожалуйста...

Второе, но это уже, наверное, специфика того времени — семидесятых-восьмидесятых годов: то, чем жил Дом Пионеров, рождало в нас ощущение, что мы занимаемся каким-то очень важным делом. Готовимся к пионерскому параду в честь 50-летия пионерской организации или к Лагерю пионерского актива... Это значимо, это нужно городу, комсомолу, стране...

И ощущалась забота. Я помню, к какому-то празднику была сшита форма для всех штабистов — шорты, парадные рубашки, пилотки, — и никто никаких денег с родителей не собирал, это был подарок от города.

Ощущение Дома поддерживалось и тем, что его двери не закрывались перед выпускниками. Мы оканчивали школу, кто-то шел в вуз, но продолжал приходить в гости, кто-то шел в армию, возвращался и заходил в дом. Это величайшая традиция — не терять связь с выпускниками. Мы приходили, помогали проводить какие-то мероприятия, участвовали в делах.

Конечно, сейчас прошло много времени, Дом стал Дворцом, изменилась жизнь, казалось бы, всего стало больше: огромное здание, серьезное финансирование, компьютеры в кабинетах... Но я вспоминаю нашу жизнь в Штабе у Олега Олеговича и понимаю, какой же богатой она была!

Как расширялся там наш кругозор! Впервые в жизни выйти на сцену... Придумать сценарий...

После такого ребенок становится другим — уверенным в себе, готовым ко всему новому, способным на поступок.

Или вот такой момент. В комнатке у Олега Олеговича стоял проигрыватель, и были пластинки, которые он туда принес. Там я впервые услышала русские романсы, которые он любил, умел исполнять и сам. Была у него пластинка «Мастера итальянского бельканто», которым он восхищался. Мы и знать до того не знали, что такое бельканто, а там услышали его и под воздействием авторитета Олега Олеговича оценили.

Там слышали Визбора и Высоцкого... В какие программы какого детского объединения это было тогда вписано? А там это было нормально и даже необходимо. Мы должны были стать внутренне богатыми, наполненными, только тогда мы могли быть штабистами. Ведь что такое штаб? Сообщество командиров. А чтобы быть командиром, надо многое уметь, знать.

Еще очень важный момент. Дом Пионеров готов был работать со всеми, кто туда пришел. Независимо от возраста, от способностей и успехов в учебе. Никаких кастингов. Нас, конечно, спрашивали, как мы учимся, Олег Олегович проводил «индивидуальные беседы», если что-то было не так, но мы были уверены, что никого не прогонят за неуспеваемость. Не могут же выгнать ребенка за «двойку» из дома.

Сейчас такой подход вылился в национальный проект «Успех каждого ребенка». Каждого ребенка! В каждом увидеть его талант, в каждом что-то разглядеть. У всех свое, но обязательно что-то есть. И ни в коем случае не оттолкнуть. И вот так к нам относились уже тогда.

И еще. Теперь-то, будучи взрослым человеком, я осознаю, что наш педагог — это был педагог, работник Дома Пионеров, а тогда он воспринимался просто как старший друг, так вот, он создавал нам условия круглогодичной занятости.

В каникулы мы отправлялись в какие-то «туристические поезда» по нескольким городам страны, ходили в походы, ездили в летний лагерь «Солнечная республика» в Некрасово...

И ко всему этому было доверие. Нас отправляли в чистое поле, в палатки, на берег реки... И никому не приходило в голову поставить это под сомнение. Потому что у родителей, у руководителей было полное доверие к педагогу и к нам, к детям, хотя была, конечно, и ответственность.

В лагере мы были на природе, в лесу, но день мы начинали с подъема государственного флага. Я помню, как я с Галей Завьяловой (сейчас она Обносова Галина Петровна, кандидат педагогических наук) пришивали к красному полотнищу вырезанные из желтой ткани серп и молот, обшивали полотнище по периметру. Его потом и поднимали в «Солнечной республике». И это было естественно, мы же пионеры. Мы чувствовали себя гражданами Советского Союза, и Дом Пионеров в создании этого чувства общности со всей страной играл решающую роль.

Мы одновременно заканчивали школу, то есть были в одном штабном выпуске с Витей Кочергиным, для которого работа с пионерами, с детскими общественными организациями стала профессией. Он стал кандидатом педагогических наук, изучая именно детские общественные организации. Вместе выпускались и с Сережей Саенко. Олег Олегович называл его «гайдаровским мальчишкой». Сергей, во Дворце уже, стал руководителем Детского Пресс-центра, который работал по принципам, схожим с ГПШ. В нашем выпуске – Саша Морозов, который сейчас преподает на факультете журналистики ТГУ... Дом пионеров многих из нас вывел на профессию.

Я думаю, что жизнь в Доме Пионеров исподволь формировала в нас то, что сейчас в педагогике принято называть «социальными компетенциями»: умей подчиняться, умей руководить,

работать в команде. В той же «Солнечной республике» у нас каждый день голосованием выбирался «дежурный командир». Сегодня ты мной командуешь, а завтра я буду командиром, и ты будешь меня слушаться. Умение жить и работать в детском разновозрастном коллективе. Со всеми поладить, со всеми договориться, ценить человеческие отношения, выходить из сложных ситуаций, генерировать идеи, подчиняться каким-то неписанным законам.

Как-то Олег Олегович проводил с нами анкету, и был там такой вопрос: «Что тебе нравится в Городском Пионерском Штабе?». И позже, изучив анкеты, он обратил наше внимание на ответ одной штабистки: «Мне нравится всё, когда мы вместе что-то делаем». Я тогда подумала: «Как точно сказано». Ключевые слова – «ВМЕСТЕ» и «ДЕЛАЕМ». Я и сама могла бы под этим подписаться.

Еще помню, когда пришли ребята помладше, которых Олег Олегович называл «Золотая молодежь», где был, например, Аркадий Майофис, я смотрела на них и думала: «Какие они все красивые»... Они были яркие, своеобразные, такими они уже приходили, такими оставались или становились в Штабе. А яркие и своеобразные люди всегда кажутся окружающим красивыми, они как бы светятся изнутри.

6–7 сентября этого, 2019-го, года мы отмечали 50-летие ГПШ, и из многих городов страны и из-за рубежа приехали на встречу его выпускники. Собрались в пятницу в пять – традиционно в этот день недели в это время всегда собирались штабисты. Шестьдесят-семьдесят человек. Многие из нас уже пожилые люди, а кого-то уже с нами и нет, и эта встреча могла бы быть грустной, ностальгической, если бы не тот заряд радости и жизнелюбия, который мы когда-то получили в Штабе, в Доме пионеров. И эти дни были насквозь пронизаны радостью встречи со старыми друзьями.

Ольга Васькина. Мой дворец

Я считаю себя томичкой, хотя родилась не в Томске, а на севере области, в Парабели. Я приехала сюда поступать в университет, на филфак. Поступила, окончила, но с Томском уже не расставалась, тут вышла замуж, тут родила детей.

Первым местом работы была «Научка», я была библиотекарем студенческого зала в старом здании. Потом школа № 36 – учитель русского языка и литературы, завуч. Наконец – Дворец, который и стал для меня Главным Местом.

Хотя вышло это достаточно случайно. Мы получили квартиру в Кировском районе, до школы – час езды. Терять два часа в день было обидно. Поплакалась Валентине Ивановне Волковой, она вела в моем классе предмет и уже была тогда директором Октябрьского Дома Пионеров. И она сказала: есть вакансия во «Дворце на Карташова».

Когда я сюда пришла, меня поразила атмосфера. Со мной говорили, глядя мне в глаза. Меня старались понять. Мне хотели по-

мочь. И не только мне – каждому, кто заходил во Дворец: и ребенку, и взрослому. Это разительно отличалось от школы, где учителя носятся, не замечая друг друга, замотанные тетрадями, замученные контролями, задержанные конфликтами и так далее. Времени в школе не было ни на что, а уж тем более на то, чтобы вникать в проблемы другого человека.

Здесь я увидела уважение к детям, уважение к педагогам и особенное уважение к таланту. И сегодня я честно говорю: у меня в жизни есть два безгранично любимых места – Университет и Дворец. Хотя бы раз в год я бываю в университете, и это особый праздник для меня: с юности не могу надышаться его аурой. Ну, а во Дворце я нахожусь ежедневно, и это, перефразируя Хэмингуэя, «праздник, который всегда со мной».

Я – заместитель директора по учебной работе. То есть, управленец. Я практически не общаюсь с детьми, воспитанниками Дворца. Мои «дети» – это педагоги. А они такие разные: мудрые и не очень, ответственные и не очень, а еще талантливые, открытые, педагоги-дети, педагоги-режиссеры, педагоги-артисты.

Я не приемлю управленцев, которые считают себя выше педагогов, и меня очень порадовало, когда новый директор, Татьяна Александровна, на первой же своей планерке сказала: «Мы с вами управленцы – обслуживающий персонал педагогов». Я сама всегда придерживалась именно такого принципа.

Это уже третий директор Дворца на моем веку, и с ними Дворцу везет. Люция Павловна Шульга была удивительно чутка к таланту. До сих пор удивляюсь, как Люция Павловна умела их найти и объединить общим делом несоединимое – таких гигантов, как Ефимова, Кудинов, Волкова, Ковалева!.. Именно при ней возникли лучшие традиции нашего коллекти-

ва. Татьяна Петровна Ефимова – руководитель с большой буквы, человек – сильный, волевой, мудрый. Она отстояла Дворец тогда, когда он мог бы попросту исчезнуть. «Дворец – территория детства!» – фраза, придуманная Татьяной Петровной. Это та ценность, которую Ефимова прививала нам, изобретая различные формы работы с детским активом: «Детский совет», «Республика Дворец», «Звездный зал», аллея выпускников в парке Дворца, межрегиональный конкурс талантов «Звезды зажигает Дворец», конкурс маленьких талантов «Капельки» и многое другое. Мастер, закаленный опытом работы с ГКШ!

О Татьяне Александровне Гришаевой могу сказать пока, что работать с ней комфортно, ведь как я уже сказала, понимание нашего дела у нас во многом совпадает.

Мы управленцы, мы создаем условия для педагога, который уже работает непосредственно с ребенком, работает душой. Именно так. Когда пошли разговоры о внедрении у нас цифрового обучения, помнится, ко мне подошла педагог художественной студии Лилия Тимофеевна Шаропина и сказала: «Новое прекрасно, но надо не забыть наше исконное. Помните, дворяне нанимали учителей, и те учили ребенка «душа душой»».

Я думаю, это большая удача, что мы находимся в провинции, где пока, слава богу, дело обстоит именно так. Педагогический коллектив имеет возможность выбирать чему и как учить детей, не только учитывать, но и формировать образовательные потребности наших детей и родителей. В этом году я была в Москве, зашла там в один центр дополнительного образования и обнаружила, что там – как раз сплошное администрирование. Работникам сверху спускаются нормы и объемы дополнительного образования. Все это выглядит до-

Вручение хору «Глория» диплома победителя конкурса «Рекорды нашего Дворца»

вольно убого и грустно. А мы пока сами творим свою историю.

У дополнительного образования есть несколько функций. В тот момент, когда я пришла во Дворец, как раз рухнула идеологическая основа, которая была раньше, на которую все нанизывалось. Дворец перестал быть Дворцом Пионеров. И на моих глазах, в какой-то степени и при моем участии, разрабатывалась новая концепция. А ведь пришла я методистом именно по теме «Пионерская организация».

Дворец создал условия и для моего профессионального роста. Я ездила в Челябинск, где ведущие ученые-педагоги творили концеп-

цию «научного общества учащихся», я трижды училась на курсах в Москве, где также складывалось понятие «дополнительного образования». Все, что казалось мне правильным и лучшим, я везла и внедряла здесь. Потому я вижу и свою заслугу в том, что Дворец у нас – замечательный. Я еще не встречала человека, который когда-либо работал или учился во Дворце, а потом отозвался бы о нем дурно. Наш Дворец любят все.

Наверху долго бытовало мнение, что наша главная функция – отвлечь ребенка от улицы, чтобы он «не болтался». Это, конечно, правильно, но этого для нас недостаточно, и мы никогда не шли по этому пути. Каждая минута чело-

веческой жизни, жизни ребенка, ценна, и надо использовать ее на то, чтобы ребенок получал новые знания, умения, вместе с педагогом открывал доброе, светлое, вечное. И научился учиться.

Здесь ребенка учат быть успешным. У тех, кто ходит сюда, – то концерты, то поездки, кажется, мы отрываем ребят от школы. Но как раз наши «дворцовские» дети всегда хорошо учатся. Потому что они умеют организовать себя.

Ну, и еще. Был такой отличный журнал «Внешкольник». И там была прекрасная статья «Дом окнами в детство». Лично я в большой степени руководствуюсь ей. У нас все направлено на то, чтобы в нашем Дворце ребенку было так же радостно и комфортно, как дома, а детство оставалось в наших выпускниках и педагогах, как можно дольше. Не в смысле инфантильности, а в смысле открытости, оптимизма, общительности.

С каждым прожитым годом острее понимаю, что Дворец – это что-то особенное. Об этом читаю в глазах коллег, детей. Какое-то восторженное отношение к Дворцу. Времена меняются, лица меняются, а атмосфера чего-то, что неразрывно соединяет тебя, брэнного, с этим вечным остается.

И любовь разливается по жилам. И снова я благодарна вам всем, что в моей жизни есть Дворец. Спасибо ему. Спасибо всем тем людям, которые упомянуты в этой книге (не хочу называть одного или нескольких, чтобы не обидеть других). Работать рядом с ними, вместе с ними – истинное счастье.

И как там у классика (это во мне проснулся филолог): «Любите ли вы Дворец так, как люблю его я, то есть всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем исступлением, к которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений изящного?..»

Ева Гареева, «Дошкольная Академия»

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«... Во Дворце я хочу заниматься на тренировках и стать сильной. Мой преподаватель Татьяна Алексеевна – она красивая, пушистая...»

Иван Григоренко. «Республика снежная — радость безбрежная...», или Первый пионер Дворца

Впервые я пришёл в Дом Пионеров на Татарской во втором классе. Пел в хоре «изчегоже-изчегоже-изчегоже...» Но недолго.

Весной 75-го года, я попал от школы на городской сбор «Вперёд, мальчишки!» Там было здорово и интересно, а в конце на сцену вышли большие пацаны и запели под гитару «На далёкой Амазонке не бывал я никогда...» Это были ребята из Томского Городского пионерского штаба и их руководитель (с 7-струнной гитарой) Олег Олегович Пирожков. Я был потрясён до глубины души, на дне которой смутно пробудилась тоска по Бразилии и диким прериям...

Потом был КИД — Клуб Интернациональной Дружбы. Мы писали письма ровесникам из братских социалистических стран. «Здравствуй, незнакомый друг! Я живу в Сибири, у нас ещё лежит снег...». И в конце: «Пришли, пожалуйста, жвачку». Появилась подруга по переписке — девочка Божена из города Быдгощь в Польше, мы даже обменялись посылками. Жвачки, к сожалению, я так и не дождался. Зато от КИДа мне посчастливилось поехать в «Орлёнок», где я впервые увидел МОРЕ, и вернулся оттуда полный впечатлений и надежд.

В старом добром ДП на Татарской было тесновато, но тепло и уютно. Как в коммуналке с добрыми соседями. На вахте сидела неизменная баба Валя (с неизменным «Беломором»), которая всех знала и отвечала на телефонные звонки и вопросы. Телефон старого

ДП помню до сих пор — 2-37-12. Театральная студия «Юность» во главе с актером Пискуновым (где теперь братья-близнецы Дроздовы, которые блистали на его театральных подмостках?), духовой оркестр из местных заисточных пацанов, фото-кружок во главе с легендарным Георгичем-Джодичем (сербом по национальности, чудом выжившим после расстрела в немецком концлагере), кукольный театр «Солнышко», девчонки-гимнастки, музей Пионерии — как это все вмещалось в двухэтажный дом татарского князька?! Спасало, видимо, наличие большого подвала.

Глубокой осенью 1976 года, после «Орлёнка», зоркий педагогический взгляд Олега Оле-

гыча Пирожкова упал на меня. После короткой беседы мне было предложено вступить в Томский городской пионерский штаб. Сопротивляться было бесполезно и глупо.

Заседания штаба проходили каждую пятницу в 17 часов. Новичков, и меня в том числе, после блиц-опроса принимали сначала в кандидаты с испытательным сроком. Главным вопросом при приеме был «Какие ты больше книжки любишь читать – про любовь или про войну?» Мне больше нравились про путешествия.

До заседаний, в перерывах между заседаниями и после заседаний все дружно играли во дворе ДП в футбол, во все времена года. Иногда стёкла в окнах не выдерживали накала футбольных страстей.

Коллектив Томского ГПШ был (и остаётся) уникальным, прежде всего, благодаря удивительной личности Олега Олеговича Пирожкова (он же «Олегыч» и «Шеф») – педагога от бога, одарённого творчески (он легко напевал сложные арии из опер, играл на гитаре и сочинил несколько пронзительных и искренних песен о дружбе), эмоционально – настоящего ребячьего комиссара.

Он подбирал в штаб детей, очень разных, но всегда интересных, и умел в каждом ребёнке увидеть личность, создавая условия для её раскрытия и развития. В Доме пионеров Пирожкова и его ребят любили и ласково называли «Тимур и его команда» или «Али-баба и 40 разбойников».

К нашей общей печали, Олегыч рано ушёл из жизни, но наша дружба «командой» продолжается уже больше полувека, и нам по-прежнему интересно встречаться и общаться.

Я попал в дружную штабную семью и в штабе проводил времени больше чем дома. Все было чертовски интересно, но самое интересное было на каникулах. Походы!

Открытие Дворца

Летом – «Солнечная республика», палаточный лагерь за деревней Некрасово, на Басандайке; зимой – «Снежная республика» – сборы в какой-нибудь заброшенной деревне (Аркашёво, Бражкино, Усманка, Малиновые гривы). Всё было по-настоящему!

Сначала, за два-три дня до заезда основной группы, выдвигались первопроходцы – штабисты-старшеклассники покрепче. Их задачей было добраться до заброшенной деревни, найти дом, заготовить дрова, протопить как следует, навести порядок и организовать встречу. По приезду Штаба в большой комнате обустроивалась большая спальня: расстилалась на полу одеяла, рюкзаки в изголовье. С одной стороны – мальчики, с другой – девочки.

Еду готовили на печке, на ней же сушили мокрую одежду и валенки. Иногда валенки или носки случайно падали в ведро с кашей, но это жестоко наказывалось. Тридцать человек в одной комнате, и пропорционально – веселья, смеха, радости, подколов и приколов! «Республика Снежная – радость безбрежная», – так написал Шеф в своей песне.

Новый год мы встречали в лесу, у настоящей лесной красавицы-ели. Днём 31 декабря протапывали тропу, наряжали игрушками и мишурой, прикручивали свечи, собирали дрова для новогоднего костра. Ночью, в 22.30 шли по заснеженному лесу, зажигали костёр, свечи, пускали веточку по кругу и каждый говорил о прошедшем годе и пожелания на будущий. Транзистор бил куранты, и лес оглашался радостными криками. «Куча-мала», бенгальские огни, весёлые песни под гитару Олегыча! А потом – опять домой, праздничный ужин: пельмени (каждый привозил с собой) из одного ведра, часто слипшиеся в одну кучку, и праздничный концерт.

Возвращались на Татарскую после походов усталые и счастливые. Ещё долго потом пили в штабной чай из походных кружек, пропахших дымом...

В 1980 г наша коммуналка с Татарской,16 переехала в новую благоустроенную

квартиру – Дворец Пионеров на Вершинина, 17. И, кстати, так уж вышло, что ленточку на открытии Дворца перерезал я. Там тоже было хорошо, но уже по-другому.

...Однажды, уже взрослыми, мы с Маратом Ахметшиным (в детстве в Доме Пионеров играл у Владим-Владимыча Старкова в ВИА «Трели») поехали в деревню Барнашёво, где когда-то была наша «Снежная республика». Стоял ясный солнечный денёк, бабье лето. Мы нашли этот заброшенный дом. Немного поплутали по лесу и вышли на новогоднюю поляну.

Новогодняя ёлка в осеннем лесу – красотища! Мишура поблёлкла немного, стеклянные шары блестели, как новенькие, а свечи вросли в еловые ветки... Было немного грустно.

Ёлки наши подросли за эти годы, но где-то высоко в ветвях, наверное, и сейчас можно отыскать шары и свечи минувших, а когда-то – совершенно Новых, годов.

Артем Гутов, «Дошкольная академия», группа «Радуга»

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«... Мой старший брат Глеб много лет ходил в Дошкольную академию, потом на шахматный кружок, у него есть разряд по шахматам, и он учится на все пятерки. Я тоже хожу на занятия по шахматам и на каратэ. Во Дворце мне еще нравится заниматься у Любови Михайловны – петь песенки и играть на барабане и на ложках.

Артем Данков.

О призрачных сантехниках и институте Конфуция

О призрачных сантехниках вы узнаете ниже, а вот при чем тут «Институт Конфуция» и что это такое – прямо сейчас. Дело в том, что герой этого материала – директор подразделения ТГУ, которое называется именно так, а также заведующий кафедрой востоковедения Факультета исторических и политических наук.

А я и не знал о существовании в Томске «Института Конфуция», потому мой первый вопрос звучит так:

– Чем вы тут занимаетесь?

– Знакомим томичей с Китаем, с его культурой, отправляем наших студентов в Китай по обмену, и наоборот – китайских студентов принимаем тут... То есть основная наша задача – межкультурные коммуникации и помощь в выстраивании каких-то неофициальных каналов взаимодействия между Китаем и Россией.

– А как лично вы тут оказались? На китайца, вроде, не похожи...

– Не похож. Как ни странно, моему увлечению, а затем и профессии я во многом обязан именно Дворцу. В девяносто восьмом году я был подростком, учился в сороковой школе, это на улице Никитина... Девяностые – бурное время, тогда появилось множество новых направлений, специальностей, факультетов в вузах, и одним из таких направлений стала политология. Я не помню, когда и где я о ней услышал, и о том, что в ТГУ открывается это направление, но я почему-то захотел стать политологом.

И как раз в это время во Дворце при поддержке кафедры политологии ТГУ открылась «Школа молодого лидера» под руководством Алексея Игнатьевича Щербинина. Сначала я пришел на кафедру в университет, а оттуда меня направили вот в эту школу.

Фактически это были курсы для тех, кто собирался поступать в университет. Мне было пят-

надцать лет, я собирался поступать, и я стал заниматься там. А потом я поехал в летний лагерь Поста № 1, одна из смен которого была как раз для «молодых лидеров», и там я узнал о Детско-юношеском парламенте. И когда вернулся, я уже стал не просто готовиться к поступлению, а стал заниматься общественной деятельностью, как я это тогда себе представлял.

– И после школы вы поступили на политологию?

– Нет. Я поступил на специальность «международные отношения» Исторического факультета.

– А это не одно и то же?

– Ну... По большому счету – да. Очень близко. А выбор я изменил потому, что в одном случае мне нужно было сдавать обществознание, а в другом – историю. Причем сдать нужно было на «отлично». В истории я чувствовал себя увереннее. Ну, и не пожалел. Меня ведь в политологии привлекала не столько политика, сколько знакомство с другими странами, другими культурами, а это как раз то, к чему готовят студентов-международников.

– А уклон в китайскую сторону, откуда взялся?

– Он появился довольно спонтанно. Поступившим предлагались на выбор вторые иностранные языки. Первым был английский, а вторым предлагались немецкий, французский, ну, и так далее. Я выбрал китайский. Потому что экзотика, потому что можно было перед друзьями-подругами похвастаться – «а я изучаю китайский», – и это было необычно.

И вот этот, случайный, в общем-то, выбор во многом определил мою дальнейшую жизнь. Потому что от языка появился интерес к китайской культуре, и с тех пор я занимаюсь Китаем, я и жил в Китае в общей сложности около двух лет. Короче говоря, Китай – моя профессия.

– А, может быть, это все-таки не случайность?

– Может быть. Ведь если бы все, что связано с Китаем, вызывало у меня отторжение и внутренний протест, я бы этот язык не выбрал. Осознанного интереса не было, но что-то все-таки повлекло меня в эту сторону.

– Как вам понравилось в Китае? Сейчас Россия с ним дружит, надолго ли это?

– Тема нашего разговора не Китай, поэтому отвечу предельно коротко. Китай бурно развивается, если наблюдать за этим со стороны, все кажется замечательным. Но изнутри – совсем другое дело. Это как, знаете ли, жить в красивом доме... Все видят только его красоту, а ты знаешь, где скрипят половицы, где облупилась стенка, где проржавели батареи и что изначально было спланировано неверно... Скажу главное: в России жить сейчас значительно лучше с точки зрения экологии и качества жизни вообще.

Еще замечу, что современный Китай имеет очень слабое отношение к великой древней китайской культуре. Современные китайцы – люди, которые пережили бурные годы революций и реформ. Культурная революция там была даже жестче, чем в России. Мы в нашем «Институте Конфуция» знакомим с китайской культурой не только российских, но, порой, и китайских студентов.

Что касается дружбы... Китайцы дружбу понимают не так, как мы. Они не склонны отдавать другу последнюю рубашку. Дружба для них – это, скорее, взаимовыгодное сотрудничество. И в этом смысле они с нами дружат. И вот тут есть некоторый перекокс. Хорошо понятно, чего хотят от нас китайцы, но не очень понятно, чего хотим от китайцев мы... В этом смысле, в наших отношениях еще все впереди.

– Может, вернемся к Дворцу?

– Да, конечно.

– Вы расстались с ним сразу по окончании школы?

– Как раз нет. Дворец Творчества стал моим первым рабочим местом. Отучившись в «Школе молодого лидера», я стал педагогом Дворца и проработал там несколько лет над программой «Детско-юношеский парламент». Главным генератором идей в свое время был Владимир Геннадиевич Игишев, и я в своей работе старался равняться на него.

И, в общем-то, связи с Дворцом я не теряю до сих пор: так, пять лет назад мы (мы – это кафедры мировой политики и востоковедения ТГУ) делали с Дворцом совместную годовую программу – «Школа публичной дипломатии» для подростков. Это, кстати, и для нас было полезно, потому что многие ребята, которые пришли туда, потом поступили и к нам учиться.

– Артем, вы не из тех людей, кто говорит, что Дворец Творчества – его второй дом или что он вас воспитал...

– Нет, нет. Я не в пять лет туда пришел все-таки, а в пятнадцать. Но влияние Дворца на меня оказал огромное. Понимаете, я все-таки приходил во Дворец не только для того, чтобы учиться. Это было место, где мне было хорошо. И там всегда кто-то был. И мы приходили туда не только в часы своих занятий.

Помню, был даже такой случай, когда я в школе не пошел на биологию, наврал, что у нас дома прорвало трубу и мне надо встретить сантехников, а сам пошел во Дворец. И мне, вроде бы, стыдно должно быть за тот случай, а мне вообще не стыдно. Мне кажется, это не моя вина, что на биологии мне было не интересно, а во Дворце интересно. Мне кажется, дело в отношении к нам педагогов. А сам факт, что я до сих пор помню эту историю, говорит о многом. Причем вспоминаю ее с удовольствием.

– А что все-таки самое интересное запомнилось о Дворце?

– Самые яркие воспоминания связаны с лагерем. Я туда ездил все три года, и впечатлений было много. Условия были спартанские, жили в палатках, но как раз это нам больше всего и нравилось. Когда на улице дождь, а ты слышишь, как он стучит о стенки палатки, ты не думаешь о том, что это бытовая неустроенность, это романтика. Ну и наполнение разными интересными делами там было намного больше, чем в других детских лагерях, я во многие лагеря ездил. Одна только «Зарница» чего стоит. Ночью – подъем по тревоге, и надо кого-то на территории лагеря найти и поймать. Бродить ночью по лесу с фонарями... Для подростка – это незабываемое впечатление. Или поиски чего-то. Сейчас это называется «квест», а тогда этого слова не было, но квесты были еще какие!

А еще – ребята, с которыми я познакомился в первый день занятий во Дворце. Они стали моими друзьями, и я общаюсь с ними до сих пор, несмотря на то, то живем теперь в разных городах и даже странах.

– Так назовите их.

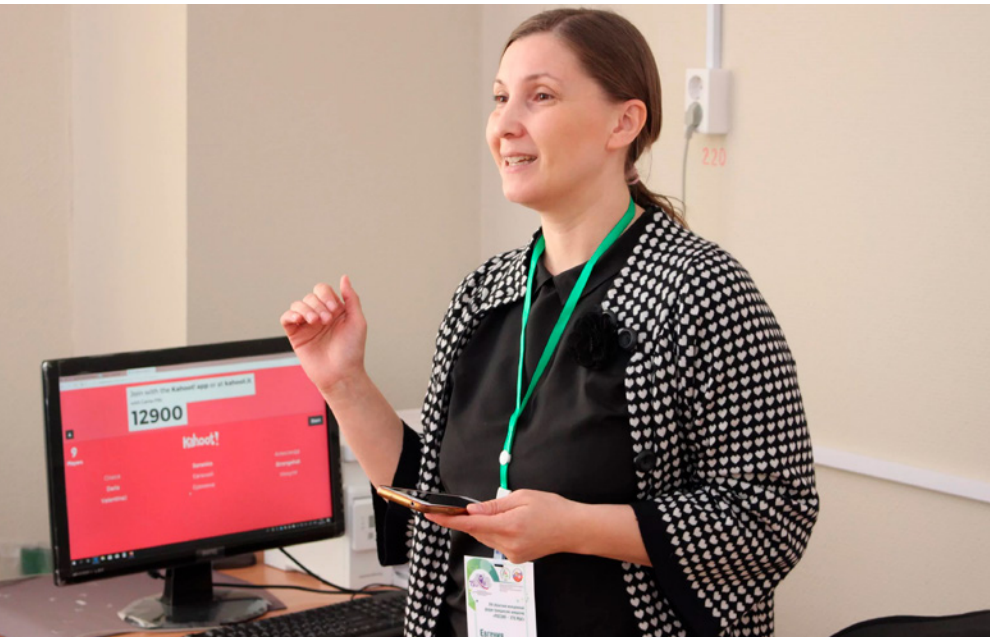
– С удовольствием. Варвара Пахоменко, она живет сейчас в Канаде, а работает на Украине. Нина Рожановская, она живет и работает в Москве, Илья Яблоков – в Великобритании. Мы плотно общаемся и при всяком удобном случае с удовольствием встречаемся. Вот не было бы Дворца, не было бы у меня ни этой работы, которую я люблю, ни этих замечательных друзей...

– Действительно замечательно. Последний вопрос. Скажите, может быть, я о чем-то вас не спросил? О чем-то важном, на что вам хотелось бы ответить.

– Вы не спросили, приведу ли я во Дворец своих детей. Отвечаю: если никуда не уеду, приведу обязательно.

Евгения Еремина: Здесь возможно всё!

что античную историю, литературу, русский язык, право можно вести совсем по-другому. Вузовские преподаватели общались с нами в сократовской манере, а мы с интересом впитывали гуманитарные науки.

Во Дворце всегда были смелые проекты. В старших классах я работала в созданном тогда «Детско-юношеском парламенте». Мы организовывали различные акции, создали первый подростковый телефон доверия, а в периоды избирательных

Восьмого февраля 1980 года открылось новое здания Дворца творчества, построенное специально для детей. Через пять месяцев на свет появилась я.

Моя мама Наталья Владимировна Еремина и тетя Татьяна Петровна Ефимова работали во Дворце, а в доме напротив жили бабушка и дедушка. Естественно, что с самых ранних лет я держала равнение на Дворец.

Кочуя по многочисленным мероприятиям (Новый год, «Город веселых мастеров», День знаний...), кружкам (от рисования до цирковой студии), в девятом классе я остановилась в «Школе Молодого Лидера», созданной Владимиром Игишевым и профессором Алексеем Щербининым. Тогда я впервые увидела, что значит выйти за рамки школьной программы,

компаний собирали подписи в поддержку кандидатов (сейчас этого не допустили бы).

У многих ребят из ДЮПа возникало «чувство безграничных возможностей». Здесь возможно ВСЁ. Может быть, потому что мы всегда ощущали за собой надежный тыл, поддержку педагогов, администрации, директора.

Продолжением этой деятельности стало обучение на кафедре политологии философского факультета ТГУ, а практикой всегда оставался Дворец – работа на сменах «Академия лидерских наук», «Мы хотим жить».

В 2001-м я включилась в реализацию социально-образовательной программы НК «ЮКОС» «Новая цивилизация», начала работать педагогом дополнительного образования. Это время фестивалей, межрегиональных

*Наталья
Еремина*

смен «Ньюландия» было одним из самых радостных. За это время удалось познакомиться с настоящими лидерами образования, учителями-наставниками, сложилась команда детей и педагогов, с которыми был не страшен ни один проект, ни одно мероприятие, а их было немало: «Ночь во Дворце», «Республика Дворец», «образовательные смены», «Ночное нападение», «Зимний экстрим»...

А ведь начинали мы с простых учебных проектов: как грамотно планировать и реализовывать свои идеи. Мы часто вспоминаем, как тогда еще девятиклассница Люся Парначева разработала проект «Школьная лыжня». Идея заключалась в том, чтобы организовать с активистами школ Кировского района совместный поход, при этом не просто прогуляться на лыжах, а устроить различные конкурсы и перекус.

Для организации перекуса Люся обратилась в «Аграрную группу», ведь на занятиях мы проходили и тему переговоров, и привлечение ресурсов.

– Переговоры прошли успешно: нам дадут сосиски! – сказал Люся, вернувшись со встречи.

– А сколько? – спросила я.

– Три! – ответила Люся.

– Хорошо, три килограмма – это в самый раз, – сказала я, отбросив мысль, что нам дадут три несчастных сосиски.

За день до похода во Дворец привезли три огромных мешка с сосисками... В общем, пара

месяцев бесплатных обедов для всего коллектива Дворца была обеспечена.

В 2006 году я начала работать в городских программах «Детско-юношеский парламент» и «Экополюс» в тандеме с Натальей Владимировной Михайловой. Самое серьезное и значимое для меня время. Мы создали инновационный отдел.

Рядом с ней я училась работать, нестандартно относиться к выполнению задач. Это редкий человек, полный стремления все вокруг себя перестроить, всех вокруг убедить в необходимости такой же перестройки, создать «зону личного присутствия». Поэтому проекты, которые мы реализовывали вместе, были очень масштабные. Один только экскурсионный маршрут в технологии терренкур в Лагерном саду чего стоит!

Здесь во Дворце все время что-то происходит. Каждый день пролетает незаметно. Сегодня я – заместитель директора по развитию. Работать во Дворце – это вызов. Будешь ли ты интересен детям? Впишется ли учреждение

На фестивале «Новая Цивилизация»

в современные тренды образования? Сохранятся ли лучшие традиции Дворца при его модернизации?

Дворец – это целый мир, который создавался девяносто пять лет; это мир, который сегодня создаем мы.

Благодарю дорогую Татьяну Петровну за формирование важных жизненных цен-

ностей, мудрость, профессионализм; маму свою – за поддержку, Владимира Геннадьевича – за неиссякаемый креатив, Наталью Владимировну – за смелость и прорыв, Татьяну Александровну – за доверие.

Благодарю Дворец за себя и за радость, которую он дарит сегодня моим дочкам на музыкальных и танцевальных занятиях.

Соня Железчикова, «Синтез»

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«... Мне нравится неизведанность и разносторонность Дворца...»

Вера Золотарева, школа-студия «Мелодия»

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«... Моя подруга весь год не ходила на сольфеджио. В конце года у нас проходит олимпиада по этому предмету. И на каждой станции она просила у меня помощи. Ну, я ей и помогла. В итоге она заняла первое место...»

Владимир Игишев:

И это все о нас...

Пришел во Дворец в 1982 году, в Клуб Интернациональной Дружбы. А с 1986 по 2015 уже работал тут руководителем множества кружков и направлений. В настоящее время он руководитель Ресурсного научно-методического центра Московского Дворца пионеров.

Девяносто пять лет — серьезная дата для организации, для коллектива, для команды, семьи, человека — путь длиною в целую жизнь полную поиска смыслов, обретения идей, осуществления миссии. Нам есть чем гордиться, что вспомнить и что рассказать нашим детям.

То, что с нами происходит в детстве и юности, ярко впечатывается в память позитивными красками, плохое остается на периферии сознания: мы не хотим это вспоминать. Поэтому писать о Дворце мне легко и приятно — это самая важная часть моего счастливого детства без забот, корысти и зависти... Это ощущение защищенности, уверенности в себе, в нужности сообществу замечательных детей и взрослых, стоящих рядом плечом к плечу в «орлятском круге». За этими ощущениями я и пришел во Дворец, осознав впоследствии: за обретением себя, за востребованностью и любовью.

Дворец — это, прежде всего, люди. Для меня все они были супергероями и сверхчеловеками. Как в сказке про великанов, где каждый был велик в своем деле, в своем направлении. Это был фейерверк и бесконечный спектакль талантов и поклонников. И первой

сверхзвездой, которая на долгие годы затмила для меня весь горизонт дворцовских гениев, была, конечно, Татьяна Петровна Ефимова — наша «ТП».

Я узнал о ней вначале от школьной «комсомольской элиты» как об организаторе самых крутых дискотек в городе. Познакомился с ней как с великолепной ведущей, на убойных по своей энергетике сборах комсомольского актива. А узнал близко и стал поклонником ее таланта на долгие годы — в Лагере комсомольского актива и Городском комсомоль-

ском штабе Дворца в далеком 1983 году. С тех пор прошло много лет, но сердце благодарит за каждый день, проведенный с ней. За каждый день счастья и открытий, откровений и восторга, познания себя и мира.

Конечно, Татьяна Петровна – дитя своего времени. Я помню, как она зачитывала нам статьи из газет, где поливали грязью Сахарова и Боннер, декламировала переводы песен «Чингисхана» с, якобы, антисоветскими текстами, была сознательным и последовательным коммунистом, истовым комиссаром. Помню, как ею неоднозначно воспринималась перестройка, как была ненавистна приватизация. Но, что было с ней всегда, так это безудержная любовь ко Дворцу, его обитателям, детям и педагогам, стойкость характера и невероятная сила воли.

Один случай поразил меня особенно. Както, в первый день заезда в Лагерь комсомольского актива на Басандайке, мы пошли с ней на берег Томи обследовать костровое место. Был крутой спуск, дождливая погода, и случилось страшное: ТП подвернула ногу. Вокруг ни души, мобильных телефонов в ту пору не было, зайти обратно по крутому склону нужно было по лестнице из 368 ступенек. Посчитали каждую и запомнили на всю жизнь, так как впоследствии выяснилось, что у Татьяны Петровны перелом лодыжки в двух местах. А ей еще нужно было подняться на второй этаж в вожатскую и провести весь лагерный сезон в 21 день, руля, как Наполеон, со своего второго этажа программой и гурьбой молодежи в 380 человек. И она сделала это. «Гвозди бы делать из этих людей..»

Да, были у нее и «любимчики», и «плохиши», но никому она не отказала в помощи и каждому давала шансы расти над собой и становиться лучше. Такой шанс неоднократно она давала

и мне. Ошибок и неудач в период юношеского становления было немало, много было потерь в пути, но всегда во мне жили принципы, подаренные Дворцом: «искать и не сдаваться, бороться и идти», «жить для улыбки людей», «если вы есть, будьте первыми». Вот этот путь наставничества, подвижничества и креатива стал самым важным делом в нашем общем доме под названием Дворец.

Столько детских душ обрели в это доме радость, получили старт в счастливую жизнь, что это может оправдать всю ту палитру человеческих страстей, амбиций и конкуренции, неизбежно существующих в любом коллективе. Индугенция свыше была выписана и Ефимовой Татьяне Петровне ровно в тот момент, когда она выбрала главным делом своей жизни служение интересам чужих детей и посвятила Дворцу всю себя. Остаться без своего детища – самая большая трагедия для любого создателя, родителя и наставника. Но, я надеюсь на мудрость Творца и благоразумие ближних ТП, которые даруют ей сейчас другие смыслы в этой жизни.

Я был обласкан судьбой, оказавшись рядом с ней. Это было и подарком, и знамением, в какой-то момент даже казалось – Судьбой, о которой я не мог и даже мечтать. Это великое благо – пройти с Учителем по жизни и оказаться достойным его. Я буду всегда благодарен Томску и Дворцу за то, что в моей жизни была и есть ТП, и верю, что ее вклад в историю томского образования еще оценят и обязательно воздадут ей по заслугам. Пока же это моя личная миссия, чтобы наследие Татьяны Петровны осталось достоянием общественности. И в очередной юбилей Дворца я с радостью вспоминаю все, что мы «натворили» в его стенах – от ночных предпраздничных авралов и самих феерических праздников до между-

В роли ведущего «Города веселых мастеров»

народных проектов и невероятных, как сейчас говорят, «на грани фола», стартапов. При этом мы всегда старались быть первыми:

*«Если вы есть – будьте первыми,
Первыми, кем бы вы ни были.*

Из песен – лучшими песнями,

Из книг – настоящими книгами».

– Первый рок-фестиваль в городе для подростковых ансамблей на аппаратуре, «арендованной» у Большого Концертного Зала филармонии (а по сути, самовольно вывезенной оттуда ночью, благо, выпускники Дворца работали везде; спасибо, Гриша Залозный!)

– Первый в городе творческий конкурс для девочек «Алиса», который впоследствии стала проводить известная теперь не только в Томске руководитель благотворительного фонда «Равенство возможностей» Елена Ульянова.

– Первый в городе конкурс «красоты» среди кошек «Мисс Кис-кис». (В то время, когда на все был дефицит, мы на радость хозяйкам дарили за первые места килограммы сосисок).

– Первый в Томской области «Детско-юношеский парламент» (ДЮП), который создавался на грант USAID и должен был проработать один год, а существует до сих пор... Его первый

глава, ныне известный работник администрации республики Крым, Алексей Сафронов, будучи организатором первого в Томске конкурса граффити «Мы хотим жить», посвященного борьбе с наркотиками, был задержан милицией и посажен в КПЗ... Ну кто ж мог подумать, что разрисовать серый забор социальной рекламой – преступление. За Алексея тогда поручился глава Думы Томской области Борис Мальцев, а «Би-Би-Си» сделала про это репортаж, после чего популярность ДЮПа выросла до небес.

– Первый в городе конкурс «Язык и культура Франции», проводимый совместно с Обществом дружбы Франции и СССР, призом в котором была путевка во французский город Тонон-ле-Бен для всей семьи победителя. С организаторами и вдохновителями этого международного события Yves Niveaux и Ириной Буковело мы дружим до сих пор.

Мы принимали гостей со всего бывшего Союза, из-за рубежа и всегда чувствовали поддержку, удивление, понимание, восхищение тем, что мы делали. Так, гостя из Франции, владелица замка XII века на берегу Женевского озера, рожденная в Польше от русских дворян

первой волны эмиграции, мадам Ладен, побывав на 70-летнем юбилее Дворца, сказала великую фразу: «Не дайте себя продать и все разрушить. Вы уникальны для всего мира – такого детского Дворца нет нигде».

Наше поколение «поздних советских детей» очень хорошо помнит коммунистическую систему воспитания и кризис переходного периода. Дворцы были построены для обслуживания идеологии, и все мы были вписаны в «эффективную систему» строительства нового мира, нового человека, обслуживая великие мифы, которые рушились на наших глазах. Но разочарованию противостояла любовь к детям, служение делу, гуманизм педагогов и принцип «жить для улыбки людей».

Мы искренне радовались каждому дню во Дворце, ибо он был полигоном для выстраивания модели жизни по совести ради личного и командного успеха. Именно эту систему разглядела мадам Ладен из Франции. Именно эту модель служения обществу мы несем в своих душах и верим, что ее сохранит также и новое поколение педагогов и администраторов Дворца.

Что еще важно отметить в характеристике моего Дворца, так это открытость всему новому, нестандартному, волнующему умы и души энтузиастов, – черта романтиков и авантюристов 90-х годов. Обстоятельства часто заставляли нас действовать не благодаря, а вопреки им. Не получая зарплат по полгода, лишённые бюджетного финансирования, мы просто вынуждены были придумывать способы выживать, чтобы сохранить Дворец и себя в нем.

Так были реализованы проекты, приносявшие доход, а позже – известность и успех:

– «Школа молодого лидера» – авторская гуманитарная политологическая школа довузовской подготовки госслужащих, созданная

совместно с кафедрой политологии ТГУ под руководством завкафедрой, профессором, доктором наук Алексеем Щербининым, Сибирской Академией государственной службы, тогда под управлением Татьяны Пшеничниковой, «Политклубом» Дворца под руководством Людмилы Камаловой.

– Региональный конкурс юных талантов «Звезды зажигает Дворец», который на долгие годы стал визитной карточкой Дворца и впоследствии переросший в виртуальный театр с международным участием;

– Клуб юных менеджеров «Новая цивилизация», созданный как социальный проект НК «ЮКОС» и принесший Дворцу не только деньги, но и славу первопроходцев в Интернет-образовании и социальном проектировании молодежи;

– «Дошкольная Академия» – программа подготовки детей к школе, неизменно вызывающая ажиотаж у родителей в канун 1 сентября.

Я не говорю уже о многих разовых проектах именитых коллективов Дворца, спонсируемых мелким и крупным бизнесом: поездках на конкурсы и соревнования по всему миру, корпоративных праздниках и образовательно-развлекательных событиях на заказ. Можно сказать, что мы выжили, эффективно используя свой ресурс, знания и опыт, сохранили Дворец для детей, создавая проекты интересные и востребованные взрослыми.

Много было желающих приватизировать Дворец, использовать его под коммерческие нужды и «сбросить» с баланса города. Но, благодаря одержимости идеей социальной справедливости директора Дворца и педагогов, равнодушию тогдашнего начальника управления образования Роберта Ларичева, попечителям Дворца начальнику областного Департамента образования Зои Барашевой

и губернатору Виктору Крессу, нам удалось сохранить его, сделать лучше, сильнее и привлекательнее для многих поколений горожан.

Я знаю, что и сейчас идет борьба за бюджет Дворца, его наполнение и содержание, но верю, что самые трудные годы мы уже пережили, сохранив Дворец для Томска в том виде, в каком его задумали его педагоги и руководители: «Настоящий Дворец для юных томичей, или Дворец – территория детства». Так победим!

Я хочу вспомнить сейчас тех, кто значительную часть своей жизни провел вместе со мной в стенах Дворца, навсегда вписав себя в его историю, но не дожидаясь до этого юбилея. Это преподаватели Школы молодого лидера Валерий Андреев, Вадим Гурьев, Нелли Дешковская, Александр Котляров, Ольга Тюнина; художественный руководитель Дворца Тамара Селиванова; педагоги Александр Калабухов, Юра Григорьев; руководитель пионерского штаба Борис Чернов. Я буду помнить вас всегда!

А благодарность в эти юбилейные дни я хочу высказать своим выпускникам, кото-

рые идут со мной по жизни, когда-то, поверив в меня, делят со мной «хлеб насущный» общих забот, дел и проектов:

Евгения Еремина – замдиректора нашего Дворца, звездный руководитель томских молодежных команд; Ирина Зыкова – успешный тренер-консультант в области управления персоналом, ведущий специалист ООО «Газпром трансгаз Томск»; известный в городе адвокат Роман Степичев; педагог и переводчик международного уровня, ныне проживающая в Словении, Ольга Мошкина; талантливый юрист Максим Андреев; проживающая в Кремниевой долине США Ольга Нестерова; контент-менеджер из Барселоны Дима Дроздов; менеджер молодежных проектов, переводчик, сценарист и актриса из Германии Дина Киселева и многие другие, кто ценит, пишет, звонит и дорожит нашей общей памятью о незабываемом периоде жизни, проведенном под крышей любимого Дворца.

Многие лета, Дворец! Многие лета, Татьяна Петровна! Многие лета, мои друзья, коллеги, выпускники.

*На встрече выпускников,
2015 год*

СчастливыЙ день

Здравствуйте,
дорогие читатели!

Я – **ГАЛИНА ИГНАТЬЕВА**,
ректор Института Коучинга
города Томска, автор обучаю-
щих программ

Однажды мне повезло... Когда на перемене я шла по коридору школы, ко мне подошла старшеклассница и предложила зайти во Дворец пионеров. Тут-то все и началось. Я попала в коллектив свободных, творческих и нравственных людей – Городской пионерский пресс-центр.

Атмосфера Дворца заряжала нас положительными эмоциями, позитивной энергией, спокойствием и креативностью. Мы бежали туда каждый вечер. Главное, что мы всегда были заняты: одну неделю оформляли газету, другую – делали репортажи и писали статьи, третью – дежурили, прибирая наше гостеприимное помещение. Фотографировали, все вместе придумывали творческие дела, а потом, после рабочей недели, в субботу, вместе отдыхали.

Нас научили балансу: работа-отдых, творчество-физический труд. Мы пребывали в гармонии. Учились не унывать, поддерживать друг друга, заботиться. У нас в почете были спортивные эстафеты и походы, а культурно-эстетическое развитие проходило через спектакли, которые мы создавали сами.

И сегодня, по прошествии стольких лет, мы встречаемся и опять поем прекрасные песни в «орлятском кругу». Мы несём через годы идеалы добра, взаимопомощи, любви к Родине и человека к человеку. И мы бесконечно благодарны нашим наставникам, педагогам и нашей стране за вложенный в нас труд.

День, когда старшеклассница позвала меня во Дворец, – один из самых счастливых дней моей жизни.

«Я бы лучше стряпала, чем рассказывала», —

так начала разговор со мной педагог «Мелодии»

Альфия Гафуровна

ИЛЬЯСОВА. *И я не удивился, ведь о ее вкуснейших татарских пирожках мне уже рассказывали многие педагоги, а Марина Аржаникова написала мне о них аж из Америки. «А я рецепт не скрываю, — добавляет Альфия Гафуровна. — Если кто спрашивает, всем рассказываю». Да она вообще ничего не скрывает. Вот и историю своей жизни, разговорившись, она поведала мне вполне развернуто.*

— Я родилась в Омске, нас у родителей было двое — я и младший братик Равиль. Когда мне было три года, а ему год, погиб отец. Всей семьей поехали на пикник, на берег Иртыша. На папиной служебной машине, он был начальником какой-то нефтяной организации. И во время купания он и его водитель попали в воронку и оба утонули. Я помню это все сама, помню все эти крики. И я из-за этого всю жизнь не люблю купаться, да и плавать не умею.

После этого мама жила с нами одна, помогали дедушка с бабушкой. Дедушка был у нас очень религиозным, он был главным муллой Омска. В 55-м они с бабушкой решили уехать в Киргизию, в город Фрунзе. Там у нас были родственники, там было тепло, и там большинство людей — мусульмане, все это дедушку привлекало. Мама тоже не захотела тут одна с нами оставаться, и вся семья переехала во Фрунзе.

В 55-м году я в Киргизии пошла в первый класс. Школа была рядом, училась я хорошо, очень любила учиться, любила свою школу, была аккуратисткой, всегда мои тетради были на доске почета. Я так любила выводить каждую букровку, любила дежурства, когда мы проверяли, есть ли дневник, чистые ли руки... Все это меня очень радовало. Очень я, как и мама, любила порядок.

Через четыре года после папиной гибели мама снова вышла замуж, и мы жили уже с отчимом, и вскоре у меня появился еще один братик.

Меня всегда влекло к музыке, мама наняла мне частных учителей по фортепиано, я занималась, потом закончила трехгодичную школу «Дома народного творчества», выступала

Вручение заслуженной награды в День учителя

на праздниках на радио и даже по телевидению, я смазливая была девочка. И вот так мы жили-не тужили до 65-го года. Когда заканчивала десятый класс, что-то вдруг заговорили, что надо будет идти еще в одиннадцатый, а мне не очень хотелось лишний год в школе учиться. Как-то мы с мамой проходили мимо музыкального училища, решили зайти, выяснить, смогу ли я в него поступить, возьмут ли меня, но меня тут же прослушали и взяли на первый курс, а одиннадцатый класс я потом сдала экстерном.

Год я проучилась в училище, и вдруг ни с того ни с сего вышла замуж. А дело было так. Мой будущий муж Амир приехал из Томска в гости к своим друзьям, а они дружили с моей мамой, и пришли вместе с ним к ней на День рождения. И всего мы были знакомы с ним неделю, когда пошли в ЗАГС и зарегистрировались. 21-го января он меня увидел, а 28-го нас зарегистрировали. Обычно дают месяц подумать, а нас зарегистрировали сразу, «по благу». Уж очень Амир моим родственникам понравился, а ему еще в Томск возвращаться, вот они и позаботились. Мне еще семнадцать было, а брак у нас при отсутствии особых обстоятельств регистрируют с восемнадцати, но «блат» у моей тетушки был очень хороший.

Амиру было двадцать семь, но он не хотел ждать год, смеялся потом, что уж «очень хороший товар был», боялся упустить. Ему в феврале нужно было вернуться в Томске, но он заявил, что пока мы не зарегистрируемся, он никуда не уедет. Он такой был, настырный, если чего решил – добьется.

Он был красивый, добрый парень, тоже татарин, он учился в Томске в пединституте и вел хоккейную секцию при домоуправлении. Он мне понравился, но я бы не сказала, что я прямо влюбилась в него по уши, но это все потом пришло – и любовь, и взаимопонимание, и прожили мы с ним дружно пятьдесят лет, одного месяца он не дожил. Ну, а когда мы зарегистрировались, отпраздновали, так сказать, «помолвку», и он уехал учиться. В апреле мне исполнилось восемнадцать, а в июне он с родителями приехал в Киргизию, и там у нас уже была настоящая свадьба. Потом мы приехали в Томск, и тут в августе была еще одна свадьба, уже с его друзьями, у него много друзей было.

Амиру, как семейному уже человеку, дали комнатку от домоуправления, где он работал. Комнатка находилась в здании медвытрезвителя на улице Татарской. Я пошла в музыкальное училище, чтобы на второй курс устроиться, но оказалось, на фортепиано уже группа набрана, и меня взяли только на дирижерско-хоровое.

Нужно было как-то зарабатывать, а прямо напротив вытрезвителя – Дом Пионеров. И я сразу, как в училище документы отдала, зашла туда, спросила, нет ли какой-нибудь работы. На многое я не рассчитывала, я ведь только год отучилась в музучилище, никакой педагогической практики у меня не было... Но мне отнесли очень душевно. Директор Люция Павловна – человек хороший, отзывчивый, и мы с ней до сих пор подружки. А тогда она мне сразу предложила место аккомпаниатора в гимнасти-

ческом кружке. У меня стоит запись в трудовой книжке — 5 ноября, 1966 года, в этот день эту книжку завели. И место работы у меня с тех пор не менялось, менялись только названия этого учреждения и мои должности.

Кружок вела Тамара Мелентьевна Петрова. Семь лет я проработала там аккомпаниатором. Это и стало моей педагогической практикой: я многому научилась у Тамары Мелентьевны, научилась работе с детьми, каждое ее слово я впитывала и ей очень благодарна. Хотя я вообще очень люблю детей, это, наверное, меня и держит тут столько лет. Иногда Тамара Мелентьевна оставляла меня и уроки вести.

Потом в Доме Пионеров организовался хор, вел его Долгов Борис Иванович. А потом пришла Альбина Пугачева, мы с ней вместе в училище учились, и преобразовала этот хор в хорошую студию «Мелодия». Пугачева — настоящая «железная леди», я ее энергией, трудолюбием и настойчивостью восхищаюсь. Сколько она сил и тепла этой студии отдала! А я там стала вести у детей «общее фортепиано». И все это, как мы набирали детей, как начинали, было очень ярко и трогательно — это, наверное, самые замечательные, самые бурные годы моей жизни. Я помню, когда дети пели, у меня не только на голове, на руках все волосинки дыбом поднимались, так меня это пробирало.

От аккомпаниаторства я, в конце концов, ушла и стала работать только в «Мелодии», даже руководила там «младшим хором». И, собственно, всё. Меня все устраивало, и так, по сей день я тут — в «Мелодии» — и работаю. Я как-то посчитала, за 54 года я учила играть на фортепиано примерно 10 тысяч 800 детей. Это «Общее фортепиано», пианистов мы не выпускаем. Но наши дети очень неплохо играют, выступают на конкурсах, занимают призовые места. Хотя некоторые все-таки становятся и пианистами.

Ну, а своих детей у меня двое: в девятнадцать у меня сын родился, через четыре года — дочь. Сына недавно не стало. Погиб. Занимался отделочными работами, здесь, в Томске, и сорвался с крыши... В три года у меня подряд не стало мамы, мужа, сына и снохи. И дома меня сейчас никто не ждет, только пустые комнаты с фотографиями. Потому, когда рабочий день заканчивается, я не спешу уходить из Дворца, дети шумят, и это радует мое сердце, и все люди, которые тут работают, — мне родные. Ведь мы тут очень дружно всегда жили. Сколько мы друг другу помогали, сколько праздников мы вместе отметили, сколько пирожков я им с удовольствием скормила. Мне нравится, когда люди кушают и нравится, когда благодарят, значит, все получилось.

Я помню, как мы перешли в новое здание в восьмидесятом из маленьких комнаток Дома

Пионеров. Такой простор! Такое счастье! Я нашему новому директору, Татьяне Александровне, на всякий случай сразу сказала: «Вы меня уволить не можете, ведь не вы меня сюда принимали...» Но она, вроде, и не торопится. Нам вообще на директоров как-то везет. Что Люция Павловна, что Татьяна Петровна прекрасными были руководителями, очень человечными. Татьяну Александровну мы сперва настороженно, конечно, встретили, но теперь уже видим – человек хороший и грамотный, так что нам, похоже, снова повезло.

Ну, что я еще могу сказать? Я педагог высшей квалификационной категории, с десяток у меня всяческих наград, но было бы глупо, мне кажется, все их тут перечислять. Лучше опубликуйте тут вот это письмо от одной моей ученицы. Я получила его пять лет назад и вот храню, иногда перечитываю и думаю, что, наверное, она написала то, что думают большинство детей, которые прошли через нашу школу-студию. И это согревает мне сердце.

«Альфия Гафуровна!

Вы – очень важный человек в моей жизни! Спасибо за Ваш вклад в мое воспитание и развитие!

Вы помните, что в детстве я занималась музыкой без рьяного желания, но я чувствовала определенную ответственность перед вами, так как я осознавала, что учусь у лучшего педагога, у самого ответственного и требовательного педагога от Бога, который растит таланты!

Я, безусловно, Вас боялась, вы же справедливая и строгая, но я помню, как согревала Ваша улыбка и бесконечно любящие глаза.

Фортепианная игра развила во мне многие важные качества: прекрасную память, которая позволила мне легко учиться на отлично в школе и в университете, дисциплинированность (над которой мне еще надо работать, но, благодаря Вам она, по крайней мере, есть). Творчество! Это же необходимая часть жизни любой настоящей женщины.

Оглядываясь назад, я понимаю, что в определенный период времени Вы являлись мне мамой и остаетесь второй мамой на протяжении всей жизни. Спасибо Вам.

С бесконечным теплом и любовью, Ваша Вдовкина Маша».

Действительно, мне кажется, еще какие-то слова тут будут только лишними.

Аня Икрина, ансамбль «Аллегро» («Мелодия»)

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«... Мой учитель – строгий, но очень справедливый и всех научит петь, его зовут Альбина Васильевна. Я мечтаю стать певицей и блогером...»

Елена Истомина: «Когда тебе плохо, нужно идти на работу»

Да, вот именно так Елена Анатольевна, педагог «Дошкольной Академии», ведущий шестилеток, сформулировала свой секрет здоровья. И пояснила: «Бывает, проснешься утром, и что-то все косточки ломит. Как разбитое корыто себя чувствуешь. А приходишь сюда, ребяташки бегут к тебе, окружают, берут за руки... И все хвори отступают: и голова прошла, и спина прошла... Дети много забирают энергии, но и много дают. Они становятся взрослее, а мы остаемся молодыми».

— И вы не устаете на работе?

— Ну как это... Домой прихожу, там сразу начинаются какие-то заботы разговоры, но я отстраняюсь, говорю: «Так. Не трогайте меня хотя бы пять минут. Я устала. Мне надо пять минут тишины». А мама мне: «Отчего ты устала? Ты же землю-то не копала...»

— А устаете, наверное, от того, что все дети разные, к каждому нужен свой подход?

— Да. Я работала в школе и знаю, что в этом смысле там несколько проще. Там ты можешь требовать от ребенка, здесь ты не требуешь, а учишься его понять. Они ссорятся, и я стараюсь не вмешиваться в ссоры в роли судьи, решая, кто прав, кто виноват, а стараюсь научить их самим договариваться, самим прекращать ссоры.

— Но есть ведь, наверное, дети сложные, неуправляемые.

— Есть. И с каждым нужно найти свой язык. Хотя иногда он и сам находится. Вот сейчас у меня в группе ситуация нестандартная. Про любовь, вообще, можно же говорить?

— Конечно. Про все можно. И даже нужно.

— Тогда вот. У меня есть мальчик, звать его Игорь, вот он пришел, заниматься совсем не хочет. Он лежит на банкетке, он тоскует, он переживает... И вдруг он влюбляется в девочку, звать ее Ксюша. Он пишет ей письма, он читает ей стихи и теперь с таким желанием ходит на занятия! И учится!

Но чаще приходится что-то придумывать. Вплоть до экстрима. Девочка одна, Алиса, кусала всех подряд. Она в три года кусалась, в четыре кусалась, в пять... И вот пришла она ко мне. И я все думала, как же мне ее от этого отучить. Стоим мы как-то в коридоре, в пары постро-

лись, домой собрались. И я вдруг взяла ее и тихонечко укусила ее за плечо. Она аж подпрыгнула, говорит: «Ты что?! Кусаться же нельзя!» А я говорю: «Ну, ты же кусаешься, значит, и мне можно». Она: «Но ты же взрослая!» А я говорю: «А ты тоже уже взрослая. Тебе уже шесть лет». И с тех пор она больше не кусалась.

– Здорово. А с родителями сложности бывают?

– Только с теми, кто чрезмерно опекают своих чад, лезут в те же детские ссоры. Я стараюсь не допускать их к этому. Я им объясняю: это не взрослые, у них не будет вражды на всю жизнь; это дети, они сейчас ссорятся, а завтра будут лучшими друзьями... Но есть такие родители, которые лезут изо всех сил. Вот она, как орлица, нахохлится и стоит за дверью, прижавшись ухом, слушает, не обижают ли там ее ненаглядного... Так и хочется дверь эту распахнуть резко...

– Так, отлично! Ребенка укусили, мамашу хочется дверью прихлопнуть... Давайте еще штук пять таких примеров вспомним, и отличный материал получится, самый интересный в книге...

– Нет-нет, я потому про это и помню, что это единичные случаи. Все всегда решается мирным путём... Вообще-то, с родителями я стараюсь дружить. Мы ходили с ребяташками и родителями в походы, в лес на Масленицу ходили, чучело жгли... Устраиваем совместные посиделки-чаепития. Обязательно должны быть вместе и дети, и родители, и педагог, тогда все получится.

– А давайте начнем с самого начала. С того, как вы пришли во Дворец...

– А если я скажу, что это случайно произошло, это тоже нормально будет?

– Рассказывайте!

— Я училась в восемнадцатой школе, тогда она еще не была гимназией. И я всегда мечтала быть учительницей. Потому что примером у меня была моя первая учительница Лидия Петровна Сухонда. Она была учителем начальных классов. Это был очень добрый человек. Такой замечательный человек! Она настолько знала своих учеников... Даже если кто заболел, она заходила проведать. И что интересно, она никогда не повышала голос. Мы не замечали, что она нас учит, нам казалось, что она просто разговаривает с нами. Мне кажется, «плохих учеников» у нее не было никогда. Все были хорошие — и троечники, и пятерочки.

И вот этот пример до сих пор для меня очень важен. Лидии Петровны уже нет, но я часто в сложной ситуации спрашиваю себя: а вот как бы она поступила на моем месте? И как ответу себе на этот вопрос, так и делаю. Наверное, ее труд и привел меня сюда. Во всяком случае, стать учителем подвиг меня именно ее пример. И она, кстати, мне говорила: «Ты будешь хорошим учителем».

— Вы с ней советовались о выборе профессии?

— Нет, она мне так говорила, когда я была у нее на практике. Я после восьмого класса ушла в педагогическое училище, а на практику пошла в родную школу.

И когда закончила, в девятнадцать лет, пришла работать в эту же школу, в которой училась сама. Я отработала там пять лет, потом ушла в декрет: сын у меня родился. А когда он чуть подрос, я ушла работать в детский сад — туда, куда его приняли. Это филиал той же школы, пятый детский садик. Поработала там и поняла, что это все-таки не мое, что мне надо что-то большее... А когда сыну было пять лет, в 2001 году, я привела его сюда, в «Каллейдоскоп» к Елене Валерьевне Вишняковой заниматься бальными танцами.

Сидела в коридоре, ждала его. А здесь, во Дворце, работала моя коллега, однокурсница по училищу Марина Киселева. Она меня увидела и говорит: «А ты не хочешь поработать тут, у нас во Дворце?» Я говорю: «А почему бы и нет?!» Она говорит: «Хорошо. У нас уходит педагог, приходи, посмотри, понравится — останешься...» Вот так. Привела сына танцевать, а сама осталась. И работаю тут уже восемнадцать лет.

— Когда вам это предложили, у вас и сомнений никаких не было?

— Были, конечно. Но не в том смысле, хочу ли я, а в том — смогу ли. А захотела я сразу. Ведь когда я раньше проходила мимо Дворца или заходила в него, мне казалось, что это какое-то необычное место, и работают в нем какие-то особенные люди. Талантливые, добрые, дружные. И так все и оказалось.

Кстати, вопрос, смогу ли я, был не у меня одной. Меня, когда я пришла сюда, в «Дошкольную академию» после сада, проверяли очень скрупулезно. Моими первыми наставниками были Наталья Юрьевна Балабанова и Светлана Владимировна Польшгалова. Они сказали мне так: «Ты сначала подготовь и принеси нам конспект своего первого занятия, и мы посмотрим, правильно или неправильно ты там всё написала...» И первое время они проверяли мои конспекты, сидели у меня на занятиях, и только когда убедились, что все у меня идет, как надо, отпустили меня «в свободное плавание».

Надо сказать, поначалу все было непросто. Педагог, которого я заменила, была молодая, и, видимо, очень самоуверенная, потому что взялась вести сразу и четырехлеток, и пятилеток, и шестилеток. А это ведь совсем разное. И я сразу пришла на эту нагрузку. Было тяжело, и я торчала во Дворце безвылазно.

Сын занимался бальными танцами, а потом перешел к Ольге Владимировне Алексеевой

в «Русские забавы» и отплясал там до двадцати лет. То есть мы с ним вместе практически жили во Дворце. И то, что он тоже тут, меня очень выручало: я настолько была уверена, что с ним ничего плохого не произойдет, ведь Дворец – это такое место... Дружные ребята, замечательные педагоги. Я всегда знала, что мой ребенок не курит или пьет в каком-нибудь кафе, а во Дворце занимается делом или узнает что-то новое.

Вот эта дружба дворцовская – это такая замечательная вещь... Иногда стоишь в фойе на какое-то мероприятие пришли дети, и ты сразу видишь, что это не дворцовские дети. Дворцовских видно: от них исходит доброжелательность. Я очень рада, что сын прошел весь этот дворцовский путь. Тут жизнь кипит: концерты, выезды... Он прекрасно знал, что если у него будут в школе плохие оценки, он не пойдет на репетицию, а это был бы для него серьезный удар. Потому приходилось быть собранным, дисциплинированным.

Ему сейчас двадцать четыре, но он до сих пор сюда иногда приходит – на праздники, на капустники, со многими ребятами отсюда продолжает общаться.

– Сейчас вы ведете только шестилеток?

– Да. Я определила, что мне все-таки ближе шестилетки. Готовлю их к школе. И удивляюсь на наших девочек, которые с трех-четырёхлетками занимаются. Иногда вижу, как они их ведут. Те катятся, как горох. «Что вы с ними делаете? Как с такими крошками можно о чем-то говорить?» А они: «Да ты знаешь, сколько с ними всего можно сделать!»

– Ну, вы ведь все-таки учитель по образованию и, видимо, по призванию...

– По образованию я учитель начальных классов, но, когда стала работать с дошкольниками, быстро поняла, что одного образования мне мало. Подходы к школьнику и до-

школьнику – совсем разные. И я пошла заочно в педагогический университет на факультет дошкольной психологии и педагогики. Закончила его, и вот теперь я чувствую себя во всеоружии.

– Вас никогда не тянуло вернуться в школу?

– Нет. Но воспоминания о ней у меня остались самые теплые. Как-то мои бывшие школьные ученики пришли ко мне, парни уже восемнадцатилетние, говорят: «Елена Анатольевна, мы в армию уходим, проводите нас добрым словом». Очень это было трогательно. Кстати, потом, когда отслужили, они снова ко мне пришли.

О школе всякое вспоминается. Вот, например, один случай. Я ведь вела начальные классы, и в мою обязанность входило проследить, что после занятий дети все оделись, ничего не забыли, вышли из школы. Но мои иногда оставались поиграть в школьном дворе. А я жила неподалеку на первом этаже. И вот как-то, когда я уже домой после занятий пришла, ко мне во окно стучится пацан – мой первоклассник: «Елена Анатольевна, девчонки мой портфель где-то во дворе закопали и домой ушли...» Плачет, говорит, меня мама ругать будет. Мы этот портфель искали с ним до позднего вечера, там двор-то немаленький. Но нашли...

– Елена Анатольевна, тут, в «Академии», сколько детей прошло за эти годы «через ваши руки»?

– Я как-то посчитала. Вышло, что за восемнадцать лет моих выпускников – больше тысячи. Я веду их всего один год перед школой, но бывает, что иду по улице, и вдруг какой-то взрослый парень говорит мне: «Елена Анатольевна, здравствуйте! Вы меня не помните?»

А я смотрю на него и не могу узнать. «Я Леша, из «Академии», помните меня?..» А Леш у меня тоже много было. Пытаюсь представить, каким мог быть этот детина в шесть, но не выходит. Потом все-таки он фамилию скажет, случай какой-то, и я вспоминаю его. Это очень приятно бывает, что они-то не забывают меня.

А я ведь уже иногда учу детей тех ребятешек, которых тоже здесь учила в первых выпусках.

Елисей Калашников, судомоделирование

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«... В прошлом году родители привели меня в «Глорию». В этом году – в судомодельный кружок, чтобы строить и испытывать модели кораблей. Дворец мне показался очень большим и красивым. Больше всего понравились аквариум и сосиска в тесте в буфете...»

Василисса Калашникова, «Дошкольная Академия», группа «Колокольчики»

Фрагмент блиц-опроса

«... Мне нравится физкультура, потому что мы там по коврику с морскими звездами ходим...»

ДОМ

Я Светлана КАЛИНИЧЕНКО, педагог, кандидат философских наук, член творческого Союза художников России, эксперт конкурсов рисунков на портале Рисовашки.тв и основатель арт-студии «КраСочно». Но сколько бы эпостасей и ролей у меня не было, мой дом – Дворец Творчества.

Почему?

Дом – это место, где ты родился. Если говорить о моём творческом рождении, то Дворец – это как раз то самое место.

Однажды, тридцать лет назад, моя мама, прислушавшись к желанию своей пятилетней

дочери ходить на «разукрашку», привела её в большое красивое здание со сверкающими витражами и величественными колоннами. (Тогда я видела Дворец именно таким.)

Но, посмотрев на маленькую хрупкую девочку с тоненькими ножками и ручками, педагоги стали уговаривать маму записать ребёнка на танцы. Мама предложила мне это, но в ответ услышала: «Мама, если ты хочешь танцевать, то иди, а я хочу рисовать».

Тогда мама привела меня к педагогу Леониду Даниловичу Прошенкину. Но ушла от него со мной вместе понуря. А как бы вы отреагировали, если бы услышали от педагога, что у вашего ребёнка таланта нет, а значит, не стоит и записываться? (Так мне рассказали позднее.)

Ни в коей мере ни я, ни мои родители не в обиде на Леонида Даниловича, я всегда восхищалась и работами его учеников, и его

работой как педагога. Я ему даже благодарна. Расстроенную маму подбодрила и обнадежила вахтер Людмила Ивановна, которая на тот момент была буквально символом Дворца.

Где бы ты ни занимался, куда бы ни ходил, незамеченным Людмиллой Ивановной Посажейниковой ты не оставался. Ее знали все, и она знала всех. Кто куда ходит, кто где и как учится, у кого какие успехи и неудачи и к кому в последнем случае обратиться. Вот и в этот раз, увидев расстроенных маму и дочку, узнав в чем дело, «Баба Люда» (так ее называли) посоветовала нам пойти к Лилии Тимофеевне Шаропиной. И интуиция ее не подвела.

У Лилии Тимофеевны я успешно прозанималась двенадцать лет, стала выпускницей художественной студии, а потом еще тринадцать лет преподавала там сама. Мои работы пусть и неизвестны по всему миру (пока), но выставляются в Томском областном художественном музее и в других музеях Томска, области и Сибирского региона. Кстати, моя

Людмила Ивановна Посажейникова

Занятие у Лилии Шаропиной

первая персональная выставка состоялась именно во Дворце.

Что сказать о годах учебы? Это были чудесное время детства и творчества. Мы ходили в походы на лыжах и на пленэры, мы выступали на праздниках, посещали выставки и знакомились с томскими художниками. Но самое главное – мы творили, рисовали...

Однажды я посчитала, сколько лет я провела, прожила во Дворце, и получилось ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ! Двенадцать лет училась, тринадцать учила, а в промежутке в течение трех лет посещала Дворец в качестве родителя учащегося – моей дочери Саши, которая занималась в вокальной студии «Мелодия». Согласитесь, проведя двадцать восемь из тридцати пяти лет всей своей жизни во Дворце, я имею право называть это место своим вторым домом.

Кстати, где сейчас дочка? Да дома, где же еще. Работает в «Мелодии» концертмейстером.

Но родным, домашним место делают не стены, а люди. Как правило, коллектив имеет определенный характер, определенные

перейти к содержанию

черты, и люди, которым эти черты не свойственны, в нем не уживаются. Так вот, во Дворце работают великие люди, вкладывающие в детей всего себя без остатка, воспринимающие проблемы своих коллег своими, пытаясь оказать любую посильную помощь.

Не буду перечислять всех тех замечательных людей, с которыми мне посчастливилось встретиться во Дворце, работать в одном коллективе. Слишком длинный это будет список. Но двоих я все-таки выделю. Во-первых, Лилию Тимофеевну Шаропину, о которой я уже писала и которая стала не только моим первым и главным учителем в изобразительном искусстве и педагогике, но и моей «второй мамой». Во-вторых, бывшего директора Татьяну Петровну Ефимову, тепло и заботу которой я чувствовала на протяжении всей моей жизни во Дворце: и когда училась там, и когда работала.

Дворцовские люди... Очень показательным для меня стал один нелегкий, а в результате счастливый, момент моей жизни. Три (уже

скоро четыре, а на момент издания книги точно будет четыре) года назад я родила свою вторую дочку. Но у меня случились серьезные проблемы со здоровьем, и двадцать девятого декабря врачи вынуждены были ввести меня в медикаментозную кому. И позднее я узнала, что один из педагогов (не хочу писать кто, чтобы не смущать) сказал: «Какой же теперь у нас может быть Новый год?!»

Слава богу, у меня все обошлось, и второго января я благополучно пришла в сознание. И коллеги, позвонив, а позднее и при встрече, спрашивали: «Как там НАШ ребеночек поживает?»

С ребеночком все в порядке, в следующем году Агата пойдет заниматься во Дворец, скорее всего, в «Фуэте»...

Ну, а я, покинув свое «гнездо», когда-то это должно же было случиться, занялась созданием собственной арт-студии. Но, как вы уже поняли, я уверена, что мои связи с Дворцом на этом не оборвутся.

О хлебе, консервах и северном олене

Елена Гунова-Карташова

(Москва, театр игры «Осторожно – дети!»)

С Томским Дворцом пионеров, Дворцом творчества юных, Дворцом творчества детей и молодежи (название менялось три или четыре раза) у меня связана, как мне кажется, бóльшая часть моей жизни. Хотя десять лет – только треть моего трудового стажа, это были годы, наполненные самыми яркими событиями. То, чем я до сих пор живу и на что опираюсь.

Своими сегодняшними достижениями я обязана тем людям, с которыми работала тогда. Талантливые, грамотные, профессиональные, с горящим сердцем и огромной душой. Сколько всего мы вместе прошли, сколько пережили и переделали! Сколько произошло различных историй, которые вспоминаются до сих пор... Я и сейчас рассказываю своим воспитанникам о том, как мы работали и творили.

Вот одну такую историю я им недавно рассказала. Тоже был юбилейный для Дворца год. Приближался день его рождения, который решили отметить, проведя «Город Веселых Мастеров». Для меня это было что-то новое, масштабное, грандиозное. Татьяна Петровна Ефимова нас всех вдохновила на творческий подход к мероприятию, Владимир Николаевич Лабенский стал с нами все прорабатывать.

Наша фантазия не знала границ. Ансамбль «Пересек» придумал открыть в этом городе баню, театралы решили открыть театр, ЮИ-Довцы хотели открыть таксопарк и готовились

катать людей по длинному коридору на специальном кресле с колесиками. Банки и магазины, ателье и многое другое готовилось к открытию в этом городе. А мы с ребятами (игровой клуб «Колобки») решили открыть казино (Тогда еще было можно).

Никто из нас ни разу в казино не был, но мы могли себе его представить, а сделать хотели

даже лучше, чем на самом деле. Благо, что рулетка (детская игровая, но очень реальная) у нас была. Все остальное – это просто набор игр. Были карты, но детские, были кости и прочее. Плюс хотели открыть боулинг и сделать сцену для выступления в казино артистов.

Работа закипела. Надо было как-то отгородить на втором этаже свою площадку, выстроить подмости, обтянуть зеленым сукном столы, придумать себе одежду, подготовить цыган (!), договориться (сторговаться в цене, все как в жизни) с вокалистами из студии «Мелодия»...

Работали полдня. И вот, в десять вечера, а, может быть, даже в одиннадцать, дотаскивая в свое казино последнее и помогая в работе другим коллективам, мы присели отдохнуть и осмотреться. И тут кто-то из администрации (не помню кто, но точно – от директора), принес нам хлеб и рыбные консервы. И мы поняли, что действительно очень хотим есть.

Помню то, как нас с ребятами захватила эта работа. Был какой-то объединяющий дух, мы были очень счастливы, и никто не хотел уходить. И эти консервы, и хлеб я тоже помню до сих пор. Эта простая еда сделала нас ближе друг к другу и к начальству тоже. Ведь они, наши «командиры», проявили заботу, были рядом. Мы почувствовали их плечо.

Никто из ребят тогда не убежал домой, не было мобильных, чтобы их срочно отозвали родители, не было репетиторов, с которыми нужно было идти заниматься. Не было ничего, что сейчас разъединяет людей. Всем хотелось быть вместе, готовить праздник, ждать праздник.

И на следующий день он был грандиозным. Столько счастья и радости в одном месте я больше не встречала никогда. Все было от души. Были игровые деньги «ефимки», была

баня, было такси, было желание поиграть в зарабатывание денег, которые потом все вместе пустили на «вкусняшки», покупая их на аттракционе.

Это все я рассказала своим нынешним московским воспитанникам, у которых что-то созидать нет ни времени, ни сил, ни желания. Им нравится только наблюдать за теми, кто что-то делает. В руках – вечные мобильные, в глазах – вечная усталость, а вокруг – стулья, которые притягивают посидеть. И курсы, и куча уроков... Да и взрослые не предлагают им поиграть в «Город Веселых Мастеров». В лучшем случае – концерт или спектакль.

Даже нештатные ситуации, которые происходили порой тогда во Дворце, сегодня вспоминаются с улыбкой.

Шли новогодние ёлки, после которых мы, «Колобки», показывали спектакль «Золушка». И был у нас звукооператор Сергей, который бывал иногда, мягко говоря, рассеян. Добрейший, милейший человек, профессионал, но работать с ним было трудно.

И вот в середине одного представления пропал звук. А нам дальше надо играть, петь, танцевать. Стоим на сцене, пытаемся как-то выкрутиться, но большинство из нас не знает, как быть. Плюс текст сказки весь в стихах, много не наимпровизируешь.

Одним из персонажей в сказке был Шут. И вот он вдруг подпрыгивает на месте и говорит: «А сбегаю-ка я оленем на Север и посмотрю, как там Дед Мороз? Не пора ли ему к нам собираться? Потороплю его!» Все это он сказал пафосно, возвышенно, прямо как Гамлет, и помчался двухметровыми шагами через весь зал к звукооператорскому окошку.

Глянув в окно, он продолжил тем же тоном: «Ах, беда! Дед Мороз задерживается! Лыжи смазывает! Но он пообещал, смазать их

побыстрее и обязательно примчаться к нам на праздник!» Тут и все слегка пришли в себя и тоже начали плести что-то несурзное про Новый год и Деда Мороза.

А Шут тем временем, пробегая обратно на сцену мимо меня, приостановился и шепнул: «Сергей, зараза! С МЭЗа пленка слетела, плохо закрепил. Сейчас ее обратно намотать администрация помогает!» Поясняю: пленка на магнитофоне МЭЗ тонкая и капризная, как серпантин. Если слетит – капнут...

Не знаю как, но чудом всё вернули на место, и сказка пошла дальше. Но потом мы часто вспоминали и всегда сильно смеялись, как нелепо мы все выкручивались, а находчивый Шут оленем бежал через зал поторопить Деда Мороза...

Да, много было всего во Дворце... Сейчас тут, в Москве, мы с моими ребятами готовим XI фестиваль игровых коллективов. Готовимся встречать делегации из других городов страны. Но ребятам трудно. Им и хочется включиться в процесс подготовки на полную, но уроки, курсы, репетиторы, дорога домой, все это не дает, как следует, посидеть, помечтать, что-то придумать и воплотить, а в итоге не дают в полную силу дарить другим радость от общения с творчеством.

Хотя и не все у нас плохо. Много ездим, много выступаем. Но вот того единения духа, той самоотдачи и находчивости сейчас нет. Ведь и от взрослых дети часто слышат: «А мне это надо?»

Денис Качин, авиа-моделирование

Фрагмент блиц-опроса учащихся

Я пришел во Дворец сам, чтобы заниматься авиамоделизмом, потому что мне нравятся самолеты. Я мечтаю о большом самолете, который сделаю сам.

Никита Кесс, авиа-моделирование

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«... Зачем я посещаю Дворец? Чтобы видеть родителей...»

Сергей Кесс про кузнечика, танцы и фикус

«Помню, в лагере Поста № 1 мы организовали целую смену нашу, танцевальную. Условия там были спартанские, родители переживали. Вот приехали папа с мамой к одной девочке семилетней, говорят: «Может домой?» А она им трехлитровую банку с кузнечиком показывает и говорит: «Видите, у меня кузнечик тут? Я тут делом занимаюсь. Чего вы вообще приехали?»»

Вот такую историю рассказал мне педагог объединения «Калейдоскоп» Сергей Иванович Кесс, отвечая на мою просьбу вспомнить что-нибудь интересное из жизни Дворца. Достойная на мой взгляд история. Ну, а теперь давайте по порядку.

– Сергей Иванович, расскажите о себе. Как вы сами увлеклись бальными танцами? Как пришли во Дворец?

– Я родился я в 71-м году, если это интересно, в городе Каратау Казахской ССР, это юг Казахстана. Мальчиком был послушным, дисциплинированным, и в шесть лет, в школе, в первом классе, родители отдали меня на бальные танцы. И занимался я ими до самого приезда сюда, в Томск. А приехал поступать в университет, тогда это был еще институт –

Томский Политехнический. Факультет Прикладной математики, специализация «Автоматика и вычислительная техника».

Год я проучился, и что-то меня потянуло восстановить свои танцевальные навыки. Тем более, что в ДК ТПИ, то есть в клубе института, где я учился, базировался танцевальный коллектив «Виктория». Я пришел туда, начал заниматься. Танцевали, танцевали, и в один прекрасный момент, не помню по каким причинам, весь коллектив перешел сюда – во Дворец. Это год 90–91-й где-то был.

Год мы тут отзанимались, и перед нами поставили задачу увеличить число учеников в коллективе. Руководитель был Сергей Александрович Залешин, он мне сказал: «Давай, набирай группы, будешь преподавать». И вот с 92-го года я поступил педагогом в штат Дворца и места работы больше не менял. Только год поработал еще параллельно в НИИ АЭМ по полученной в ТПИ специальности, когда закончил. Но танцы перевесили.

– А вернуться на родину после окончания не было желания?

– Нет. Каратау – промышленный город-спутник, там все было заточено под фос-

форную промышленность, и делать мне там было абсолютно нечего, а тут еще «перестройка», «лихие девяностые»...

— **И вот вы набрали ребятишек.**

— Я набрал взрослых. Первое, что у меня было — группа «сеньоров». Сеньорами у нас называют людей после тридцати, которые уже не соревнуются, для них это уже не спорт, а, собственно, «танцы».

— **А бальные танцы считаются спортом?**

— Да-да, это спорт, у нас разряды, звания — КМС, Мастер Спорта... Получить их очень трудно. Потому что их дают не по конкретным достижениям, а по итогам какого-то количества соревнований. Ну, вот в стрельбе ты столько-то выстрелов с такого-то расстояния в десятку запустил, тебе дают «мастера», в плавании такое-то расстояние проплыл за такой-то срок — мастер. А у нас нет этой конкретики, у нас спорт соревновательный, как в шахматы, все высчитывается по определенному числу побед

в различных соревнованиях. А соревнования территориально разбросаны. Так что это очень затратно по времени, да и по деньгам. И есть еще ограничения по возрасту.

— **Ясно. Итак, ваша первая группа в дворцовой «Виктории» была взрослая...**

— Да. Это были супружеские пары — Ямаевы, Ванины. Ванины, кстати, до сих пор танцуют. Профессор был из ТУСУРа — Назаров, ему уже за пятьдесят было. Была Запускалова Елена, сейчас она в Канаде. Вот они ходили, занимались, тренировались. Мне было интересно с «сеньорами» заниматься, потому что дети-то не всегда и хотят-то танцевать, их папа с мамой привели, а они еще сами не поняли, надо им это или нет. А сеньоры пришли по своей воле, они уже замотивированы.

Год или два мы с ними позанимались, и тут мне все-таки сказали, что надо детей набирать, раз у нас Дворец Творчества Юных, так он тогда назывался. И мы набрали детей. У меня

перейти к содержанию

были детки лет по десять-двенадцать. Мы занимались-занимались, а потом от нас ушел один педагог – Вика Махрина. Ее группу детей тоже мне отдали. И примерно с этого момента у нас появился отдельный коллектив – «Калейдоскоп».

– **Как это вышло, откуда появилось название?**

– Буквально через год «Виктория» ушла на другую площадку – в ДК «Энергетик», а я и мои ребята, и взрослые, то есть «Калейдоскоп», остался тут. А название... Мы с женой его придумали. В Казахстане, в гостях у моих родителей...

– **Так, стоп. Давайте про жену...**

– Елена Валерьевна Вишнякова, фамилию она менять не стала. Мы с ней вместе преподаем тут. Официально, она руководитель нашего объединения. Рассказываю, как мы с ней познакомились. Я здесь уже был. Партнерша, с которой я танцевал, – десятиклассница, перестала танцевать, так как любовь у нее приключилась с мальчиком, а он заревновал, что она, понимаешь, с партнером в танце обнимается, и запретил ей танцевать. Что делать? Я пошел в ТУСУР, там была школа бальных танцев «ЭК-СИТОН». Увидел там девчонку, которая более или менее двигалась, подошел, пригласил ее попробоваться.

Но у нее тоже была любовь, и ее молодой человек был против, чтобы она куда-то в другое место шла «пробоваться». Тогда она своей подружке, тоже десятикласснице, сказала: сходи. Подружка пришла, мы попробовались... Ну, и допробовались, что до сих пор женаты, сыну десять лет.

И вот как-то мы с ней сидели под грушей в Казахстане, у моих родителей в гостях и разговаривали. «Ну и как будем называться?» Стали придумывать разные эффектные

С бесценной партнершей Еленой Вишняковой

слова, но они все заняты, тогда много в Томске танцевальных коллективов было... А тогда блистала команда КВН «Дети лейтенанта Шмидта». Там был Гасаев, который пел очень хорошо. Он был из барнаульского театра миниатюр «Калейдоскоп». Нам обоим они нравились. И вот кто-то из нас говорит: «А почему бы не «Калейдоскоп»? Красиво, разноцветно, празднично»...

Первый состав ребят и стал потом первым выпуском «Калейдоскопа». В том выпуске, кстати, была Настя Андрейченко, очень талантливая девушка, и она потом тоже у нас преподавала. Достаточно долго. Сейчас она в Германии живет.

– **Про Дворец...**

– А что я скажу? Сравнивать-то мне не с чем. У меня одна запись в трудовой книжке... Но в целом, это коллектив великолепных педагогов, сообщество очень ярких детей. Особенно это можно сказать о школьниках

постарше, которые сами сюда пришли. Маленьких родители привели. Они танцуют, поют, рисуют, пока не повзрослеют, пока маму боятся. А потом решают: «Нет, это не моё...» И уходят. А вот когда те, что постарше, сами приходят туда, куда их самих тянет, вот эти ребята очень интересные.

Поэтому хорошо, когда в раннем в детстве ребенок попробует и то, и се, и третье. Потом придет туда, куда тянет. Бывает, на улице минус сорок, в школу можно не ходить... И они все идут сюда к нам. Я всегда радуюсь, когда это вижу. Особенно раньше. Сейчас, к сожалению, дети немного другие. Они все в телефонах. Хотя все не так страшно, народ еще настроен на активность.

– Сергей Иванович, вы упомянули, что у вас сыну десять лет. Он танцует?

– Нет. Это как раз тот случай. Мы его привели, когда он еще сам не понимал, чего хочет. Танцевал два года. Но сейчас в авиамодельный кружок ходит. Говорит: я на ваш режим жизни посмотрел, не хочу я на танцы.

– А что страшного в вашем режиме?

– Разъезды. У нас каждую неделю – соревнования. Наши ребята хотят чего-то добиться, а для этого надо участвовать в соревнованиях, и мы как тренеры их сопровождаем.

– А сами вы сейчас не танцуете?

– Нет. Устал, травмы накопились. Нет желания, а ведь это главное. Мне сейчас интересно научить, показать, самому танцевать неинтересно. Когда понимаешь, что по физическим возможностям, по возрасту ты уже не можешь всерьез соревноваться с молодежью, всякая охота пропадает.

– Сергей Иванович, вы мне в начале про девочку с кузнечиком рассказали. А есть еще что-то смешное вспомнить – читателя порадовать?

– Ну-у... Лагерь. Штормовое предупреждение, дождь, пацанов залило, мы их переселили в домик к девочкам, чтобы не залило окончательно. Идет Маратик, с Черной речки, пухленький такой, тащит матрас насквозь мокрый. Я говорю ему: «Слушай, Марат, может домой? Там у тебя сухо, тепло...» Он на меня посмотрел: «Не-ет. Это экзотика. Мне тут хорошо...»

Или, помню, как-то решили мои ребята на «республике Дворец» сделать номер – отрывок из балета «Лебединое озеро». И мужскую роль играл парень, и женскую – тоже парень. Ну, комический номер. Парень был в пачке, армянин, грудь волосатая, ноги волосатые, усы уже... И вот лебедь умирает, умирает, умирает... Все смеются, Петриева Валентина Ивановна «брависсимо» кричит. Наконец, все смолкли, и вдруг с заднего ряда, где «Глория» сидела, кто-то громко так выдает: «Да она же мужчина!» И снова у всех истерика на пятнадцать минут.

Или вот. Нас как-то пригласили в Канск на соревнование. Приехали, заселились. Я пошел выяснить, как и что там с чемпионатом, возвращаюсь, а в фойе сидит горничная, за голову держится. Говорит: «Что-то надо делать. Ваши там по коридору фикус вместе с кадкой катают...»

Да что там – случаи! Самое интересное – это когда весь коллектив чем-то занят, все вместе. Помню, ремонт был во Дворце. Как таскали алюминиевые рамы... Или как обкапывали Дворец от снега. Это всегда очень весело. Казалось бы, «добровольно-принудительные» дела, а на самом-то деле – весело.

– Сергей Иванович, ну, что-то еще напоследок про Дворец...

– А что тут скажешь?! Если бы тут было что-то не так, мы бы с женой столько лет тут не работали.

Верхний этаж — самый близкий к звездам

*Жить в городе и не знать карты
звёздного неба — это уже слишком...*

Поль Гоген

Для астрономии, оперирующей гигантскими расстояниями и многовековыми сроками, тридцать семь лет — мгновение. Но для человека — целая жизнь. Именно столько, тридцать семь лет, вела клуб «ИКАР» (первоначально — астрономический кружок) во Дворце Творчества Юных

Алевтина КИРЕЕВА.

— Алевтина Михайловна, как вы сами стали астрономом?

— Все началось с любви к звездам. А она у меня началась в школе. В деревенской школе. Знаете, какое небо в деревне — при полном отсутствии засветки?!

— **Расскажите тогда, пожалуйста, подробнее о вашем детстве.**

— Я родилась в сорок седьмом. Папа и мама познакомились в сорок пятом, когда папа, несколько раз раненый на фронте, возвращался домой в деревню Бабарыкино. Он добрался до Томска и искал попутный транспорт — запряженную в лошадь подводку. И попутчики нашлись: туда же, в Бабарыкино, везли двух молоденьких учительниц. Одна из них и стала его женой, моей мамой.

Папа тоже стал учителем начальных классов. Их с мамой несколько раз переводили в разные школы — Бабарыкино — Ягодное — Мало-Жирово, а с ними переезжали мы — дети, которых было трое. Мама любила петь, танце-

вать, она, кроме основной работы и домашнего хозяйства, всегда была заводилой деревенской самодеятельности, поэтому дома мы часто оставались с папой, и он учил нас играть в шахматы, стрелять, ездить на мотоцикле, а летом — помогать на сенокосе...

Мне всегда везло с учителями, всех их помню. Участник войны, директор Асиновской школы № 10, историк Захар Тимофеевич Вишняков своими рассказами о подвигах солдат, героев-комсомольцев и лётчиков укреплял нас в нашей вере в светлое будущее. Увлечённая

своими предметом математик Нина Петровна Попова... Иван Иванович Брандт, благодаря которому я полюбила немецкий язык... А «литератор» Валентина Михайловна Скоробогатова поддержала моё увлечение чтением, увлекла серией «ЖЗЛ» и влюбила в поэзию.

Ну а физик Виктор Ефимович Гребенюк в восьмом классе показал мне НЕБО. Оно в деревне всегда было красивым. Но, кроме Солнца, изменяющейся Луны и звёзд, я тогда ничего не различала. Но все мы в классе уже бредили авиацией и космонавтикой, ведь это было начало Космической Эры. Первый спутник Земли был выведен на орбиту в октябре 1957-го, а о первом полёте в космос Юрия Гагарина я услышала в Ягодном 12 апреля 1961 года из громкоговорителя на здании клуба, когда после дежурства в школьной столовой мыла в луже сапоги...

И вот однажды тёмным вечером Виктор Ефимович вывел нас на крутой высокий берег и, показывая нам звезды и созвездия, рассказывал о них... Это было и красиво, и будоражило воображение. Появилось осознание, что все эти рассыпанные по небу алмазы – солнца, вокруг которых, возможно, крутятся планеты, на которых, возможно, кто-то живет...

С тех пор с картой звездного неба в руках я каждый вечер забиралась на деревянные ворота и смотрела в небо, искала созвездия, запоминала... Астрономия стала важной частью моей жизни, и надолго моей в душе засели слова популярной тогда песни: «Жить и верить – это замечательно: перед нами небывалые пути. Утверждают космонавты и мечтатели, что на Марсе будут яблони цвести...»

– **В каком году вы пришли во Дворец?**

– В августе 81-го. Отработав как «молодой специалист» три года геодезистом в экспедиции № 1 Усолья Сибирского Иркутской области.

– **Почему геодезистом?**

– После школы я поступила на Мехмат ТГУ, специализация «геодезия и астрономия». Все мы, группа в тридцать человек, конечно, хотели быть именно астрономами, но нас решили направить в «практическое русло». Мы взбунтовались, пошли в деканат. Но декан сказал: «Вы не ерундите, подумайте. Стране не нужно много астрономов, а вот геодезисты лишними не бывают. И диплом о высшем образовании вам не лишний. Получите обе профессии, а уж потом решать будете».

Двое ребят всё-таки отчислились и уехали в Казань, где была тогда именно астрономическая специализация. Остальные остались, и некоторые парни потом много лет работа-

ли геодезистами в экспедициях. Но тогда в нашей 459-й группе все были влюблены в небо и слово «геодезия» как-то сразу откинули...

Девчонки из нашей дружной «Семерки», так мы называли общежитие, которое сами студенты-мехматовцы для себя и достраивали на 3-м курсе, увлекались искусством, бегали на выставки в «Художественный музей». Утром вместо первой пары – в кино в «Горький». По вечерам – в филармонию, в театр и обязательно – на лекции в Планетарий, который был тогда в здании краеведческого музея. Наши же ребята построили на крыше главного корпуса ТГУ здание обсерватории, в куполе которого потом установили телескоп...

– Какое бурное время! Итак, вы окончили университет, отправились по распределению, вернулись в Томск...

– Да. Пришла в ГорОНО, чтобы мне помогли найти работу учителя астрономии. Мне сказали: астрономия у школьников всего один год и всего один час в неделю... Решили, что я буду вести еще и физику...

Тем временем астрономический кружок, созданный в 1976 году под руководством студента ТГУ Александра Когана в Доме пионеров на Татарской, переехал в новое здание – на Вершинина. А вскоре распался, так как руководитель окончил университет и новых кружковцев набирать не стал. И моя одногруппница Валя Штефан, которая уже преподавала астрономию в ТППИ, все говорила мне: «Ты в школе дурью маешься, а город остался без детской астрономии...». И Нина Поликарповна Фаст, которая при университете занималась с детьми астрономией с 63-го года, ей вторила.

И я, в конце концов, сдалась, пошла во Дворец. И директор – Люция Павловна Шульга приняла меня.

– Ну, вот мы и добрались до Дворца! И как вам жилось в нем? Нынче его юбилей. Что можете сказать по случаю праздника?

– Жилось замечательно. Особенно хорошо это заметно по прошествии времени. Астрономы не танцуют и не поют. Но разве плохо, что многих людей больше интересуют тайны Вселенной?! Каких-то ярких и динамичных историй я рассказать вам не смогу. Астрономия направлена в вечность и в бесконечность. Это физика и поэзия одновременно.

Настоящие астрономы много вычисляют, строят гипотезы, мечтают, ведут долгие наблюдения за небом. Понять это может лишь тот, кто хоть однажды сам увидел и почувствовал над собой эту бездну звёзд, которым нет числа... Это не сценическая деятельность. И мы были очень рады, что на своем шестом этаже мы могли сидеть себе тихонько и заниматься своим любимым делом.

Дворец дал ребятам всё, что им было нужно для успешной работы: уютное помещение, оборудование, телескопы, а в советское время – оплату поездок по стране на слёты и конференции по астрономии и истории космонавтики.

Дворец дал возможность смотреть спектакли и участвовать в праздниках. Устраивать выставки поделок, связанных, как правило, с космонавтикой. Дал достойные награды – от сертификатов и грамот каждому до «именных звёзд» в Звёздном зале. Дал возможность участвовать в каких-то общих мероприятиях, дал возможность найти единомышленников и друзей во Дворце и по всей стране.

Было много достижений и побед. Были встречи и с учеными, и с космонавтами –

с Руковишниковым, Макаровым, Дёминым, Скворцовым, Шариповым. Салижан Шарипов даже согласился стать нашим почетным ИКАРовцем... Но тридцать семь лет – большой срок, и все эти замечательные события слились в моей памяти в общий положительный фон. Я лучше сейчас прочитаю вам некоторые строчки из переписки с выпускниками, и все добрые слова в адрес клуба ИКАР можно смело переносить на Дворец, ведь не будь его, не будь его доверия к нам и его поддержки, ничего бы и не было.

– Ну, давайте.

– Кстати, название клубу придумал Вячеслав Зырянов – тогда учащийся, а ныне – ведущий лектор томского планетария. По его задумке ИКАР расшифровывается как: Исследовательский Кружок Астрономических Ребят... А вообще, это, между прочим, не только имя мифического героя, но и название Астероида между Марсом и Юпитером. И Зырянов же написал вот такое посвящение:

*«О, мой Дворец! Не мыслю жизни без тебя!
Ты – целый город в одном зданье,
Когда б не ты, то не было б меня
Таким, какой я в этом мироздании...»*

Письма... Ну, вот письмо из Бразилии от нашего выпускника Альберта Петрова:

«Уважаемая Алевтина Михайловна! Ярких воспоминаний об ИКАРе у меня много – и интеллектуальные игры, которые мне очень нравились, и, конечно же, наблюдения в телескоп, в «наш Хаббл». Как я впечатлился, когда увидел спутники Юпитера!

Но самое яркое воспоминание – конференция 1988 года во Дворце, на которой я читал пленарный доклад по космологии, с обзором теорий эволюции Вселенной. И как я рассказывал про инфляционную теорию расширения Вселенной, перед полным залом зрителей...»

Кстати, этот самый Альберт организовал тогда у нас Клуб Любителей Фантастики. Ведь этот вид литературы, как и астрономия, находится на стыке поэзии и науки, только «с другой стороны», недаром в фантастике много о космосе.

А вот письмо нашего выпускника Алексея Вайса, ныне учащегося Томского техникума информационных технологий:

«Я часто вспоминаю, что всегда после концертов всем выходящим из зала выдавали по мороженке. Помню ярмарки, на которых была внутри-дворцовая валюта – так называемые «Ефимки» (в честь старинной русской монеты, а мы думали, что от фамилии директора Дворца). У меня даже осталась стопочка таких ефимок.

Помню, как выпускники или старшие икаровцы проводили наблюдения Солнца или Луны в телескопы на крыльце или прямо в ДТДиМ, мне даже удалось увидеть прохождение Венеры по диску Солнца в 2012 году, а ведь такое событие случается очень редко, следующее будет только через сто с небольшим лет.

Помню, как проходил первый всероссийский «Космический урок» (мы общались на прямой связи с Российскими космонавтами), и эта традиция, подхваченная во многих городах, началась с нашего ИКАРа.

...А общие осенние поездки на Томскую Писаницу с выпускниками и отдельными родителями! А летние лагеря! О, это было несказанное для меня время... В общем, всё было прекрасно, и я очень благодарен Дворцу за эти бесценные подарки!»

– Да, письма трогательные. А скажите, Алевтина Михайловна, повезло вашим юным астрономам наблюдать еще какие-то выдающиеся космические явления?

– Немного, но кое-что было. В 86-м г. – 30-й пролёт около Земли знаменитой кометы Гал-

лея. Хотя выглядела она не слишком эффектно. Помню, глядя в небольшой школьный телескоп, кто-то из мальчишек выдал: «Не впечатляет...»

Весной 97-го в небе над Томском несколько дней сияла с двумя полупрозрачными хвостами яркая «комета века» Хейла-Боппа. Ее было видно даже невооруженным глазом. В 2004 и 2012 годах – то самое прохождение Венеры по диску Солнца, о котором упомянул Алексей. А еще было яркое красно-зелёное полярное сияние над Томском.

И полные лунные затмения. Далеко не все томичи могут похвалиться, что видели высоко в небе красную Луну. И солнечные затмения, которые в одном определённом месте Земли тоже можно увидеть нечасто. А разным поколениям ИКАРовцев посчастливилось наблюдать их четыре раза.

Но суть астрономии не в «редких явлениях», а в понимании устройства мироздания. И в осознании себя частью Вселенной. И в интересе к науке. Недаром среди выпускников ИКАРа восемь кандидатов наук, в основном – физико-математических и технических.

И во всем этом Дворец успешно помогал нам. Под потолком его фойе красуется четыре наших звезды... Жаль, конечно, что мне по возрасту и состоянию здоровья пришлось покинуть Дворец. Но астрономия там на этом не закончилась.

Да, многие, сегодня уже взрослые, люди полны благодарности Отличнику просвещения, Лауреату премии администрации Томской области в сфере образования Алевтине Киреевой. А образовательную программу по астрономии для младших школьников во Дворце ведут сейчас педагоги Светлана Полыгалова и Елизавета Жукевич. Добро пожаловать, юные романтики-астрономы.

Спресованное время Романа Колбина

Ему двадцать пять лет, и сегодня он – актер томского ТЮЗа. А еще два года назад играл в московском театре «Школа Драматического Искусства», поступив туда сразу по окончании ГИТИСа.

Сам себе этот факт настолько интересен, что начнем, пожалуй, с профессиональной истории Романа, а потом уже поговорим на главную нашу тему – о Дворце Творчества Юношества и Молодежи.

– Роман, желающих в артисты – тысячи, но поступить в столичный театральный вуз удается далеко не каждому. А потом сразу попасть в московский репертуарный театр – и вовсе единицам. Как вам все это удалось?

– Ну, на самом деле все началось с Дворца.

– Но мы поговорим о нем во втором блоке нашей беседы... Начните с вашего приезда в Москву.

– Хорошо. В Москву я улетел из Томска третьего мая. Все, кроме мамы, были против моего выбора. Никто просто не верил, что парень из деревни, из села Новорождественка...

– Стоп. Вы не в городе родились?

– Я родился в селе Турунтаево, но в паспорте стоит Новорождественка, потому что наша семья жила там, но в Новорождественке нет роддома.

– А где это вообще?

– Граница Томской и Кемеровской областей. И там я провел все детство. Когда мне было два года, родители переехали в Томск: мама – учиться в университете, папа – работать в строительной организации. А мы с братом остались у бабушки в деревне, в Томске было бы весь день некому за нами

присматривать. И жил я там до самой школы. С папой и мамой мы встречались толькоездами.

В Томск меня забрали в семь лет, я учился в школе № 55, это на Каштаке, и там никаких «творческих признаков» не подавал, никак себя не проявлял. Потому, когда я объявил, что

поступаю в театральный, одноклассники говорили: «Ну, куда ты лезешь, Рома, какой из тебя артист?..»

– **Итак, третьего мая вы прилетели в Москву...**

– Да. И сразу двинул по кругу – по пяти московским театральным институтам: имени Бориса Щукина, ВТУ имени Михаила Щепкина, ГИТИС, ВГИК и «Школа МХАТа». Так делают все, это стандартная схема, я ее изучил по Интернету. Все пытаются поступать во все эти пять вузов, везде проходят прослушивание: читают прозу, стихи, басню, поют, танцуют... Делают всё, что им велят.

Первым я пошел во ВГИК, потому что там уже учился мой знакомый, томич, выпускник Дворца Сережа Романович. Он дал мне кое-какие советы. Там я читал Есенина, читал басни «Про мужика и про медведя» и «Про мыш и крысу»... И прошел на второй тур.

В Щуке и Щепке первый тур не прошел, слетел. В ГИТИСе меня послушали, пустили на второй тур, но сказали, что у меня ужасная проза, и мы с Сережей немного по ней позанимались. Во МХАТе меня пустили на «перетур», но на него я уже не пошел. Потому что, когда я семнадцатого мая пришел на второй тур в ГИТИС, меня, минуя третий, взял к себе мой мастер Владимир Алексеевич Андреев.

– **Чем вы так его зацепили?**

– Не знаю. Просто – удача. Возможно, тем, что я там всех насмешил. Когда я читал стихотворение Есенина из «Персидского цикла» – «Ты сказала, что Саади целовал лишь только в грудь...», я, по совету Сережи, обращался к конкретной женщине. К тетеньке из приемной комиссии. Читал выразительно, смотрел ей на грудь. Все хохотали.

Учеба у меня длилась четыре года. «Актерское мастерство», «сценический танец», «сценическая речь», «сценический вокал», история, литература, всяческие тренинги, наблюдение за животными... Учебный процесс очень плотный. В театральном люди общаются невероятно тесно, по восемнадцать часов в сутки вместе. И, естественно, что складываются какие-то отношения друг с другом. Ты просто варишься в этом котле.

Если выдавалось свободное время, я болтался в каких-то сериальных массовках – это где люди сидят, например, в кафе и пьют чай, на фоне которых разговаривают главные герои. Это дает опыт, дает надежду, что тебя «заметят» и дает небольшой заработок...

Мне стали предлагать небольшие роли с текстом. В сериале «След», например. В кино «Любовь с ограничениями» я сыграл в эпизоде с Пашей Прилучным. Там я на дискотеке подходил к нему и к его партнерше, приглашал ее на танец и тут видел, что она – в коляске и не может ходить...

Когда на втором курсе начали ставить отрывки из спектаклей, неожиданно обнаружилось, что я недостаточно хорошо представляю своё амплу. Я всегда считал, что я – герой-любовник, этакий принц на белом коне, который всех спасет и принцессу из плена вызволит. Но мне стали давать все больше роли отрицательных героев. Как сокурсники говорили: «Амплуа – мразь».

Я сыграл Свидригайлова в «Преступлении и наказании», молодого подлеца в пьесе «Лето и дым» Теннеси Уильямса. А пиком стала роль Владимира в спектакле по пьесе Разумовского «Дорогая Елена Сергеевна».

Это был уже полноценный спектакль, и после него, когда мы вышли в фойе к зрителям, я видел, как они шарахались, старались меня обходить. А одна девочка написала: «Роман, спасибо, вы очень хорошо играли. Когда в сцене обыска вы валялись почти в ногах зрителей, моя мама призналась, что едва удержалась от того, чтобы не раздавить ногой на вашу голову...»

Да, еще был Буланов в «Лесе» Островского.

– Тоже негодяй?

– Да, конечно. Мы его поставили на четвертом курсе, и именно эта роль привела меня в «Школу драматического искусства».

При той плотности обучения, о которой я говорил, институт промчался быстро. И настал момент, когда надо было решать, куда идти работать. Из этих пяти институтов выходит ежегодно около двухсот актеров, а московским театрам нужно, дай бог, десять.

Однажды педагог моей группы Ольга Дмитриевна Якушкина сказала мне: «Рома, через два часа ты должен быть у директора “Школы драматического искусства”». Я помчался. Режиссер там Александр Анатольевич Огарев, который два года был главным режиссером драмы в Томске.

Меня встретили директор и замдиректора театра, спросили, что я играл. Первое, что я ответил – Буланов в «Лесе» Островского. Они переглянулись и засмеялись. Дело в том, что именно на роль Буланова в «Лес» Александр Анатольевич Огарев и искал актера.

Вот так, собственно, я и попал в ШДИ, где отработал два года. Играл Буланова, Замыслова в «Дачниках» Горького, в «Безымянной звезде» Паску, в Стейнбеке «О мышах и людях» Уита.

– А почему вернулись в Томск?

– Захотелось разных ролей, а там смены амплу не светило. Надоело быть винтиком большого механизма. И вообще, устал от бешеного столичного ритма жизни.

– Хорошо, Роман. Теперь о Дворце.

– О! Это было, наверное, самое яркое время в моей жизни. Во дворец меня в десятом классе привело желание понравится одной девочке. Она мне нравилась, но я никак не мог затеять с ней дружбу. А она пела, занималась в «Мелодии». И тогда я решил, что если тоже пойду в «Мелодию», успех мне будет обеспечен.

А «Мелодия» – это чисто академический хор, где изучают музыкальную грамоту, сольфеджио... Я помню, как я пришел, сказал, что очень хочу тут заниматься, буду учиться, все делать, только возьмите... И меня взяли. Я открывал ноты и ни черта там не понимал. Большой

женский хор, в нем три парня, я один из них, пою что-то несурзное на слух... А со слухом у меня, кстати, были проблемы...

Короче, я сбежал. Но с девочкой той, Мариной, у нас дружба началась все-таки... Может, потому я и не стал себя мучить дальше. Дружба эта, правда, была недолгой, как-то все это затеялось в подростковых делах.

– **Например?**

– Например, театр. Тогда он как раз и начался для меня. Я заинтересовался им благодаря томскому актеру Евгению Казакову. В девятом классе мы пошли в «Версию» на спектакль «Маскерад», и там Казаков играл Арбенина. Меня сильно зацепила его игра, и я стал мысленно примерять на себя образ актера.

А когда я пришел во Дворец, там режиссер Андрей Колемасов, руководитель студии «Осколки», поставил спектакль «Снежная королева». Я посмотрел, и мне понравилось, я почувствовал, что это хороший режиссер. Я подошел, поговорил с ним, сказал, что хочу попробовать себя в этом, и он ответил: «Приходи после каникул, будешь заниматься».

Первое занятие, я помню, болел, температура, был в респираторе... Я полгода про-

занимался у Андрея Юрьевича, мы выпустили спектакль по детским стихам, но потом что-то у него с Дворцом не сложилось, и он ушел.

А я уже привык заниматься в каком-то творческом коллективе, и не знал куда идти, и тут познакомился с Сережей Павловским, он сейчас тоже в Москве. Он занимался в «Вернисаже» под руководством Галины Тимофеевны Дорожкиной: был тут такой ансамбль эстрадной песни, в 113 кабинете. Я с ним познакомился и решил тоже заняться вокалом. Правда, я не попадал ни в одну ноту, фальшивил, но Сережа вызвался со мной позаниматься, и меня приняли. И потом совместно с «Колобками» мы отправились в лагерь «Океан» во Владивосток. И вот там случилось у меня полное определение.

«Океан» – огромная творческая площадка, а ты там новый человек и можешь попробовать себя везде, проявить себя и посмотреть на реакцию. Я тогда писал стихи, начал читать их ребятам и почувствовал, что меня слушают, понял, что с помощью своего творчества могу взаимодействовать с людьми, и мне это нравится.

А когда уезжали, я написал стихотворение «Прощание с «Океаном»», и мне пришлось переписать его двадцать пять раз ребятам в тетрадки, так оно им понравилось.

– **Могли бы и сами под диктовку записать.**

– Это был последний день, времени было в обрез, у нас ведь там и уроки были. Вот на уроках я и переписывал.

Когда мы вернулись из «Океана», про меня каким-то образом вспомнила Светлана Викторовна Сулева, руководитель литературно-художественного театра «Глагол». Мы с ней общались раньше, они со студией Колемасова делили один кабинет. И вот она позвала

меня принять участие в новогоднем спектакле «Наша Маша и волшебный орех».

Это была глобальная постановка, в ней были задействованы и «Колобки», и «Мелодия», и «Фуэте», и «Вернисаж», и «Каллейдоскоп»... Человек сорок. Это был мой одиннадцатый класс. Начали делать спектакль, и у нас образовалась этакая «коммуна», все друг с другом передружились. А когда пошли «ёлки» — по два-три спектакля в день — мы во дворце жили буквально: в перерывах вместе питались, пели песни, смотрели кино...

Тогда я подружился с теми людьми, с которыми дружу до сих пор. Семьдесят процентов круга моего общения образовалось тогда. Позже некоторые из этих ребят, посмотрев на меня, тоже поехали в Москву поступать. Миша Лосев, например, сейчас в Москве учится в театральном, это его второе образование, он закончил ТУСУР. Давид Маргарян, учился во МХАТе, ушел, сейчас работает с Олегом Евгеньевичем Меньшиковым, его помощником, в театре Ермоловой.

И тогда же я впервые влюбился по-настоящему. Девочку звали Ира, она танцевала в «Фуэте»... И этот спектакль послужил для меня внутренним признанием, что я буду заниматься этим профессионально. Я решил поступать в театральный, и мы со Светланой Викторовной договорились, что после каникул она будет заниматься со мной индивидуально, готовить к поступлению. Мы с ней занимались полгода... А дальше вы все знаете.

Но еще, параллельно со сдачей ЕГЭ, был лагерь «Энергетик», где была «танцевальная смена» — «Фуэте» и «Калейдоскоп». Ира была там, а я пошел в вожатые... Там мы и признались друг другу в своих чувствах... Короче, почти «Ромео и Джульетта».

А потом — расставание. Я еду поступать. Понимание того, что снова увидимся очень не скоро. И что с нами будет тогда, какими мы будем?.. Не передать этого чувства... Поезд. Ребята провожали меня, и она тоже. Поезд тронулся, и они все бежали за мной. А впереди была и неизвестность, и надежды, и любовь, и горечь расставания... Все это было спрессовано в очень короткий промежуток времени...

— **Роман ваш продолжился?**

— Да. Мы переписывались. И встречались. Но вы ведь знаете, первая любовь редко бывает последней. Ира сейчас в Монголии, она уехала туда с парнем, с которым познакомилась в Кемерово, в институте. Получила два высших образования — хореографическое и театральное... Поразительная девушка.

— **Да, интересно у вас все, Роман. Романтично... И ведь получается, что Дворец сыграл в вашей жизни решающую роль.**

— Факт. Долгих лет ему.

— **Ну, а вы, Роман, как дальше представляете свою жизнь?**

— Сейчас мы в ТЮЗе готовим «Портрет». Я очень этим процессом увлечен, мне нравится режиссер, мне нравится здешний ритм жизни. Я читаю Гоголя, и не только «Портрет», открываю его для себя и восхищаюсь. Хотя вообще-то я не особенный читатель. Я только поэзии много читаю. Она лучше ложится мне в голову.

— **А в Москву возвращаться не планируете?**

— Планирую. Но не в репертуарный театр, а на проекты. В театре или в кино. На такие проекты, которые мне будут близки. Возможно, я самонадеян, но мне кажется, в Москве осталось много хороших людей, которые меня помнят и понимают. И когда появится что-то достойное и близкое мне, меня позовут. Но если этого не случится, беды тоже не будет.

Катя Колесова, школа-студия «Мелодия»

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«... Во Дворец меня привела мама, когда мне было четыре года. В будущем я хочу связать свою жизнь с музыкой.

У меня несколько подруг во Дворце. Первая – это Настя Песоцкая. Мы с ней лучшие подруги. Мы учимся в одном классе в гимназии № 24 и вместе поем в хоре «Мелодия». Еще я дружу с Алиной Фроловой. Она очень талантливая. Она большая фантазерка.

Мои самые любимые педагоги – Людмила Петровна и Оксана Борисовна. Я считаю, что они лучшие педагоги, с которыми можно заниматься вокалом и фортепиано в Томске. Благодаря им я полюбила музыку. Мои успехи – это заслуга моих педагогов.

Еще я хотела бы отметить Светлану Викторовну, педагога по актерскому мастерству. Я не так много с ней занималась, но спектакли, которые она ставит во Дворце, – очень профессиональные. Новогодняя сказка – лучшее новогоднее представление в Томске.

Я мечтаю стать известной певицей или актрисой. Мечтаю жить в своем доме на берегу моря. У меня будет две дочки и муж хоккеист...»

Семён Командаčov, «Дошкольная Академия»

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«... В одном кабинете во Дворце я увидел старый атлас мира и потом долго просил маму купить такой же, но не мог объяснить какой. Он мне очень нравится, и я мечтаю о нем...»

Нина Кончевская. Незабываемое

Я не выпускница Дворца творчества, я его воспитанница и сотрудник.

Именно Дворец пионеров и Виктор Кочергин изменили мою жизнь. Никогда не думала, что я буду старшей вожатой школы, вожатой Всероссийского пионерского лагеря ЦК ВЛКСМ «Орленок», методистом Дворца пионеров и школьников, работником Обкома ВЛКСМ.

И, тем не менее, я благодарна судьбе, что встретила в жизни много замечательных и талантливых людей, живых, ярких, настоящих.

Как я стала старшей вожатой.

В 34-й школе на «Опытном поле», где я училась, у меня было поручение – «отрядная вожатая младших пионеров». Начиная с пятого класса и до самого выпуска. Когда я начала учиться в десятом, к нам пришли работать Виктор Кочергин – секретарем комитета комсомола и Саша Тихонов – старшим вожатым, выпускники Томского Городского пионерского штаба.

Тот же Саша Тихонов впоследствии много лет работал начальником управления в Министерстве транспорта России. А до того закончил в Киеве мореходное училище и долго служил капитаном на подводных лодках ...С кортиком ходил, это впечатляло.

Так вот, пришли эти парни к нам в школу. Ее курировал от Дома Пионеров Олег Олегович Пирожков, необыкновенно яркий талантливый педагог, основатель Томского городского пионерского штаба. Шура Тихонов – человек необычайно обаятельный, хохмач и заводила, ну, а Кочергин – красавчик, и все девочки наши просто падали перед ним штабелями.

Но я сразу решила, что я в этот штабель ложиться не буду, и однажды даже устроила с Кочергиным скандал. Он заявил, что я должна выступить на комсомольском собрании, а я наотрез отказалась. Я была очень стеснительная и не умела выступать на собраниях. И он не смог меня заставить.

Закончив школу, я поступала в пединститут, но мне не хватило полбалла, и я пошла работать в школу. В свою родную – лаборантом в кабинет химии, потому что я несколько лет вела химический кружок «Занимательная химия» для младших школьников.

Кочергин стал приходить ко мне в лабораторию и уговаривать перейти на должность старшей пионервожатой, так как Шура Тихонов как раз уехал в Киев и поступил мореходку. А я не могла быть вожатой, т.к. обещала

Валентина Волкова

своему классному руководителю поработать лаборанткой. Кочергин уговаривал. Однажды я готовила класс к лабораторной, разливала по колбам реактивы, пришел Кочергин и, говоря со мной, машинально слил вместе какие-то составы. Бабахнуло очень хорошо. Меня вызвала к себе директор и сказала: «Вот что, Нина, иди-ка ты уже работой вожатой, а то Кочергин нам всю школу взорвет».

И вот 26 сентября 1975 года у меня начался стаж старшей пионервожатой. И я регулярно стала посещать Дом Пионеров, где Валентина Ивановна Волкова нас обучала педагогическому мастерству. Но только меня назначили, как к моему ужасу выяснилось, что ближайшая Школа Пионерского Актива будет проходить именно в нашей школе. То есть, я как «хозяйка» должна что-то делать. Но что?! Я же еще ничего не умею!

Приходит ко мне в школу в пионерскую комнату молодой человек с дипломатом в руке. Это оказался начальник Городского Пионерского Штаба Гриша Григорьев, с шиком

щелкает замками дипломата. Григорьев дал мне такой подробный и четкий инструктаж, что бояться я перестала.

И вот приехали дети из школ. И приехали штабисты – в формах, с наградами из «Артека» и «Орленка» на груди, и все на них смотрели с восхищением. И Школа Пионерского Актива прошла с их помощью, как по маслу, и даже я там выступила. И, пожалуй, тогда впервые осознала, что мне нравится моя работа.

В Дом Пионеров мы с радостью бежали каждый четверг, потому что все мои коллеги, старшие пионервожатые школ, были веселые интересные ребята, и после занятий мы еще долго, как сейчас говорят, «зависали» в кафе «Весна» (стекляшка на Главпочтамте, где сейчас отделение «Сбербанка») и никак не могли наговориться – о работе, о жизни, о «своих» детях, обо всём.

Интересно было работать с детьми, но, наверное, интереснее всего было с ними в лагерях пионерского актива. Первый же лагерь пионерского актива был для меня очень увлекательным и насыщенным. Приехав в лагерь «Кедровый», мы построили всех детей на общелагерную линейку. Начальником смены был Олег Олегович Пирожков, и он тут же объявил «тимуровский десант». Все сто с чем-то детей должны идти в ближайший населенный пункт – деревню Некрасово. Задача: найти там пожилых одиноких людей, выяснить, чем можно им помочь, и сделать это. Через два часа собраться на линейке и доложить о результатах. Я испытала шок.

Все дети побежали. Я стою и хлопаю глазами: я же их никого не запомнила – ни по имени, ни в лицо. Как я их потом соберу?! Это был именно шок. Но через два часа все дети до одного вернулись – счастливые и гордые. Потому что успели кому-то воды натаскать, кому-то

рядки прополоть, кому-то дров наколоть... Я бы не осмелилась так детей отпустить, а Олег Олегович брал на себя эту ответственность, и всё у него всегда было нормально.

Лагерь был летний с «удобствами» на улице, холодной водой в умывальнике. Я подружилась с девочками вожатыми-штабистками. Со мной на соседнем отряде работала Оля Филипас. Я ее слушалась во всем, как более опытную. Она предложила вечером перед сном не мыть ноги холодной водой после отбоя, а просто одевать на ночь белые носочки, а мыть днем, когда вода в умывальниках прогреется на солнышке. Всю жизнь вспоминаем эти носочки и смеемся...

Олег Олегович порекомендовал меня сопровождать группу пионеров в лагерь «Орленок», я впервые поехала одна с детьми так далеко. Мой папа был очень удивлен, как заботливо меня провожали Олегыч и старшие штабисты, как беспокоились за меня, помога-

ли загрузить вещи в вагон. Такая наша дружба и сплоченность удивляла «обычных людей».

Делегация у меня была маленькая только десять детей, среди них трое штабистов: Валера Квирам, Олег Мутовкин и Олег Гертнер. Провожая поезд, Олегыч сказал: «Олег, Валера, вы за нее отвечаете!» Всю дорогу в поезде мы хохотали с ребятами, придумывали разные игры, писали стихи-буриме. А Валера, и правда, меня спасал от приставания взрослых мужчин, которые не верили, что я такая молодая, а уже педагог.

В «Орленок» я потом еще вернулась работать вожатой в дружину «Звездная». Увлекла меня этой идеей Таня Фаломкина, которая приехала к нам во Дворец методистом из дружины «Комсомольская». В «Орленке» я проработала два с половиной года, четырнадцать смен. И вернулась в Томск в новый Дворец Пионеров и Школьников методистом.

После перехода Виктора Кочергина в Томский обком ВЛКСМ руководить штабом стал его выпускник – Юрий Кудинов. Помню, Люция Павловна Шульга, директор Дворца, отправила меня руководителем лагеря «Солнечная республика». Это палаточный лагерь городского пионерского штаба. Он находился на ромашковой поляне за лагерем «Кедровый». Представляете, мы с Юрой Кудиновым вдвоем: только два взрослых педагога и семьдесят детей, правда, организованных штабистов!

Обустроивали лагерь старшие выпускники штаба, студенты разных ВУЗов, мастерили погреб для продуктов, туалет, столовую с навесом. Сейчас ни за что бы такой лагерь не разрешили! Воду мальчишки приносили в бочках на большом шесте. Готовили на костре сами дети, я только снимала пробу, сама-то еще готовить откровенно не умела. Так вот, загорая мы с Юрой как-то на поляне посреди лагеря, дети заняты подготовкой мероприятия. И вдруг к нам подходит какой-то взрослый мужчина и говорит: «Лучше следите за детьми, чтобы они не курили в лесу.» Он оказался лесником. Мы ему отвечаем: «Они у нас не курят». «Ну да, – говорит, – у вас мальчишек больше в два раза и не курят?! Хотя они у вас – очень странные: два часа сижу на том берегу реки наблюдаю, хоть бы один сбежал». Мы спрашиваем: «А почему они должны сбежать?» «У вас забора нет, – отвечает, – в других лагерях заборы и то сбегают, а у вас нет. Странные дети, больные что ли...»

В лагере «Урожай» на смене пионерского актива мы с Олегом Мутовкиным проводили эстафету на лесной дороге. К нашим руководителям Марине Михайловне Ковалевой и Виктору Николаевичу Кочергину приехали гости: секретарь обкома ВЛКСМ Татьяна Дми-

триевна Шалавина и майор милиции, начальник отдела ГАИ Земфира Гавриловна Абрамова. И оставили машину ГАИ у дороги. А нам с Олегом очень мешали машины, которые все норовили проехать по нашей дороге, где шла эстафета. Мальчишки под руководством Олега быстро перемигнулись и переставили москвич ГАИ поперек дороги. Мы провели замечательную эстафету, а Земфира Гавриловна нас похвалила за смекалку.

Дворец Пионеров проводил в Томске много шедевральных мероприятий для пионеров и школьников: кругосветки, парады, конкурсы, смотры, фестивали, «Город Веселых Мастеров», слеты пионерского актива. Он всегда был центром притяжения детей. Сюда стремились и активисты, и кружковцы, и просто детвора, живущая рядом.

Ярким действием всегда был областной слет пионеров, он проходил во Дворце зрелищ и спорта. Были сильные выступления детей, взрослых. Именно на одном из таких слетов томской пионерии секретарь обкома партии пообещал построить новый Дворец!

Не забуду, например, как штабист Валера Квирам вышел один на сцену Дворца Зрелищ и Спорта и в одиночку проводил игры и «кричалки» с пятитысячным залом. И все у него прошло прекрасно. А потом прямо на авансцену Дворца выехала машина ГАИ с Земфирой Гавриловной и выступлением юных инспекторов движения, и лучшей регулировщицей страны Мариной Романовой (она вернулась с Всесоюзного детского конкурса регулировщиков дорожного движения, где стала победителем). Впечатляюще все это было. Как потом говорили, не хватило только маленького вертолетика, который все бы это заснял!

А кто все это придумывал? Методисты Дворца. Например, Татьяна Германовна Фа-

Владимир Старков и «Трели»

ломкина, Марина Михайловна Ковалева, Татьяна Петровна Маймескулова, Виктор Николаевич Кочергин, Татьяна Петровна Ефимова, Владимир Николаевич Лабенский и другие методисты, сотрудники Дворца.

Дворец всегда был местом кипучей деятельности и энергетики. Местом, где не было серых невзрачных педагогов. Многие из них создали детские творческие коллективы, слава о которых была далеко за пределами области. Томский Городской Пионерский Штаб под руководством Виктора Кочергина и Юрия Кудинова участвовал в организации Всесоюзных слетов. Томский Городской Пионерский Пресс-центр под руководством Сергея Саенко, Аркаши Майофис, Миши Дворникова — в информационном освящении комсомольских конференций в «Орленке» и пионерских встреч в «Артеке», в откры-

тии Всесоюзного Пионерского Лагерь ЦК ВЛКСМ «Океан». И именно наш Слава Николаев из Томского пресс-центра получил ключ от строителей «Океана». ВИА «Трели» под руководством Владимира Старкова был приглашен на торжественное открытие «Океана» в 1983 году.

Я проработала методистом во Дворце Пионеров четыре года и очень благодарна Дворцу и коллегам за мое становление и жизненный опыт, а главное за друзей, которые у меня появились за эти годы. О многих достижениях и успехах детских коллективов и педагогов Дворца можно писать бесконечно. Но об этом пусть напишут другие участники событий прошедших лет.

Новых успехов ДВОРЕЦ!!! С ЮБИЛЕЕМ!!!

Сергей Саенко и юнкоры

Профессор балалайки в «Детском университете»

Известного в Томске музыканта **Мирослава КУЗЛЯЕВА** не назовешь «ветераном Дворца Творчества». Он не ходил в Дом пионеров на Татарскую, слишком молод для этого, не ходил учащимся и во Дворец, не был воспитанником ГПШ или другого детского объединения... Нет у него подходящих воспоминаний. Зато он работает здесь СЕЙЧАС. А потому его мысли о нашем учреждении-юбиляре мне кажутся не менее важными, чем «ветеранские».

Кроме того, Мирослав – большой оригинал: он виртуозно играет на самом что ни на есть традиционно-русском инструменте, но не только русско-народную музыку, но и индийскую, и рок-н-ролл, а одновременно с этим читает ведические философские трактаты, интересуется неофициальной историей России и т.д., и т.п. Короче, беседа обещает быть интересной. Даже для меня, несмотря на наше с ним долгое знакомство и творческое сотрудничество.

– Слава, что для тебя Дворец Творчества Детей и Юношества?

– Лично для меня?

– Да.

– Честно?

– Желательно.

– Хорошо. Для меня он гарант жизненной стабильности. Каждую неделю, а иногда и по несколько раз в неделю я играю в клубах, в барах, на корпоративах и т.п. Я довольно востребованный в Томске музыкант. Эта игра приносит сколько-то денег, но только официальное трудоустройство во Дворце дает мне социальные гарантии, медицинскую страховку, гарантирует пенсию и т.п. Наша молодая семья взяла жилье в ипотеку, а если бы не работа во Дворце, боюсь, мы бы ее не потянули.

Но есть и другая сторона. Эта работа мне нравится. Здесь дружный коллектив и хорошие люди. Потому, наверное, что другие люди не смогли бы ладить с детьми. Мне нравится

сам смысл этого учреждения. По большому счету, это такой «Детский Университет». Есть музыкальный факультет, есть танцевальный, есть художественный... Все точно так, как в Институте, где я учился, только для детей.

— **А в каком ты институте учился?**

— В Кемеровском университете Культуры.

— **Специализация — «балалайка»?**

— Да. И мне нравится, что тут я тоже веду именно этот предмет. Потому что я считаю, что балалайка несправедливо забыта на родине. На всю страну один известный балалаечник — Алексей Архиповский. Зато скрипачей, гитаристов, пианистов — навалом. Но ведь скрипка, гитара и фортепиано инструменты не русские. Пусть будут, конечно, искусство не имеет национальности, но почему надо забывать своё?

Как будто балалайка — какая-то ущербная, только Шарикову из «Собачьего сердца» на ней и играть. Но ведь тот же Архиповский доказывает своим творчеством, что это не так. И я, надеюсь, тоже доказываю. Так почему же молодежь сплошь играет на гитарах или укулеле? Ладно, допустим, у гитары больше диапазон, но уж укулеле-то точно ничем не лучше балалайки, так почему не выбирать НАШЕ?

— **Ну, я-то знаю почему. Потому что укулеле — это все-таки маленькая гитара. А гитара — главный инструмент современной музыки. На гитарах играли «Битлз», они и сделали ее сверхпопулярной, а в России своих битлов не нашлось...**

— Согласен. Так и есть. Но когда мы с вами летали в Ливерпуль, играли там, согласитесь, там балалайку слушали с большим интересом.

— **Не спорю.**

— Вот. И хорошо, что в Томске — хотя бы во Дворце — можно учить играть на ней, так сказать, внедрять в массы.

— **В музучилище учат, в колледже культуры учат...**

— Там готовят академистов-«нотников» для оркестров народных инструментов, а хочется, чтобы балалайка стала массовой — домашней и эстрадной. Как та же гитара. Хоть сам я получил и академическое образование, но играю и джаз, и рок-н-ролл, и даже мантры и баджаны (это такие духовные песни на санскрите). Балалайка — инструмент универсальный, но я к этому сам пришел, этому и учу.

— **То есть ты видишь в этом за собой некую мессианскую роль?**

— Ну да. Это такое «служение». А раз Дворец принял меня на работу, значит, мы с ним в этом союзники.

— **Насчет индийской музыки. Как ты заинтересовался этой темой?**

— Я с детства интересовался духовностью, когда был ещё школьником, читал христианские молитвы. Потом познакомился с ведической традицией. Теперь у меня любимая книга — «Йога Васиштха». Иногда играю в Центре Ведической Культуры. Там балалайка играет роль ситара. Я ведь еще всякими звуковыми «примочками» пользуюсь: облагораживаю или полностью меняю характер звука.

— **А с нашими «славянистами» как ты сошелся?**

— Ну, там все проще. Есть такие праздники как — «Купала» (день летнего солнцестояния) и «Новолетие» (день осеннего равноденствия) — праздники фольклорные, а у меня инструмент как раз фольклорный. Ну и люди мне нравятся, нравятся их взгляды на семью, на чистоту отношений. Мне кажется, современная цивилизация идет не совсем туда, куда нужно и не лишним оборачиваться назад.

— **С кем ты еще сейчас играешь?**

– С Василием Герасименко мы дуэтом играем русский рок. С Пашей Евграфовым и Виталием Чернявским у нас трио «Виниловая пластинка», там мы играем песни военных лет, эстрадные песни семидесятых-восьмидесятых из репертуара Магомаева, Кабзона, Трошина, Хиля... С вами играем песни «Битлз». В данный момент – всё, пожалуй. Ну и тут, во Дворце, по долгу службы играю всякое русско-народное.

– О! Мы вернулись к теме. Что ты еще скажешь о Дворце?

– Еще мне импонирует место его расположения. Центр. Когда иду на работу разглядываю ушедшие в землю на половину этажа старые здания. Если верить исследованиям альтернативных историков-археологов из ТГУ и новосибирского университета, это – последствие глобальной катастрофы, которая случилась двести лет назад и которую по неизвестной причине от нас тщательно скрывают. В этом районе масса таких зданий.

– Ты веришь в эту теорию?

– Этим занимаются очень неглупые, серьезные люди, профессионалы своего дела. Есть масса фактов. Мне это интересно. Хочется знать истину. А она нередко бывает неожиданной.

– Я надеюсь, всем этим ты не забиваешь голову своим «дворцовским» ученикам?

– Нет, во Дворце – только инструмент. Но эти занятия в любом случае приучают человека творчески мыслить, расширяют кругозор. Так что я не удивлюсь, если мои ученики когда-нибудь тоже станут доискиваться до истины.

Вот такой балалаечник. И если принять за истину его термин «Детский Университет», его самого можно считать профессором.

Тимофей Куцанов, школа-студия «Мелодия»

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«... Я посещаю Дворец, потому что моя цель – дарить людям счастье через музыку. Я мечтаю создать свое музыкальное произведение...»

Владимир Лабенский: Здесь вся моя **ЖИЗНЬ**

Вся моя сознательная жизнь связана и с Домом Пионеров, который находился на улице Татарской, 16, и с этим уже Дворцом. Впервые я попал в Дом Пионеров в шестьдесят шестом году, когда был второклассником. Жил я рядом и после второго класса проходил там летний лагерь. Пришел в лагерь, а потом, можно так сказать, и остался.

Стал заниматься в хореографическом кружке. У нас были замечательные педагоги, например, Юлия Яковлевна Гиршман... Хоть зал хореографический был в подвале, но все равно уютная, какая-то домашняя, атмосфера царила там. Одна только Баба Валя, которая сидела там на вахте, чего стоила: она нам всем была настоящей бабушкой.

А в четвертом-пятом классе мы с директором Люцией Павловной Шульга ездили с концертными гастролями по Томской области. В Колпашевский район, в Кривошеино — на теплоходе. Это же было настоящее приключение. По реке на корабле, потом нас на грузовиках доставляли в деревни, где залы были битком, и мы были настоящими звездами. Потом сельчане нас поили-кормили, ухаживали за нами... Хотя, правда, спали мы на матрацах на полу в районных Домах пионеров, но это были те «тяготы и невзгоды», без которых жизнь артиста не обходится. И это тоже было приключением.

А событием, которое перевернуло всю мою жизнь — в плане выбора профессии, в плане отношения к педагогической деятельности, — стала встреча... Был 69-й год, и тогда

в Дом Пионеров пришел Олег Олегович Пирожков. Это легендарная личность, создатель и на протяжении десяти лет руководитель Городского Пионерского Штаба. Этот коллектив собрал очень интересных ребят — Аркашу Майофиса, Сережу Саенко, Витю Кочергина, Юру Беляева и многих-многих ещё.

Этого коллектива нет уже двадцать лет. Олега Олеговича нет уже сорок лет. А выпускники Штаба встречаются до сих пор, отмечают вместе юбилеи, некоторые приезжают ради этого из-за границы... Это ведь говорит о том, какую огромную роль этот коллектив сыграл в их жизни.

Вожатская юность

Я в Штабе был с 70-го года, в 75-м окончил школу, соответственно, и из Штаба вышел... Я, кстати, и не собирался в него. Закончилась танцевальная репетиция, я, возбужденный, выскочил в коридор, а рядом, в подвальчике – дверь Пионерского Штаба. И Олег Олегович позвал меня к себе. Я сказал: «Нет-нет, я не хочу. Я не пионерский активист, я не буду этим заниматься...» Но разговор был настолько убедительным... И ребята вокруг были такие увлеченные... Юра Фатеев, известный художник сейчас, в Риге живет, он там комнату как раз оформлял, рисовал что-то, а комната-то была – три на три метра... Девчонки приходили с пирожками и салатиками, пацанов кормили... Я все это видел, чувствовал атмосферу дружбы и творчества. И когда мы прощались с Олегом Олеговичем, он все-таки сказал мне: «Ну, ты приходи в пятницу...»

И я пришел. Более того, я уже за пару дней дожждаться не мог, когда эта пятница наступит.

Эти пять лет в Пионерском Штабе дали мне такой заряд желания работать с детьми, общаться с ними, творить с ними что-то новое, что когда я по окончании школы поступил в университет на исторический факультет, я уже точно знал: хочу быть педагогом. Я тогда решил пойти учителем в родную школу.

А в 77-м году я встретился еще с одним человеком, который сильно повлиял на меня. Это Земфира Гавриловна Абрамова, в то время – капитан милиции, сотрудник ГИБДД. Она занималась профилактикой детского транспортного травматизма, пропагандой правил безопасности уличного движения. Ее, как Дядю Колю, знали в городе все. Она при-

Валентина Капранова – «Баба Валя»

ехала к Олегу Олеговичу и сказала: «Олег, у меня нет старшего вожатого в лагере юных инспекторов движения. Выручай». Каким образом я оказался рядом в момент их разговора, я не помню. Олег сказал: «Вот, Володя поможет». И я согласился: «Ладно, на три дня приеду, сделаю вам открытие, подготовлю барабанщиков, знаменную группу, все дела... Организую линейку, парад, концерт, все как надо, а дальше вы уж как-нибудь сами. Хорошо?» Она сказала: «Хорошо».

Я поехал, три дня отработал, вернулся домой, собирался в Кедровый, в Лагерь Пионерского Актива, где штабисты-выпускники работали вожатыми. Но через сутки выхожу

из дома, а к нему подъезжает машина, выходит Земфира Гавриловна. «Слушай,— говорит,— мы там без тебя не справляемся. Вожатая, которая за тебя осталась, ничего не может: ни построить ребят, ни рапорт отдать, ни организовать ничего...» Мне как-то стало жалко их. Поехали к Олегу Олеговичу, он говорит: «Ну, что делать. Мы-то без тебя справимся». И вот с августа 77 года и началась уже та история, которая длится в моей жизни до сих пор.

После лагеря появилась мысль создать какой-то постоянный детский коллектив, связанный с безопасностью движения, и появился «Штаб Юных Инспекторов Движения».

Одним из первых ребят там был Андрей Лазичев, а впоследствии он сменил Земфиру Гавриловну, продолжил ее дело, сейчас он — подполковник в отставке...

Штаб ЮИД числился за Домом пионеров, но заниматься там мы не могли, потому что он был маленький, и мы занимались в Госавтоинспекции, прямо в кабинетах, где инспекторы работали. Мы, наверное, им мешали, но они нас терпели и даже помогали нам. А ведь мы шумели, пили чай, готовились к каким-то мероприятиям, репетировали выступление агитбригады... И только в 80-м, когда был построен Дворец, у нас появилось свое помещение.

Кстати, так вышло, что как раз я в 74-м на городском пионерском слете во Дворце Спортa объявил, что принято решение о строительстве нового Дворца Пионеров. Я стоял за кулисами, ко мне подошел секретарь обкома комсомола, сказал: «Есть объявление, выйди, скажи». Я говорю: «Как я без сценария...» Но он мне текст наговорил, и я сразу: «Такое я и без сценария скажу!» Вышел, объявил, и весь зал стоял на ушах от восторга... Такого ликования никакие нынешние аниматоры не добьются, потому что это была искренняя радость.

Дворец строился пять лет. Помню, мы зашли с Люцией Павловной и Земфирой Гавриловной в еще недостроенное здание, и она повела нас по коридорам: «Ну, хотите, вот это помещение занимайте, хотите — вот это...» У нас глаза разбежались от возможностей.

Но все оказалось не так просто. В 80-м году я в феврале сдал зимнюю сессию, вдруг звонок от Люции Павловны: «Если вы завтра не займете свою комнату, у вас не будет помещения во Дворце». «Как?! Почему?!» Оказывается, было принято решение половину

Дворца отдать Театру Юного Зрителя, и наш кабинет тоже должен был отойти ТЮЗу.

В девять утра мы уже оккупировали свои кабинеты, притащили мебель, начали какое-то занятие. А через час — приходит директор ТЮЗа и заместитель председателя облисполкома Василий Иванович Чекулаев. Они открывают нашу дверь, и директор говорит: «А вот здесь у нас будет сапожная мастерская». Но Василий Иванович оказался хорошим человеком, он посмотрел на нас и сказал: «Здесь же дети. Никакой сапожной мастерской тут не будет...» И кабинет остался за нами. И благодаря этому и все соседние кабинеты ТЮЗ не забрал.

Но сцена все-таки шесть лет принадлежала ТЮЗу, а нам, конечно, хотелось, чтобы она была нашей — ставить свои спектакли, проводить концерты, петь, танцевать. Шесть лет мы терпели, и, наконец, ТЮЗ выехал в старое здание драмтеатра. И мы тогда, у них уже на сцене, сделали свое пионерское приветствие, что, мол, мы вас поздравляем, замечательно, мы с вами дружили, с вами было хорошо, но без вас — еще лучше...

Когда я закончил университет, пойти в родную школу мне не удалось, так как ее к тому моменту расформировали, превратили в УПК. И я продолжил работу со штабом ЮИД во Дворце. Это, наверное, неправильно — не менять место работы, место жительства в течение стольких лет. Люди приходят, уходят, переезжают, меняют не то что организации, а полностью род деятельности, стиль жизни... Но я не могу представить, как я могу уйти, оставить это дело, ведь оно — мое детище... Слава богу, сейчас подрастают уже ребятки, которые могут это дело подхватить, вести уже и без меня, но пока я могу, я хочу этим заниматься. Это моя жизнь.

Я пришел сюда, когда был совсем молодой, еще студентом третьего курса университета, и Виктор Кочергин, который принял Пионерский Штаб у Олега Олеговича, был такой же молодой, и Серега Саенко, и Аркаша Майофис – руководители Городского Пионерского Пресс-центра. Татьяна Петровна Ефимова – директор Дворца – работала с комсомольским штабом. Это была дружеская команда молодых целеустремленных педагогов, мы, готовясь к какому-то мероприятию, бывало, и ночевали здесь. Саенко мог в Ленинском зале разложить холст и всю ночь рисовать, а к утру задник на сцену был готов – на «Город веселых мастеров», на какой-то еще праздник... Здесь каждый кирпич нами обжит... Так что Дворец, как бы это банально не звучало, действительно, мой второй дом.

И один из принципов, которым всегда жил Дворец, – универсальность. Если кто-то занимается в музыкальной студии, в радиокружке, в моем штабе ЮИД, это не значит, что они только этим ограничены. Праздники, конкурсы, мы стараемся втянуть в подготовку всех, чтобы жизнь бурлила, чтобы ребята общались, творили вместе и развивались.

Вот неделю назад мне позвонили: «Алло, Владимир Николаевич, вы не узнаете меня?» «Нет пока». «А мы с вами на одной сцене не раз стояли. Вы мне даже как-то свой смокинг одолжили. Я в спектакле Карабаса Барабаса играл...» «Саша! Саша Бурковский!» И точно, это он. Выпускник «Колобков», а сейчас уже восемнадцать лет как в Америке. Приехал на семидесятилетие мамы. И позвонил. Неспроста ведь? Значит, живет до сих пор в его сердце Дворец. Кстати, он мне рассказал, что в Америке его назначили «директором озера». Есть у них там такая уважительная практика – назначать ответственными

С Земфирой Гавриловной Абрамовой

или «директорами» за те или иные объекты. Кстати, на мой взгляд, именно игровой клуб «Колобки» в большой степени – продолжатель традиций тех коллективов, о которых я уже много сказал.

Нет Штаба, нет Пресс-центра, но люди, которые прошли через них, слава богу, живы, и они в большой степени сформированы этими коллективами, а значит, все было не зря. И еще я заметил за собой, что я всю свою жизнь сравниваю свою работу с тем, что делал, как с нами общался Олег Олегович Пирожков. И если удастся мне иногда дотянуться до его уровня, то я чувствую себя героем, потому что его стиль стал для меня эталонной работой с детьми, моим «педагогическим идеалом». Хотя повторить его опыт, конечно, невозможно, я это прекрасно сознаю.

Из колобков **В депутаты!**

Меня зовут **Илья ЛЕОНТЬЕВ**, мне тридцать девять лет. Брат на этот День рождения, поздравляя меня, процитировал Ильфа и Петрова: «Он был в последнем приступе молодости...» Я директор гостиницы «Момент» и депутат городской Думы.

Меня попросили рассказать о своем отношении к Дворцу Творчества Юных, о том, что меня с ним связывает. Несмотря на то, что я провел в нем всего четыре года, мне есть, что рассказать. Но для полноты картины начну немного издалека.

Я родился в Советском Союзе, в Томске, на Черемошках. Мама бухгалтер, папа юрист, нормальные советские люди, нормальная семья. Жили в общежитии завода резиновой обуви. Когда я учился в пятом классе, получили квартиру, переехали в центр. До семнадцати лет я никак не был связан с творчеством. Если

и получал какое-то «дополнительное образование», то только спортивное.

А во Дворце, тогда еще «пионеров», я был лишь однажды, когда меня как раз принимали в пионеры. Но это ничего для меня не значило, так как пионерия загнулась примерно тогда же, и гладили-повязывали галстуки мы не больше года. И кроме этого, никакого смысла и содержания в этом нам не давали. Вовсю в тот момент шла «деидеологизация общества».

В восьмом классе я перешел из школы в Российско-американский профессиональный лицей, и многое в моей жизни решило его расположение – возле Буфф-сада, то есть неподалеку от Дворца. Но ходить я туда стал, уже закончив лицей.

Дело было так. По окончании среднего образования я поступил на факультет физического воспитания пединститута. Так как у меня никогда не было соображений о какой-то конкретной профессии, то поступал я, руководствуясь единственным соображением: куда проще. Но когда, поступив уже, я прослушал вводную лекцию, понял, что попал куда-то не туда, и что это вообще не моё. И ни на одно занятие не пошел.

Но на следующий год, хорошо уже подумав, я поступил все в тот же «пед», но уже на исторический факультет и успешно его окончил. А вот год в промежутке между поступлениями я работал в автомастерской. При том самом российско-американском лицее – позади него, во дворе. Занимался кузовными работами, подготовкой машин перед покраской.

И вот как раз тогда, уже работая в мастерской, я и пошел во Дворец. У меня был това-

риш, Юра Бакленев, он много лет занимался в «Колобках», и я стал туда заходить — к нему на репетиции. И сдружился там со всеми, и мне нравилось там, и уже со следующего года, учась на первом курсе, я стал играть в спектаклях.

Я не вырос в «Колобках», сразу вошел во «взрослую тусовку», но это очень много значило для меня. Ведь я вообще никогда до этого не выходил на сцену, не выступал перед публикой, не знал, что это такое — овалы зала... Я очень изменился за первый же год игры на сцене, что называется, «социализировался». У меня появился навык работы на аудиторию.

И как следствие — стал хорошо учиться. Первый курс я окончил еле-еле на троечки, а на втором у меня были почти одни пятерки, редкие четверки. Во-первых, потому что я перестал стесняться, перестал волноваться,

стал увереннее в себе, во-вторых, я «научился учиться». В «Колобках» я почувствовал, как важно по-настоящему знать и уметь то, чему учишься, почувствовал результаты учебы и активности.

И то, что уже взрослым человеком я пошел в политику, то, что сегодня я депутат городской Думы, не в малой степени результат занятий в «Колобках». «Вся жизнь — театр», а что уж говорить о политике?! А с нами там занимались очень серьезно, это была не какая-то оголтелая самодеятельность, Елена Юрьевна Карташова подходила к процессу очень основательно, приглашала работать с нами профессионалов. Актерскому мастерству нас учил Виктор Павлович Антонов из Театра Драмы, сценическому движению и хореографии Лида Ложникова и Лена Смакотина. Я до того в жизни вообще не танцевал, а тут — надо было учиться, и это

Королевская роль

был серьезный для меня, как сейчас говорят, «экспиренс». Даже гримироваться нас учил опытный человек.

Помню, как мы, чтобы не испортить кожу, сперва наносили на лицо смягчающий крем, потом – тональный, а потом уже профессиональным гримом подводили брови, глаза, все по науке... Я, играя Кота Базилио, сам рисовал себе кошачий нос и усы... А Карабаса играл Димка Селезнев (он сейчас в Питере, мы всегда встречаемся, когда я там бываю или если он приезжает в Томск)...

Так вот, у Карабаса должен быть объемистый животик, и Димке приходилось под одежду надевать специальный комбинезон с этим животиком... Но если ему в этом одеянии приспичивало в туалет, то самостоятельно он разоблачиться не мог, только с двумя помощниками, которые поддерживали всю эту конструкцию за лямки, пока он делал свое дело... Это, знаете ли, было довольно прикольное мероприятие, я бы даже сказал, «шоу», сопровождающееся, само собой, нашими и шутками и прибаутками...

Кстати, в связи с нанесением грима, вспомнил одну историю. Перед Новым годом шла зачетная неделя, и я прямо между спектаклями прибежал на зачет по «Вспомогательным Историческим Дисциплинам». И, беседуя со мной, замечательный наш Владимир Петрович Бойко поглядывал на меня как-то подозрительно и разговаривал немного насмешливо, но подчеркнуто осторожно... Уже после экзамена я понял, в чем дело. Оказывается, я плохо смыл грим. Кошачьих носа и усиков у меня уже не было, а вот глаза остались основательно подведенными. Уж не знаю, что он обо мне подумал. Но зачет я получил.

Ну, и особая «закулисная» атмосфера, она тоже значила очень много. Когда в зале соби-

раются зрители, а ты смотришь на них в щелку... И эта кнопка, которая поднимает занавес... Переживания незабываемые, и их можно познать только в театре.

Вторая моя дворцовская стезя – вожатство. Ведь я учился в педагогическом, и сам бог мне велел работать с детьми. И я со второго курса стал ездить в качестве вожатого на дворцовские лагерные смены. Там всяких историй было еще больше. Ну вот, например. Я там был начальником боевого пожарного расчета. А поскольку условия в лагере были спартанские, парни жили в палатке, и было холодно, то мы пользовались масляными обогревателями. А это по инструкции не положено. Поэтому у меня была такая должностная обязанность – «не спалиться». И как только в лагере появлялся незнакомый человек, а любой незнакомый человек мог оказаться пожарным инспектором, я бросался в палатку, хватал в каждую руку по обогревателю, бежал с ними поглубже в лес, а потом быстро возвращался с пустыми руками.

Пожарный инспектор у нас так ни разу и не появился, но это странное чувство полного безумия, которое возникало у меня, когда я бежал по лесу с двумя масляными радиаторами в руках, оно и сейчас живет во мне и во многом определяет мои поступки.

Другая история. Дети сказали, что вокруг лагеря ходит и заглядывает в щели забора маньяк с противогазной маской на лице. Я сперва не поверил, дети ведь много чего придумывают, но, чтобы успокоить их, пошел к периметру, стал ждать... И маньяк в противогазе появился!

Честно говоря, я испугался. Но это безобразие надо было прекращать, и я, перепрыгнув через забор, побежал к нему, крикнув ребятам, чтобы бежали за подмогой. «Ма-

няк» увидел меня и побежал в лес, в сторону обрыва. Я кинулся за ним... И тут он, я такого больше никогда не видел, с разбегу прыгнул с обрыва и рухнул в кусты. Но удачно, потому что я по шевелению кустов видел, что он побежал дальше...

Короче, мы довольно долго всем лагерем ловили его в этом овраге. И поймали. Оказался он вовсе не маньяком, а несчастным молодым парнем, бывшим мужем одной нашей поварихи, которому после развода с ней не разрешали видеться с ребенком. Ребенок был тут, в лагере, и отец хотел его найти и пообщаться, а чтобы его не узнали заранее, прибег к такому вот странному способу маскировки. Ему только не хватило мозгов понять, что сам по себе вид человека в противогазе людей настораживает. А в лесу, возле детского учреждения – тем более. Но, как бы то ни было, когда я бежал по лесу за человеком в противогазе, я испытывал сильное чувство. Мне в тот момент не хватало только радиаторов в руках.

Еще был случай, когда в лагерь наведались какие-то пьяные хулиганы. Целая группа. Они были агрессивно настроены, вели себя дерзко, борзо, и не миновать бы драки, если бы ни грамотное поведение нашего руководителя Владимира Геннадьевича Игишева. Он вел себя с ними, как опытный переговорщик, и, в конце концов, они были благополучно увезены вызванной нами милицией.

Еще помню, была одна ролевая игра, в которой если тебя условно убили, ты отправлялся в «Царство мертвых». Это была такая палатка с матами, где эти «мертвые» с удовольствием валялись и были очень рады такому повороту событий. В качестве Аида руководил «Царством мертвых» Рома Степичев, он сразу смекнул, что работа эта – очень творческая и нехлопотливая!

И вот к одной нашей девушке приехали родители. Ее звали Янка, фамилию не помню. Мама подходит к забору, просит дежурного позвать Яну. Мимо пробегает ребенок, весь в игре. Дежурный спрашивает его: «Где Яна?» Пацан выпаливает «Она на отпевании!» и несется дальше. Мама в шоке...

Много чего еще было, всего не перескажешь. У дочери одноклассник ходит в «Колобки» и она говорит, что все уже знают, что ее папа тоже туда ходил...

Люди. Те, кто занимался вместе со мной, те кто нас учил. Мы встречаемся до сих пор, общаемся, дружим. Кроме тех, кого я уже назвал, это Артем Долганов, Антон Хаванский, Антон Пшелянский. И старшие – Стас Гринкевич, Виталий Данильченко, Саша «Колобок» Бурковский.

Социализация. Толчок к публичности. Не бояться познавать новое. Не бояться сказать «я не знаю», если не знаешь, признаться в этом себе и другим и честно основательно изучить вопрос. Все это – бесценно. Без «Колобков», без Дворца я был бы совсем другим человеком. Он появился в моей жизни в очень нужный момент.

перейти к содержанию

Аркадий Майофис: Кажется, с годами мы становимся только ближе

Сейчас, когда я пишу этот текст, мне 57 лет. То есть я закончил школу 40 лет назад. Этих моих сорока лет хватило бы и на несколько жизней: завод, университет, работа на телевидении в переломный для страны момент, когда разваливался Советский Союз, и возникала новая Россия; создание одной из первых в Советском Союзе частной телекомпании и через 25 лет ее уничтожение, переезд в другую страну в 53 года, а также пятеро детей и ещё многое другое.

Но ничто из этого не заслонило годы, проведённые в Доме пионеров на улице Татарской, в городском пионерском штабе – ГПШ.

Постороннему человеку объяснить этот феномен почти невозможно. В нашей детской жизни не было фанатизма, революционной веры, идолопоклонства – всего того, что делает привязанности чрезмерными и истеричными. Просто там, в нашем детстве, нам вместе было очень хорошо. Именно вместе! Как так вышло?

Мы с моим другом и одноклассником Гришкой Мошкиным ходили в Дом пионеров, в музей истории пионерской организации, проводили экскурсии для приходивших туда пионеров из разных школ города. Там нас и заметил этот странный человек с негнущейся ногой и смешной фамилией – Пирожков. Он пригласил нас в летний палаточный лагерь

Олег Олегович Пирожков

городского пионерского штаба «Солнечная республика». Мы с Гришей пришли на предположительную встречу штабистов, чтобы узнать подробности. Это было летом 1974 года. Мы только что закончили пятый класс.

Встреча проходила на втором этаже. Все рассаживались по кругу. Окна были распахнуты. Начался разговор о том, что брать с собой и всякое другое. И вдруг я увидел, как в окне появилась голова, потом на подоконник взгромоздился худой чернявый паренёк. От неожиданности я испугался и замер. Это был Боб Городецкий, ставший впоследствии мне близким другом. Он был уже студентом мединститута и заядлым альпинистом. Будучи выпускником штаба, он продолжал участвовать в его делах и, разумеется, приезжал в лагеря, в которые штабисты отправлялись каждые каникулы. И таких, как Борис, были десятки парней и девочек.

Штаб не отпускал, хотя каждый после выпуска с головой окунался во взрослую жизнь. В 74-м в Томск из Тульской области на каникулы приехал мой брат – Вова Трусов, он тоже отправился с нами в Солнечную. С того дня моя и Гришина ежедневная жизнь была связана со штабом. А Вовка каждое лето приезжал в Солнечную, а после школы и вовсе перебрался в Томск.

Та первая встреча произвела на меня сильнейшее впечатление. Я увидел раскрепощенных, смешливых, творческих ребят. Все, что они делали и говорили создавало атмосферу прямо противоположную той, которая царила в школах. В центре этой необычной вселенной стоял Олег Олегович Пирожков. Немыслимо, но ему тогда было всего 33 года! Спустя время мы начинали понимать, что педагогика была его даром, талантом, каким бог награждает единицы. Нам просто повезло – мы оказались в его орбите. Но тогда мы ничего такого не понимали. Мы просто наслаждались каждым днём, проведённым вместе – дружили, влюблялись, проводили какие-то пионерские мероприятия, ездили в походы, играли в футбол...

Олегыч, так называли нашего руководителя те, кто постарше и понаглее (я, например, так

перейти к содержанию

и не решился при его жизни обращаться к нему только по отчеству), собирал в штаб самых разных людей по какому-то одному ему известному принципу. Как мне кажется, большая часть была не из состоятельных или каких-то особо благополучных семей. Может быть, даже наоборот. Я вот, например, был воплощенное несчастье. Лето 74-го было последним летом в моей жизни, которое я провёл со своим отцом. Сохранилась фотография, как моя мама и папа приезжали в Солнечную. В ноябре папа неожиданно умер, и штаб вместе с Олегычем, по сути, заменили мне отца.

Я очень хорошо помню, что все первые дни после смерти папы при мне был Володя Лабенский, он был старше меня на целых 3 года. Он сидел рядом и на поминках. Мне было это очень важно. И моей маме тоже. Попросил его об этом Олег Олегович, но Володя по-настоящему сопереживал мне, и я это чувствовал.

Надо сказать, что мы проводили время все не празднично, мы не просто тусили, как сказали бы сейчас. Девиз штаба был – «Живи для улыбки людей». Пионерская организация для нас не несла чего-то особо идеологического, для Пирожкова это была лишь форма, с помощью которой можно было прививать нам умение дружить, умение помогать слабому, умение стремиться к лучшему. По существу, из нас делали «лидеров с человеческим лицом». Не мне судить, удалось ли достичь цели. Но то, что детство для десятков человек было счастливым, – это бесспорно.

Олег Олегович умер в 1978-м году от опухоли мозга. Я учился в 9-м классе. Для всех нас это было настоящим испытанием, личной потерей. Его смерть нас всех сблизила ещё сильнее. После его смерти мы буквально породнились с Ефимом Борисовичем Штейнбергом, руководителем пионерского штаба из Куйбышевского

района Москвы. Именно он в 1968 году рассказал Олегу Олеговичу о том, что такое пионерские штабы, как они работают, в чем их отличие от всех остальных форм работы с детьми. Ефим Борисович был тогда уже известен в стране. Они проговорили больше пяти часов. Как вспоминает сам Штейнберг, Олег Олегович приехал через год и радостно, вздохнув рассказал о том, что у него ПОЛУЧИЛОСЬ!

Породнились мы и со многими воспитанниками Штейнберга, со многими из них до сих пор поддерживаем отношения.

После смерти Олега Олеговича руководителем штаба стал Витя Кочергин, выпускник штаба, тогда студент исторического факультета ТГУ. Потом Юра Кудинов, Боря Чернов. Они хранили традиции, заложенные этим необыкновенным человеком.

Во взрослой жизни мы неизбежно отдалялись друг от друга. Но в особых случаях были рядом.

В конце 1990-начале 91-го года я создавал в Томске негосударственную телекомпанию, мы ее назвали ТВ-2. Никто тогда не понимал, что это такое, как это будет существовать: в стране было одно – и то государственное – телевидение. Опереться я мог только на своих. Среди первых тэвэдвашников сразу появились штабисты – Гриша Мошкин, Олег Мутовкин, Жора Сафонов. В разные годы 27 штабистов работало в телекомпании.

Именно на ТВ-2, благодаря инициативе ещё одного выпускника – Сергея Саенко, была возрождена «Солнечная республика», правда под другим названием – «Кедровск». Этот лагерь существует и до сих пор. Для его становления очень многое сделал Саша Курганов, тоже наш выпускник. А среди тех, кто непосредственно лагерь организуют, – штабисты Ваня Григоренко, Лариса Федорина и многие другие. С их по-

мощью несколько десятков детей каждое лето проводят время в палатках примерно так же, как и мы 40 лет назад.

День рождения ГПШ – в первую пятницу сентября 1969 года. В первую пятницу сентября 2019-го мы отметили 50-летие. Многие собрались в Томске. Я не смог приехать из Из-

раиля, где живу последние 4 года. Но прожил этот день вместе со своими друзьями детства, вглядываясь в их лица через Интернет. Для меня они не изменились. Я смотрел на 50–60-летних людей, а видел 14–17-летних. Кажется, с годами мы становимся только ближе.

Максим Мельник, школа-студия «Мелодия»

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«... Во Дворце мне очень нравится заниматься в ансамбле по фортепиано с моей партнёршей Лизой Зейля. Ещё хотел бы заниматься шахматами.

Мой главный учитель – Оксана Борисовна Малиновская, она – талантливый педагог! Я мечтаю стать президентом РФ и вернуть коммунизм...»

«Очевидное — невероятное» от Натальи Михайловой

– Наталья Владимировна, вы ведь родом из тёплых краев, из Ташкента? Чем вызван переезд учителя биологии, награждённого правительственной наградой Республики Узбекистан, в Томск?

– Вы правы, я, по определению заместителя директора томского Дворца творчества Ольги Константиновны Васькиной, «восточная женщина», родилась и выросла в столице Узбекистана, окончила биологический факультет Ташкентского государственного университета, работала врачом-лаборантом в институте гематологии и науч-

ным сотрудником в институте акушерства и гинекологии.

Из-за внезапно возникшей аллергии на шерсть лабораторных животных мне в одночасье пришлось кардинально поменять работу, так я стала заведующей отделом разработчиков в вычислительном центре министерства здравоохранения (занималась прогнозированием эпидемиологической ситуации по инфекционному гепатиту и гриппу). А позже была приглашена в медико-педагогический колледж, где стала заместителем директора по профильному обучению, то есть начался мой педагогический путь.

Рождение детей и переезд в новый район Ташкента стали причиной моего появления в качестве учителя биологии в школе для одарённых детей. Через год десять выпускников физико-математического класса поступили в медицинский институт. Этот неожиданный для всех результат привлёк в республике внимание ко мне как к учителю.

В Томск я приехала в конце морозного декабря 2006 года, чтобы стать бабушкой – перед самым рождением моего старшего внука Александра. В это время его будущая мама, моя дочь Елена, училась в Сибирском медицинском университете. А сын Андрей – в Томском университете систем управления и радиоэлектроники.

– Наверное, было непросто сменить не только климат – с +50 на –50, но и работу в школе на деятельность в дополнительном образовании?

– Татьяна Петровна Ефимова, в то время директор Дворца творчества, всегда отмечала, что мне всё пришлось «начать с нуля», и помогла всем, чем могла. Так я стала участницей конкурса «Сердце отдаю детям» и как победитель восстановила свою высшую категорию

педагога – теперь уже дополнительного образования.

Судьба подарила мне в Томске встречу с «дворцовой» семьёй Ерёмных – Натальей Владимировной, её мамой Валентиной Степановной и дочерью Евгенией. Они опекали меня в большом и малом. Вообще, я безмерно благодарна Томску, томичам за заботу и внимание. Представьте себе женщину, у которой в Сибири только двое детей-студентов и новорождённый внук. Ни жилья, ни работы... Но мои мама и свекровь учились когда-то в Новосибирске, хорошо знали и любили «купеческий» Томск.

Наверное, помогло ещё то, что к городу и краю я отнеслась с огромным интересом... Где-то здесь завершилась трагическая судьба моего деда... Деревянные дома, берёзы, сосны, кедр – их не встретишь в Средней Азии... Муж, находившийся в Москве, воспринимал мои рассказы о Томске как почти невероятные «записки путешественника»: выходы известковой породы «травертин» на Таловских чашах и ступени Батурина Звёздного ключа, Песчаное озеро с прибалтийским дюнным рельефом и реликтовым сосновым бором, Синий Утёс с трехсотмиллионлетними конкрециями – «каменными саркофагами» в глинистых сланцах ...

– Во Дворце творчества, да и вообще в Томске, вам многое удалось сделать...

– Да, это оказалось новой и очень интересной страницей в моей профессиональной жизни. Вместе с Евгенией Ерёмной и Владимиром Игишевым во Дворце творчества мы апробировали новации, которые позже появились практически в каждом учреждении дополнительного образования страны. Причём многое начиналось с, казалось бы, незначительного события.

Например, десять лет назад, буквально «под дулом пистолета» Евгении, без особой надежды на успех я заполнила анкету для участия в мастер-классах известного учёного Константина Северинова. По всей России набирали группу всего из десяти учителей для обучения использованию наборов BioRad для выделения ДНК, трансформации бактерии плазмидой... Каково же было моё удивление, когда я прошла по конкурсу! Так во Дворце творчества появилась курс молекулярной биологии для учащихся томских школ и их учителей, который мы реализовали совместно с Марианной Чубик, заведующей биотехнологической лаборатории Томского политехнического университета.

А были еще «Школа молодого учёного» на Алтае, научно-практическая конференция в заповеднике Белогорья, биологическая школа на Байкале, участие в фестивале «Леонардо»... Сотрудничество с СИБУР, ООО «Газпромнефть-Восток», РОСКОСМОС, Ассоциацией «Лифт в будущее»... Проекты: «Заповедное», «Азы конструирования – школьнику: от идеи до объекта», «IT-Экология», «Дорога к звёздам начинается на Земле», «ZeroRobotics», «STEAM – площадка»...

– Наталья Владимировна, где вы сегодня живёте и работаете? Сотрудничаете ли с томским Дворцом творчества?

– Летом прошлого года я переехала в Москву, теперь жду внуков от сына. Волею случая, я устроилась на работу методистом в школу № 199. Каково же было моё удивление, когда я узнала, что именно эту школу когда-то окончил Константин Северинов! Как участник проекта «Медицинский класс в московской школе», учреждение укомплектовано специальным оборудованием для электрофореза, иммуноферментного анализа и тому подобным. Константин Викторович незамедлительно ответил

Полевые занятия

на мою просьбу помочь: биопрактикум в школе проводит сотрудник лаборатории «Института Гена» Алексей Ливенский.

По предложению и при активном содействии заместителя директора Дворца Евгении Ерёминой я продолжаю с интересом и большим желанием участвовать в его приоритетном проекте «Цифровая среда дополнительного образования»: по воскресеньям провожу вебинары по олимпиадной биологии для учащихся и учителей томских школ. Как выпускница программы «Большие вызовы» Образовательного центра «Сириус», делюсь томским опытом: выявления и поддержки талантливых детей Региональным центром развития образования (Надежда Петровна Лыжина, Елена Владимировна Захарова, Егор Владимирович Ковалёв); реализации профориентационных и экологических проектов (Александр Мартынович Адам, Юрий Владимирович Калинин, Елена Валентиновна Истигечева).

Томск – это навсегда! Томский Дворец творчества – тоже. Теперь я с интересом знаколюсь и с деятельностью Дворца творчества на Воробьевых горах. И вместе со всей «бывшей пионерией» отсчитываю вехи в развитии этих двух крупнейших в стране учреждений дополнительного образования детей.

С Днём рождения, томский Дворец! Спасибо, что ты есть!

Харизматичные **ПОДСОЛНУХИ,**

или «Мемуары» **Юлии Михайловой**

В сентябре 2010 года приказом директора Татьяны Петровны Ефимовой я была принята в штат томского Дворца Творчества Детей и Молодежи и основала Детский фольклорный театр «Подсолнухи», который просуществовал под моим руководством восемь долгих и счастливых лет.

С самого начала занятия «Подсолнухов» оказались настолько захватывающими, что уже буквально через месяц все, абсолютно все,

готовы были танцевать «ковырялочки», говорить скороговорки и петь на весь Дворец любимую распевку: «Ива-а-а-анушка, моло-о-оденький...» Я и сама не знаю, почему у нас всё и всегда было так громко и весело.

Дети-подсолнухи, всегда яркие, громогласные и хохочущие, доставляли массу неприятностей работникам сцены, но это не мешало им быть любимцами публики, ведь, ощущая тот задор, с которым они жили в своем подсолнуховом мире, зрители подхлопывали, притоптывали и подпевали. А наши дети тогда веселились еще больше, ловили кураж от криков «браво» и ждали этих выходов на сцену снова и снова.

Итак, воспоминания. После душевного общения с выпускниками стало ясно, что одним из самых любимых воспоминаний является наше участие в новогоднем спектакле «Ванюша, Иван Петрович» по пьесе томского писателя Александра Казанцева. Несмотря на то, что спектакль много лет с успехом шел в ТЮЗе, на сцене Дворца он получил иное прочтение, вызвавшее у публики неподдельный и бурный интерес.

Режиссер спектакля Светлана Викторовна Сулёва, однажды поймала меня в коридоре с просьбой подобрать для выходов детей на сцену музыкальный материал на основе народных песен. Она так ярко и в ролях показала, какие выходы у «Подсолнухов» и о чем мы там должны петь, что мне стало интересно уже самой. И мы взялись за дело. Дети с востор-

гом надевали наушники, оглушительно лажали в микрофоны и хохотали, хохотали, хохотали...

Но петь вживую на всех тридцати восьми предстоящих спектаклях не представлялось возможным, и с сотого, наверное, раза мы все-таки записали все наши треки. Которые получились, кстати, не такими уж и плохими. И начались репетиции. Как сейчас помню, аномально холодную зиму того 2012 года, когда на улице минус сорок, в школу никто не ходит, а на репетициях – ни одного пропуска. Наверно, это самое кайфовое время – присутствие при рождении на сцене новой истории.

И вот спектакль сдан, и началась кутерьма – по три спектакля в день. И если зритель думает, что все интересное происходит только на сцене, то он ошибается, ведь не менее интересные события разворачиваются за кулисами.

Ощущая себя частью одного целого, «Подсолнухи» торчали за кулисами от начала и до самого своего последнего выхода, и каждый раз смотрели все, как впервые, хотя и знали уже все действия и все слова каждой минуты спектакля.

Запах сценического дыма до сих пор, как оказалось, вызывает у некоторых участников ностальгию, и, присутствуя зрительницей на рок-опере, Настя Агеева вдруг заявила: «С самого «Ванюши» такого не нюхала...»

Волшебная кнопка включения этого дыма находилась за декорациями. Как там оказалась самая младшая «семечка», и как, сама того не заметив, она нажала на эту кнопку, не знает никто. Но однажды, к великому удивлению участников, она в самый неподходящий момент спектакля со столбом дыма выскочила

на сцену. И надо было видеть ее перепуганное лицо с выражением нашкодлившей кошки...

А бедная маленькая Диана Володина так переживала на сцене смерть Ванюши, что, когда мы пели об этом, начинала плакать по-настоящему.

Ну, а мое самое яркое воспоминание – это носок Леши Копылова, исполнителя главной роли, который решил порваться прямо во время спектакля. И, как бы ни пытался Алексей привлечь внимание к речевым оборотам, добрый зритель упорно наблюдал за большим пальцем его ноги, неумолимо выползавшим на свет все более и более.

Отдельной строкой – яркие и незабываемые Дни рождения нашего любимого Дворца. «Город веселых мастеров» занимает почетное место среди самых теплых воспоминаний. Каждый коллектив делал в своем кабинете свою «станцию», где гости могли, как следует, поразвлечься. Я сейчас уже и не скажу, кому точно пришла идея сделать в кабинете баню, но идея оказалась просто блестящей.

Для того, чтобы добиться достоверности, потрудиться пришлось, как следует. Мы привезли настоящие дрова и сложили их у печки. Привезли тазики и настоящие – еловые, дубовые и берёзовые – банные веники. Привезли кучу шапочек, полотенец и завернулись в них сами. Чтобы был жар, грели воздух фенами. И заваривали травяной чай, аромат которого разносился по всем коридорам. И орали песни. А чтобы реалистично было – аккомпанировали на тазиках.

«Подсолнухи» – путешественники. Как творческие и харизматичные люди, подсолнухи обожали путешествия, благодаря которым эмоциональная копилка коллектива пополнилась новыми смешными историями.

Болгария – жаркая и гостеприимная страна, где мы с удовольствием провели летние каникулы, завоевав при этом кучу первых мест и кубков.

В самый первый день я как руководитель объяснила деткам, что не нужно при каждом удобном случае хлюпать в бассейн и сидеть там по пять часов, так как нам все-таки нужно побережиться, чтобы не заболеть и хорошо спеть.

Успокоенная тем, что объяснила доходчиво, я повела их на завтрак. Ели они его РОВНО ТРИ МИНУТЫ. Я не успела даже налить себе кофе, как услышала бодрые шлеп-шлеп-шлеп, и вся моя команда уже зажигала в бассейне.

Днем: море и солнце, вечером – освещенная набережная, музыка, сладкая вата и мороженое. Ну, и любимое развлечение: четырехместные велосипеды. А пели мы на конкурсе басом, пытаясь смягчить впечатление своим трогательным видом.

Днем в парках не страшно, деревья такие красивые, а вот вечером ничегошеньки не видно и кажется... Ну, много чего от страха кажется. А уж когда мы поняли, что вообще заблудились в этом огромном темном парке, то не придумали ничего лучше, как громко запеть: «Пчелочка золотая, что же ты жужжишь...» С дикими воплями этой пчелочки мы влетели прямо на набережную, так как от жути колеса у нас крутились, как пропеллеры.

Мы выдохнули, увидев свет, но по инерции, видимо, петь продолжали. Чем вызвали большой интерес и радость у отдыхающих, которые нам хлопали, подпевали и просили еще.

А еще мы прыгали на волнах, как русалки и морские цари, и нас нисколько не смущало, что из моря мы выходили все зеленые от водорослей, потому что был шторм, и купаться было нельзя, а вот прыгать было можно, но конечно под присмотром спасателей.

Хакассия. Обойдя немислимое количество участников по видео-отбору номеров, мы стали номинантами на «Премия Мира» на фестивале этнической музыки и ремёсел «Мир Сибири». Он проходил на границе Красноярского края в селе Шушенском.

Огромная сцена на стадионе с оборудованием по последнему слову техники. Да-да, конкурсные отсмотрры мы пели на стадионе. И пели на гала-концерте. И ходили в гости к дедушке Ленину. И, конечно, посетили красноярскую ГЭС, где видели спуск воды, который вызвал шквал восхищенных эмоций.

Вечерами у домиков, где мы жили, разворачивались грандиозные действия, когда участники разных коллективов объединялись, играли и пели вместе. Так рождалась новая музыка, а мы слушали и радовались, что были частью этого мира.

На выступление мы брали костюм огромного медведя в краеведческом музее, он был частью номера. Однажды, как стемнело, мой

Лёшка Михайлов надел этот костюм медведя, начал бегать на четвереньках вокруг домиков и скрестись в окна к девчонкам из других коллективов. Ор стоял тако-о-ой!..

Когда я вышла узнать у Вячеслава Анатольевича Крестинина, нашего концертмейстера, которого отправили следить за детьми, что случилось, то увидела, что он сам носится вместе с медведем и другими детьми и пугает народ, и его нимало не смущает, что он, вроде как, должен их успокаивать. Я тоже должна была всех успокоить, но бегать с ними оказалось намного интереснее, и мы еще много кого напугали.

Да, веселиться мы умели, но главной особенностью всегда было то, что, где бы мы не находились, мы всегда пели. Пели в самолете, пока летели в Болгарию. Пели, когда заблудились. Пели и прыгали на волнах. Пели, когда ехали в поезде, и весь вагон просто заслушивался красотой украинских и русских песен,

[перейти к содержанию](#)

которые мастерски исполняли сёстры Михайловы и Дарья Молькина.

Участие в конкурсах Газпрома, съемки фильма про «Подсолнухи»; «Школьница-2013», где наша Наташа стала победительницей при поддержке всего коллектива, незабываемое путешествие в Санкт-Петербург и многочисленные кубки Гран-при...

Хочу сказать огромное спасибо подсолнуховым мамам, ведь они просто жили во Дворце вместе со мной, помогали становлению коллектива, помогали готовить номера, а порой и сами выступали в этих номерах. Мы и пап подключали. Нам помогали даже бабушки и дедушки. Именно поэтому у нас все и получилось.

Неизменной главой родительского комитета была Наталия Агеева, и все работало, как часы: и костюмы были самыми красивыми, и дети самыми аккуратными... Не сосчитать, какое количество косичек мы переплели за это время.

Мы ткали пояса на бердо, это такое древнее ткацкое приспособление, его сделал нам папа детей Михайловых, а Настя Володина, мама Дианки, рассказывала, как не запутаться окончательно во всех этих нитках, которые нужно было тянуть по длине всего кабинета. С жалобами, просьбами и мольбами в девять вечера робко заглянула в наш кабинет вахтер, но увидев такую ткацкую фабрику, вздохнула и ушла. Потому что поняла, что скоро мы оттуда не выпутаемся...

Услышав волшебное слово «гайтан», наши мамы слегка поднапряглись в предвкушении очередной моей затеи. Да, это нереально красивое украшение из бисера, которое к лицу абсолютно каждой девочке. И где же мы их возьмем? Да конечно! Теперь кабинет усыпан

бисером в несколько слоев, и в шоке уже уборщица, а мы все творим и творим, и вытурить нас из Дворца невозможно.

Потом мне приспичило заполучить скамеечки для малышейового номера. И, конечно же, не простые, а резные, по индивидуальному заказу. В день доставки этого чуда, наша дружная команда была в полном сборе, вооруженная карандашами и кисточками, и рисовала, и раскрашивала узоры городецкой росписи. Все должно было быть идеально.

Для номера «Кукольная свадьба» мы самишили кукол, которые по сценарию должны были копировать девочек и мальчиков-исполнителей. И ни у кого вопросов даже не возникло, как это сделать. Только спросили: «Когда?» И куклы получились замечательные, а номер – придуманный, авторский, переходил по наследству от старших к младшим, являясь фишкой нашего коллектива.

У нас был свой подсолнуший гимн, который написала Татьяна, мама Насти Кутеповой. И свои частушки. И даже свой флаг!

Выпускники «Подсолнухов» – мой золотой фонд, мои звонкологосые сокровища, самые активные участники всех дворцовских концертов и мероприятий, победители огромного количества конкурсов. Настя и Василиса Агеевы, Аня Вершинина, Диана Володина, Настя Кутепова, Алексей, Наташа, Соня Михайловы, Даша Молькина.

«Подсолнухи» – одна большая дружная семья. А Дворец – наш дом. И так было все восемь лет. Так есть и сейчас – в наших сердцах, в нашей памяти. Мы рады, что это счастье теплым комочком спрятано в потайных уголках нашей души.

Санкт-Петербург, 2019 г.

Филипп Михеев:

Дым-машина вместо гирлянды — это весело...

Я родился в Томске тридцать лет назад. Лет в пять у меня появилось увлечение, которое в дальнейшем стало моей профессией: мне понравилось что-нибудь паять. Но во Дворце я начал заниматься в кружке рисования, куда меня привела мама. Я туда походил год или два, потом ушел. Примерно через два года решил вернуться, однако интерес к рисованию только убавился, а я всё больше и больше интересовался электронной техникой. И в 2000-м году, в пятом классе, я перешел в кружок радиотехники.

Преподавателем был сначала Николай Владимирович Черкашин, но уже через год его сменил Михаил Иванович Татаринцев, он руководит кружком и сейчас. Таких, как я, по возрасту детей туда брали неохотно, потому что физику в школе начинают преподавать позже и каких-то начальных знаний по этому предмету у ребенка нет. Но меня все-таки взяли. В нашем кружке занимались только мальчишки, ни одной девочки, хотя в ТУСУРе, куда я потом поступил, на специальности радиотехника учились и девушки. Вот такой феномен.

Самым первым заданием в кружке было изготовление макетной платы, представляющей собой небольшой кусок пластика, покрытого тонким слоем фольги, которую необходимо было разделить на множество прямоугольников или квадратов. В дальнейшем на макетной плате можно было собирать различные схемы и первой схемой была «имитация прыгающего шарика». Пара транзисторов, пара резисторов,

конденсатор и динамик. Подключаешь это все к батарейке, и начинает звучать характерное «пиу-пиу-пиу...».

Собрать эту схему правильно с первого раза у многих не получалось и приходилось прилагать значительные усилия для поиска неисправности или допущенной ошибки. У меня тоже она сразу после сборки не заработала, но после того, как удалось найти, в чем причина и все исправить, схема, наконец-то, начала работать, чему я был невероятно рад.

Для закрепления полученных знаний необходимо было собрать еще одну или несколько простых схем, например, «мигающая лампочка». После успешного освоения «основ» можно было переходить к сборке более сложных схем, однако число компонентов в них было значительно больше — уже несколько десятков. Из-

за большого количества компонентов собирать на макетной плате сложные схемы было трудно или невозможно, поэтому неотъемлемой частью становилось освоение изготовления печатных плат. Собрать можно было любую схему, какая только понравится, но в основном собирали усилители низкой частоты. Главным азартом было: заработает или нет.

Каждый год кружок помогал Дворцу с подготовкой к Новому году. На тот момент я занимался в кружке второй год, и нам дали задание изготовить главное украшение – гирлянды для ёлки. На их изготовление потребовалась не одна сотня метров провода и не одна сотня лампочек, а кроме самих гирлянд, надо было еще собрать еще и автоматику для световых эффектов, чтобы гирлянды всячески меняли цвета и переливались. Однажды во время отладки автомата световых эффектов из него неожиданно повалил дым. Всех это зрелище повеселило, говорили: вместо гирлянды получилась дым-машина... Однако, времени до Нового года оставалось совсем не много, автомат надо было исправить и запустить, что и было сделано.

Сейчас я инженер-радиотехник. Еще учась в ТУСУРе, я начал работать в АО «НПФ «Микран»», работаю там и теперь. «Микран» занимается разработкой и изготовлением измерительной техники сверхвысокочастотного диапазона, телекоммуникационного оборудования, а также изделий СВЧ-микродэлектроники и СВЧ-электроники. Это изделия не поточного производства, это продукция штучная, иногда нужны десятки экземпляров, иногда сотни в год. Разработка и изготовление такой продукции – очень трудоёмкий процесс.

Занятия во Дворце помогли мне превратить детское увлечение в профессию. И за что я благодарен Дворцу, так это за то, что имел возможность заниматься тем, что мне интересно.

Павел и Алёна

Мухорямовы дают интервью вместе, так как и он, и она – выпускники Дворца творчества.

– Вы здесь познакомились?

Павел: Мы здесь виделись. А познакомились все-таки в университете.

Алена: Я училась в ТГАСУ, и мне там однажды понравился парень. Приезжаю во Дворец, а он тоже там. Мистика. Думаю, что он тут делает. Может, брата или сестру младших сюда приводит?

А потом мы еще и вместе поехали выступать на гастроли.

Павел: Ага, аж в целый поселок Светлый! Это был концерт «Глории», где я занимался, а девчонки из «Фуэте» танцевали в совместных номерах. Помню, она танцевала с цветком, и вдруг он у нее сломался и упал. И ей пришлось танцевать с палочкой в руках. А мы, парни, ржали за сценой.

Алена: Однажды я выходила из ТГАСУ, и он встретился мне по дороге.

Павел: Я говорю: «О, привет. А как тебя зовут?» Она: «Леночка». «Ну что, Леночка, приятно познакомиться».

Алена: Да, я Елена по паспорту, и я тогда ещё Петровой была. Мы с ним поговорили, он меня до остановки проводил, посадил в маршрутку. И я сразу звоню девочке с танцев, Юлечке Протопоповой (я ей раньше говорила, что мне парень один нравится) кричу тихонько: «Юля! Ты не представляешь! Он со мной познакомился!»

Но, на самом деле, мы, хоть и познакомились, но потом не общались довольно долго.

Павел: Я весь в учебе тогда был, это был пятый курс, еще спорт, музыка... Мне не до девочек было.

Алена: Но был какой-то вечер в университете, посвящение, что ли, и мы столкнулись с ним. Я его остановила, говорю: «Привет».

Павел: Ну и всё пошло-поехало. Наша дружба переросла в семейный союз и появление двух прекрасных дочерей: одной семь лет, другой год.

– Не кривя душой, скажите, если бы не Дворец, вы встретились бы?

Алена: Может и встретились бы, в смысле, видели бы друг друга в университете, но вряд ли познакомились бы.

Павел: Просто повода бы не было. Если бы мы тут не виделись, не встречались бы взглядами...

– Многие благодарны Дворцу за то, что он научил чему-то, воспитал, помог выбрать профессию или дал импульс к творчеству. А у вас еще и «семейный» повод есть. Но все-таки расскажите, пожалуйста, каждый о своем собственном «дворцовском» пути.

– Мой путь тут был, как в песне «Битлз», длинным и извилистым. Я с рождения жил недалеко отсюда, на «Дзержинке», поэтому, куда меня отдать, родители долго не думали. Привели в «Икар» к Алевтине Михайловне, мне тогда лет пять было. И еще на дошкольную подготовку.

Проходил я туда до школы, а после этого меня перевели к Роману Степичеву на балльные танцы. На самом деле, я всегда хотел в авиамодельный, но почему-то туда так и не попал, почему – не помню. А на балльные танцы меня отдали, потому что у нас были соседи по фамилии Крук. Это была известная в городе балльная

пара, их сыновья Антон и Дима тоже занимались балетными танцами, а я с ними дружил.

У Романа Степичева я занимался тоже два года, а потом пошел в театральную студию «Колобки». Там я пробыл года три-четыре. Очень мне там нравилось, весело было. Танцевали, пели, играли в спектаклях... Ребята разного возраста, все друг с другом дружили – это очень полезно для развития. Вместе ездили отдыхать в лагерь. Но так вышло, что я эту студию покинул, и вот тогда...

– А почему покинул, если не секрет, раз тебе там так нравилось?

– Да не секрет, конечно. В силу своего хулиганистого характера поссорился с руководителем Еленой Юрьевной Карташовой. А потом я даже рад был, что все так вышло, потому что иначе я не попал бы в «Глорию».

Мне тогда было двенадцать, я привык где-то заниматься, дома все время торчать мне было неинтересно... И вот как-то раз летом я валялся в зале на диване, был включен телевизор, мама, как сейчас помню, гладила белье возле окна. И по телеку показывали хор мальчиков «Глория». Это был небольшой, минут на десять, репортаж – немного разговоров и музыкаль-

ные номера. Хор – к зрителям лицом, женщина-дирижер – спиной, ребята пели...

Потом, кстати, оказалось, что этот репортаж делал отец моего друга и соседа – Михаил Аркадьевич Кречмер. И мне очень понравилось это пение. Я сказал об этом маме, а она: «Хочешь туда пойти?» Она по образованию музыкант, и она, и папа, кстати, тоже очень хорошо пели. И она сказала: «Ну, давай сходим туда, пусть Элеонора Дмитриевна тебя послушает».

Мы пошли, Варенцова послушала и сказала: «У мальчика начинается ломка голоса, но это не беда, она скоро закончится, и мы его поставим. Приходите первого сентября...» И вот так я попал в «Глорию», сразу в старшую группу. И занимался в ней с 1999 по 2011 год.

– В «Колобках» не ужился, а в «Глории» смог? Там ведь вообще, насколько я знаю, дисциплина железная.

– Элеонора Дмитриевна – талантливейший и терпеливейший человек. Сильная, смелая, амбициозная, решительная. А такой хулиган я там был не один, там весь хор такой был, но она с нами не только справлялась, но делала из нас прекрасный, мирового уровня, коллектив, организовывала поездки по всему миру... Мы на всемирных олимпиадах и золото, и серебро зарабатывали, и лауреатами становились.

А вы представьте, как с пацанами трудно. Мы не то что за кулисами или в коридоре баловались, мы, бывало, прямо на концерте, стоя на сцене, начинали перешептываться, шпынять друг друга. Элеонора Дмитриевна все слышала, она как глянет на нас, зрителям-то со спины это не видно, а у нее на лице: «Я вас сейчас порву, если не заткнетесь...» Мы сразу замирали и пели ангельскими голосами...

В «Глории» мне было веселее всего, как-то все там по мне было. Что касается поездок,

то уже в студенческом возрасте мне особенно интересно было. Как-то мы ездили в Германию в город Бремен – в тот самый, откуда «бременские музыканты». Там, кстати, и памятник стоит: осёл, собака, кот и петух. Я тогда серьезно занимался бегом, и мне так нравилось утром бегать по узким немецким улочкам...

А в Корее я купил велосипед. И сумел, разобрав его по винтикам (иначе в самолет бы не взяли), привезти в Томск... Еще в Корее было очень странно спать в гостинице – на полу без матрацев, на ковриках. Но там температура пола регулируется, так что мы быстро привыкли. Только Стас Попов отказался от такого варианта. Он требовал на ресепшн десять таких ковриков, положил их один на другой, улегся, как корейская принцесса на горошине, и говорит: «Вот теперь нормально...»

– А вы, Алена, как во Дворец попали, что особенно ярко запомнили?

– У меня все не так извилисто было. Я как пришла в одну студию, так в ней до конца и занималась. Ну, может, потому, что пришла уже в восемь лет. Мама говорит, что я сама ее попросила отвести меня на танцы, но я этого не помню.

Я была самой старшей из новеньких. В тот момент коллектив назывался «Экзерсис», руководителем была Елена Геннадьевна Губанова. Но в какой-то момент она вместе со старшими девчонками ушла из дворца, а мы остались. И назвали «Хореографическая школа-студия «Фуэте»». Я помню даже, как искали название и остановились на этом. Вообще, руководитель «Фуэте» – Татьяна Алексеевна Варга, но моим преподавателем всегда была Ирина Яковлевна Саввиди.

Мы занимались классическим танцем, джаз-танцем, современным танцем, актерским

мастерством, и даже лекции были по хореографии. По окончании нам выдали свидетельство об окончании хореографической школы-студии. Я помню, какую гордость я испытывала при этом.

А вообще, если честно, мне было трудно. Когда мои сверстники гуляли, тусовались, мне было некогда. У меня жизнь была расписана по минутам. Я приходила из школы, сразу садилась за уроки, так как знала, что если я сейчас отвлекусь хоть на секунду, я не успею. Потому что с танцев я возвращалась уже ко сну.

В десятом классе я даже бросала студию. Не выдержала, что кто-то гуляет, а я пашу и пашу. Но когда пришла на концерт и смотрела на наших девочек, как они танцуют, я расплакалась. Мне было обидно, что они выступают на сцене, а я теперь – нет. И я вернулась.

– **А какие самые яркие воспоминания?**

– Мы тут, во Дворце, жили. И это как раз самое яркое. Общались, хохотали. В классе девятом вечером после занятий с девчонками заваривали «запрещенную» китайскую лапшу, и ничего вкуснее этой лапши не было.

Еще помню, как руку сломала. Я в классе пятом-шестом была, и мы готовились к отчетному концерту. Готовились плотно, я позвала на концерт учителей из школы. И очень гордилась этим, ведь у нас в школе мало кто чем-то занимался...

Но на занятиях меня нечаянно одна девочка толкнула. Не специально. Я падаю, встаю, чувствую, мне руку больно. А тут заходит Ирина Яковлевна, говорит: «Так, девочки, вы делаете сейчас перевороты на руках». И я делаю. Мне больно, но делаю.

На следующий день в школу пошла, а рука все болит и болит... Поехали с мамой в травмпункт, там посмотрели, сделали снимок... Говорят, перелом. И в гипс. Мне было очень обидно, что меня в концерте не будет.

В целом, я в «Фуэте» прозанималась лет десять. Да, у меня был жесткий график, но я очень благодарна, что попала в этот коллектив, потому что он меня дисциплинировал. Потому мы и дочку нашу старшую, Маргариту, сюда же, в «Фуэте» привели в четыре года.

– **То есть Дворец для вас – учреждение вдвойне семейное...**

Павел: Втройне.

Алёна: У нас были споры с мужем: «Она будет петь», «Нет, она будет танцевать...» Пока все-таки только танцует. Но поёт она хорошо, в детсадовском возрасте участвовала в конкурсах и занимала призовые места. И плаванием занимается... Я все-таки поздно пошла танцевать. Я считаю, пусть ребенок пораньше начнет заниматься и тем, и этим, потом сама

решит, чего хочет, но у нее будет уже понимание и навык – учиться.

– **А сами вы сейчас поете, танцуете?**

Алёна: Вот прямо сейчас – нет. Я сижу дома с младшей дочкой. А вообще, у нас с Пашей был совместный номер. Он пел, а я танцевала.

Павел: Песня «Я люблю тебя до слез». Мы этот номер подготовили для участия в конкурсе «Мисс ТГАСУ» и на 30-летие «Глории» его показывали. Потом этот номер стал у нас «коммерческим», нас много раз приглашали с ним на разные мероприятия. Я и сейчас иногда принимаю участие на разных концертах. В основном, это эстрадный репертуар.

– **Младшая дочка подрастет, пойдет во «Дворец»?**

Алёна: Конечно...

«Я был бы кем-то **другим...**»

Меня зовут **Лев МУЧНИК**, мне семнадцать лет. Сейчас я заканчиваю 11 класс, занимаюсь с репетиторами, мучаюсь с поступлением и делаю всё то же, что и мои сверстники. А когда-то ...

Когда-то моя мама с бабушкой решили разнообразить моё лето и отдали меня на летнюю смену во Дворце Творчества при театре-студии «Синтез». И уж не помню, что меня тогда там зацепило: то ли с девчонками подружился, то ли увидел в себе актёрские способности... Хотя последнее вряд ли, потому что, помнится мне, не хотел я сначала идти заниматься в «Синтез». Но вот я уже на линейке во Дворце, вот выбираю себе чешки для занятий, а вот стою на сцене в Москве вместе со своим коллективом в предвкушении награды. Так я, картовый мальчик, шесть лет проучился в театральном коллективе.

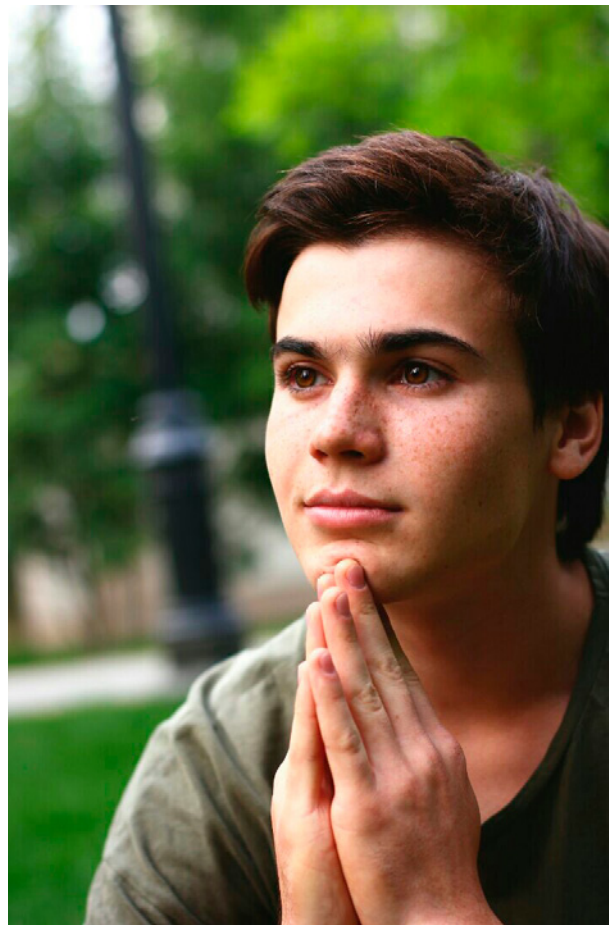
Но сам Дворец я узнал только два года назад, когда мой педагог Анна Ивановна Григорова попросила разок сходить на сбор детского совета. Этот «разок» превратился в два года работы председателем этого совета. Работы, в результате которой я узнал, что у нас есть директор, самый настоящий, с которым можно дискутировать, не соглашаться по поводу всего происходящего и предстоящего во Дворце.

Работа была разная: погрузить оборудование в автобус, написать сценарий какого-нибудь мероприятия, потом этот же сценарий реализовать. Работы было много. Родители ворчали насчёт моих задержек допоздна во дворце: «Это просто эксплуатация детского труда»... Я недавно поймал себя на мысли:

а что бы было если бы я не попал во Дворец? Понял, что не было бы многого.

У меня не было бы друзей, с которыми я общаюсь по сей день, даже когда они на работе или в другой части страны. Скорее всего, я бы не обрёл множество полезных в жизни качеств – таких, как открытость, смелость, спонтанность. Думаю, я так бы и не узнал большую часть того, что я могу, а что не могу по тем или иным причинам.

Во Дворце мне давалось не всё. Однажды нам досталось проведение ёлок в ДТДиМ для

В новогоднем спектакле с Егором Палько

детишек. Дед Мороз, Снегурочка, какие-то сказочные персонажи, в общем, было где подураться актёрам и получить интересный опыт. Роль дедушки Мороза досталась моему хорошему другу. Я же остался поначалу в стороне, не дали роль, да и ладно, была уже у меня роль в нашей постановке, обделён я не был. Но потом друг заболел, и на большей части репетиций я был вместо него.

И вот «День Икс», нам раздают программки с нашим расписанием на каникулы: кто где в каких спектаклях в какие дни играет. Смотрю и вижу, что на ёлке я не играю ни в один день. Я сразу понял, в чём дело, думаю только, что педагог по этому поводу скажет. Всё, как я и думал, так и произошло. После занятия она оставила меня и сказала: «Лёва, мне очень не-

удобно тебе это сообщать, но замдиректора сказал, что нам нужен все-таки «традиционный», а не картавый Дед Мороз...»

Когда спрашивают о каком-то интересном случае в театралке, то даже нечего рассказать, потому что каждый спектакль был кладезем разных заметных и незаметных косяков, перлов от зрителей и просто интересных случайностей. Помню, как перед спектаклем «Дорогая Елена Сергеевна» я каждый раз ходил в туалет и переливал в бутылку из-под «San Stefano» дешёвый лимонад, а потом пафосно шёл с «алкогольным» напитком обратно к сцене.

Однажды я немного переборщил с количеством лимонада, а моя подруга пока неслась (по сценарию бутылка была сначала у неё) немного взболтала его. Так я залил часть сцены лимонадом. Ничего страшного не произошло, всё это отыграли, но далее весь спектакль был липким. Что только мы во время этого спектакля ни делали: бумагу рвали, столы переворачивали, еда была разбросана по всем уголкам сцены. Мы настолько увлеклись делом, что не замечали ни порванных дорогих наушников, ни сломанного случайно ногтя. Просто существовали на сцене и ловили кайф.

С Анной Ивановной я иногда вижу: то около Дворца пересечёмся, то на каком-нибудь мероприятии. Можем просто поздороваться, а можем пообсуждать поступивших в театральную в Питере. Раньше было также: часто после выступлений мы от обсуждения спектакля плавно переходили к каким-то жизненным проблемам, темам, которые нас давно волновали. Можно было обсудить любой вопрос.

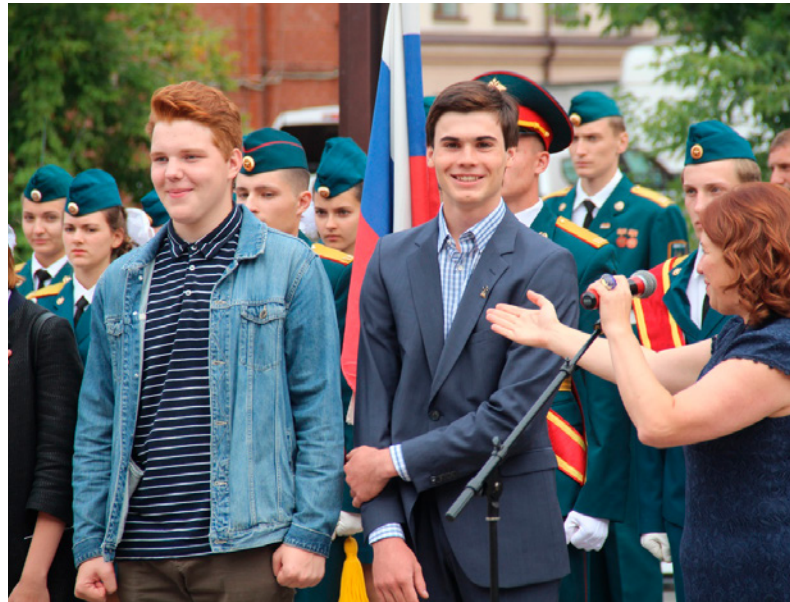
Думаю, что иногда хорошо стереть эту грань «преподаватель-ученик» и просто поговорить. Тогда и педагогу становится понятнее,

что происходит у него в коллективе, и сам можешь разобраться в своих проблемах, ну или просто отрефлексировать, что тоже полезно.

Как я уже сказал, два года я провёл в детском совете. И я уже упомянул директора — Татьяну Александровну. Мне сейчас сложно представить кого-то другого вместо неё на этой должности. Такое ощущение, что она там должна была быть всё время существования дворца. Я поражаюсь количеству энергии, которая просто не кончается у Татьяны Александровны.

Любой интересный движ, который мы придумывали, можно было без всяких раздумий воплощать, и директор всегда этому способствовала. Но бывало и наоборот, когда нам Татьяна Александровна что-то предлагала, а мы говорили, что это либо не нужно, либо неинтересно или невыполнимо. Уверен, что если бы не эта рабочая прямота, то интерес к Дворцу с каждым бы годом у всех падал.

Наверное, благодаря Дворцу я понимаю, почему Томск — маленький город. Каждый

день встречаешь друзей с театралки, педагогов, иногда просто знакомых с какого-нибудь дворцовского мероприятия. Сложно сказать, что мне дал Дворец, что мне дала школа, а что — семья. Но если бы не дворец, то я точно не был бы тем, кто я сейчас. Я был бы кем-то другим.

Лиза Недорезова, школа для девочек «Бусинка»

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«... Я все люблю во Дворце творчества. Только танцевать перед родителями не люблю.

Мою учительницу зовут Татьяна Алексеевна, и я ее люблю за то, что она все время улыбается и в каких-то запутках мне помогает. Когда я вырасту, я хочу поехать в Англию и стать там полицейским...»

*С утра я рад, чего-то жду,
Ура-ура, я в цирк иду!..*

Роберт Рождественский

«Одиннадцать рыжих во главе с укротителем» —

так назывался большой, полосный, материал журналиста Инессы Юшковской о цирковой студии Дворца Творчества в газете «Буфф-сад» от 13 января 2000 года.

Да, во Дворце был цирк, а руководил им

Сергей ОГЛОБЛИН.

Беседа с ним — чуть ниже, сперва несколько фрагментов из газетной статьи:

«... Они умеют: жонглировать, стоя на твердом полу, на лестнице, на моноцикле (велосипеде с одним колесом), на качающейся под ногами пирамидке из нескольких катушек и досочек. Умеют пружинками взлететь в воздух и перекувыркнуться разок другой, немисливо изогнуться или каменно застыть на самой верхушке живой пирамиды. Это, в общем-то, дело обыкновенное. Для цирка.

Непонятно другое: как они этому научились? Поступают в студию безо всяких там конкурсов-тестов-экзаменов, хочешь — занимайся. И уже через несколько месяцев совершенно обыкновенный пацаненок Петя шутя жонглирует тремя шариками, гнется и скачет как заправский гимнаст...»

«... Зачем им это? Пожимают плечами — нравится и все тут.

- Наверное, выступать сильно любите?
- А кто не любит? Все любят.
- Ну, не все, а кто не боится.

— А кто не боится? Все бояться...

Вот и поговори с ними. Взрослый Женя серьезно добавляет:

— Зато я всегда могу сказать хоть кому: я умею то, чего вы не умеете!

— И часто говоришь?

Пока ни разу...»

«... и считают ребятишки все эти фляки-кульбиты делом легким. И тут же вздыхают по-взрослому, важно и с пониманием:

— Цирк ведь искусство синтетическое, приходится всему учиться. Нужно быть и акробатом, и жонглером, и клоуном...

— А кто у вас клоун?

— Да все!

— Это в профессиональном смысле или по жизни?

— А всяко!

— А кто у вас главный клоун?

— Сергей Алексеич, конечно...»

Вот такие веселые разговоры двадцатилетней давности. К сожалению, цирковой студии во Дворце сегодня нет. Но давайте с самого начала.

— Сергей Алексеевич, расскажите, пожалуйста, о том, как вы сами стали артистом цирка, как появилась цирковая студия во Дворце.

— Я жил в этом районе, учился в восьмой школе, а вот тут во дворе пятиэтажки стоял теннисный стол, и мы там часто играли. Однажды,

я тогда в пятом классе учился, во двор забрел какой-то мужик и показал нам, пацанам, как он умеет жонглировать тремя камешками. Мы – давай тоже пробовать. Я пришел домой, стал там тренироваться. Слепил шарики из пластилина, и вскоре вся квартира была в пластилине. Мама видит, я с ума сошел, говорит, иди-ка, парень, сходи в ДК ТЭМЗ, там есть цирковая студия.

Я пошел. Называлась студия «Народный цирк», вел ее Борис Николаевич Маямсин. Спасибо этому человеку за мою судьбу и не только за мою. Многие вспоминают его добрым словом. Сейчас он председатель Федерации художественной гимнастики Томской области. И вот с тех пор ничем, кроме цирка, я не занимаюсь. В старших классах я уже в составе «концертной бригады» плавал по Оби на теплоходах «Томич» и «Культработник», выступал со своими номерами перед жителями области. Деньги получал. Стал, собственно, профессионалом.

Закончил десять классов, съездил в Москву поступать в цирковое училище, но не посту-

пил, конкурс там жестокий, да и опоздал. Пошел в армию, попал сначала в стройбат...

– Почему артиста – и в стройбат?

– Это, видимо, такое наказание было. Когда мне пришла повестка, я был на гастролях в Оренбургской области, а после гастролей там, в Оренбурге, и «сдался» военному. Оказалось, я уже во всесоюзном розыске как «злостный уклонист»... Но через полгода я из стройбата был переведен в ансамбль песни и пляски Омского гарнизона.

Пришел на дембель, устроился в филармонию, начались концерты в составе различных трупп, заочно поступил в Кемеровский институт культуры.

В 83-м я институт окончил и стал педагогом, стал заниматься цирковым искусством с детьми. Сначала в Кемерово, потом вернулся в Томск, стал работать в ДК «Сибкабель», а с 1990-го по 2003-й, тринадцать лет проработал тут, во «Дворце».

При этом я параллельно выступал как актер цирка, жонглер-эквилибрист, но официальным местом работы был Дворец – детская цирковая студия.

Дочь Катя

– **А почему ушли?**

– Цирк – дело травмоопасное, и администрация сильно беспокоилась, как бы не вышло, что ребенок себе что-нибудь сломает, а им отвечать... А цирк, действительно, без риска не бывает, но ничего такого, слава богу, у нас не происходило, все было хорошо и весело. Дети любят цирк – и зрителями в нем быть, и, тем более, выступать. Кстати, и дочка моя, Катя, в студии занималась.

Потом, характер у меня непростой, я привык, чтобы все было так, как считаю правильным я. Директор Дворца тоже была человеком не самым мягким. В какой-то момент мне попытались навязать в коллектив хореографа, а мне этого совсем не надо было, и я вместе с ребятами перешел в другое место – в клуб «Звездочка». Ну, а там мне уже и до пенсии было рукой подать.

– **Вы общаетесь со своими бывшими студийцами? Кто-то из них стал профессиональным артистом цирка?**

– Я знаю, что бывший мой студиец, Андрей Черноног, пошел по моим стопам, ведет детскую цирковую студию на Украине, в городе Скадовске. Вел, во всяком случае, я от него письмо получил лет десять назад. Лиза Барановская танцует в коллективе у Кристины Арбакайте; Вера Сарычева, это просто звезда у нас была, окончила пед, работает в детском садике, и ей нравится, и отлично. У меня не было задачи делать их артистами, задача была, как и у всякого учреждения дополнительного образования, занять ребенка, воспитать, помочь в развитии, ну, и чему-то научить между делом.

В целом, я Дворцу благодарен. Ведь я провел здесь самые тяжелые постперестроечные годы, занимаясь любимым делом. Зарплату нигде не платили, а здесь более или менее все было как-то «устаканено». Дворец многим помог эти годы пережить. Вот, наверное, и все, что я имею сказать.

Главный томский Дед Мороз

*Если учесть, что ДТДиМ – самое большое, центральное детское досуговое учреждение города, то неминуемо придется признать, что «дворцовские «ёлки» – главные «ёлки» Томска. Значит, и Дед Мороз на них, соответственно, главный Дед Мороз. И вот уже семнадцать лет эту роль бессменно играет один и тот же человек – **Дмитрий ОКОНЧЕНИКОВ**, в музыкальных кругах известный под прозвищем «Купа».*

*А общий его дедморозовский стаж, как выяснилось, **ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ!** Четверть века! Сами понимаете, у настоящего Деда Мороза все должно быть нестандартно. Так, поймав Дмитрия в перерыве между «ёлками» и задавая ему вопрос, кто он по образованию, я ожидал услышать: «актер», «музыкант» или что-то подобное. А услышал: «Железнодорожник. Машинист тепловоза и электровоза».*

Уже интересно, продолжаю расспросы.

– **Дмитрий, как всё начиналось?**

– Всё началось в 94-м. Я тогда играл в группе «ТБП» на бас-гитаре, а наш гитарист Марат Нагаев (он, кстати, сейчас работает во Дворце, заведует музыкальной частью) работал в детском центре «Звездочка» на Дзержинской, это деревянный дом, там сейчас гостиница «Абазур». И там же я подрабатывал ночным сторожем. И вот он предложил мне вдвоем поиграть там на ёлках – он на синтезаторе, я на басу. Всякие «В лесу родилась ёлочка» и тому подобное. Порепетировали, стали играть. И однажды на утренник не явился Дед Мороз. Двадцать минут тянули, полчаса, его все нет.

Что делать? Весь сценарий разваливается. Там у Деда Мороза должны украсть посох, а дети его ищут, преодолевают всяческие трудности, выполняют задания, переходя из кабинета в кабинет, отгадывают загадки, посох находят,

отдают Деду Морозу, и он зажигает ёлку... А как украсть у Деда Мороза посох, если его самого нет? Там работала девушка Анжела, она взмолилась: «Купа, выручай! Вот тебе шуба, вот борода, будешь Дедом Морозом!» Я в ужасе: «Да ты что, какой я актер?! Да я и текста не знаю!» «Всё ты знаешь, – она говорит, – ты же тут уже двадцать ёлок играешь!»

– **И как прошло?**

– По-видимому, хорошо, раз с того момента я стал там штатным Дедом Морозом. Правда, все персонажи инсценировки говорили стихами, а я прозой, но так получилось даже солиднее.

Потом Марат стал работать в детском центре «Синяя птица», «ТБП» стали там репетировать, и я в качестве Деда Мороза тоже переместился туда. Кстати, там произошла самая смешная история за всю мою дед-морозовскую карьеру.

– Ну-ка, ну-ка...

– Это было в Новый год с 95-го на 96-й. Сначала все было нормально. Вышла Снегурочка, повела с детьми хороводы вокруг ёлки, а потом они стали хором звать меня: «Дедушка Мороз, выходи!..» А я у Марата в музыкалке, одетый уже, сидел, ждал, когда позовут. Поднимаюсь, беру мешок, посох... А шапки нет. И это ведь не просто шапка, к ней парик седой пришит. Не могу же я без волос идти.

Давай мы с Маратом метаться, икать. А примерка маленькая, вся завалена игрушками, костюмами, всякой ерундой. Куда я эту шапку засунул – понятия не имею! Дети уже раз восемь «Дедушка Мороз, выходи» прокричали, а мы шапку все еще не нашли. Марат хватается верх от костюма зайца, там мех по краям, натягивает мне на голову, говорит: «Сойдет за волосы, надо только что-нибудь сверху надеть».

Тут залетает в музыкалку девушка-режиссер праздника, увидела меня в таком виде, впала в ужас. Я ей объясняю, что шапка с париком исчезла... Она вытаскивает откуда-то черную бейсболку с надписью «New York», натягивает ее сверху заячьей, уши под нее спрятала и вывихивает меня в зал, – «Иди!»

Снегурочка как меня увидела, так и обомлела... Но не растерялась, говорит: «Ну вот, и Дедушка Мороз. Долго он к нам шел, видно, издалека. Из самой Австралии».

– Почему из Австралии? Нью-Йорк, вроде, в Америке...

– А я откуда знаю? Ну, стал я свою роль играть, конкурсы устраивать, хороводы водить. Эдакий суперсовременный Дед Мороз – в бейсболке... Уже и забыл про это, наплясываю с детьми... Как вдруг шапочка с моей головы слетает, и уши распрямляются. Дети от такой метаморфозы аж танцевать перестали: был Дед Мороз, а стал какой-то пожилой заяц! Борода, усы и уши сантиметров по тридцать длиной. Одни плачут, другие хохочут...

– Да-а, вот это история... А тут, во Дворце, ничего подобного не происходило?

– Нет, тут все более солидно. Да и время другое. Я во Дворце с 2002-го. Хотя что-нибудь смешное всегда происходит, пусть и не таких масштабов. Ну, вот сегодня, например. Дети выстроились передо мной на показ костюмов, а я вдоль строя прохожу, разглядываю их, хвалю, даю конфеты, иногда уточняю: «А ты у нас кто?» Непонятно ведь, например, это просто принцесса или Золушка. А может, и Белоснежка... И вот подхожу я к мальчику, а он в строгом костюме-тройке, с бабочкой. Я говорю: «А ты у нас, наверное, джентльмен?» Он отвечает: «Нет, я индеец». Ну, а что, с другой стороны, почему индеец не может одеть строгий костюм? Имеет право. Так что свою конфету мальчик получил.

А еще недавно было: выстроились дети мне стихи читать, опять же за конфетку. Вот до одного школьника дошла очередь, он объявляет: «Александр Сергеевич Пушкин. "Полтава"» И как давай шпарить эту поэму. Я думал, отрывок, жду, когда закончит, а он все шпарит и шпарит. Ми-

нут пять мы его слушали, потом я его остановил, спрашиваю: «Ты скоро закончишь?» Он говорит: «Я всю поэму знаю, от начала до конца. Это на час примерно». Я говорю: «Тогда достаточно. Вот тебе конфетка. Следующий!»

Но, на самом деле, все эти забавные ситуации быстро забываются, потому что уж очень плотный поток «ёллок» идет. Десять дней по три ёлки в день. Тридцать ёлок подряд, как тут что вспомнишь?

– **Дмитрий, семнадцать лет! Это же огромный срок. Детям, которым на «ёлке-2002» было от пяти до десяти лет сейчас от двадцати двух до двадцати семи. У них у самих уже дети есть...**

– Да, мои дети, когда были маленькими, сюда на «ёлку» ходили, а теперь уже внуки ходят. А, кстати, я за двадцать пять лет не только на «ёлках» Дедом Морозом бывал, иногда меня и на корпоративы заказывали, и на дом к ребенку.

– **Конечно, лучше, когда профессионал приходит, чем когда папа в Деда Мороза переодевается. Могут и узнать.**

– Да. Меня мои внуки в прошлом году «спалили». Мне, кстати, один парень рассказывал, в какую он калошу сел, когда решил сам сыграть

Деда Мороза для дочки. Взял где-то костюм – бороду, усы, шубу, валенки. Утром тридцать первого вышел в подъезд и на лестничной площадке переоделся. В это время жена занималась воспитанием дочки: «А вдруг к вам придет Дед Мороз, а у вас в комнате такой беспорядок. Надо прибраться, а то стыдно будет...»

Тут он как раз и звонит в дверь. Дочка открывает, видит его и говорит: «Уходи Дед Мороз, у меня тут грязно!» – и захлопывает дверь перед его носом.

– **Находчивая девочка.**

– Да. Дети вообще умнее, чем мы думаем.

– **Где интереснее работать – на корпоративах, дома у ребенка или тут, во Дворце?**

– Конечно, тут. На корпоративах взрослые люди, они уже в сказку не верят, так – развлекаются. А тут – множество детей, и я не просто прихожу и зажигаю ёлку, тут у нас целый спектакль с кучей персонажей. Во Дворце дедморозить, конечно, интереснее всего. Иногда люди жалуются, что не чувствуют Нового года. А я за тридцать «ёллок» очень хорошо его прочувствовать успеваю. И, кстати, мой стаж участия в «дворцовских “ёлках”» даже намного больше семнадцати лет, я ведь школьником тоже сюда на «ёлки» ходил. Когда еще не был Дедом Морозом.

Арина Островская, «Синтез»

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«... Я мечтаю прийти через двадцать лет во Дворец и увидеть его таким же, но только в десять раз лучше...»

Сергей Павловский: Я точно знаю, что я люблю

Моя история, как, наверное, и большинство историй, начнётся с того, что во Дворец меня привели в раннем детстве, в «Дошкольную академию». Меня и мою сестру. Я с трепетом и благодарностью вспоминаю моих педагогов, которые помогли нам с сестрой подготовиться к школе. Для любого ребенка первый класс – серьезное испытание. Стресс особенно велик, если нет хорошей базы знаний. У нас она была.

Мы изучали английский, как сейчас помню, я спросил педагога, как по-английски будет «сто», хоть нас и учили считать только до десяти; мне ответили, и я запомнил. Дворец всегда дает ответы на любые вопросы, которые могут родиться у маленького человека, и всегда подержит его стремление узнать «почему»...

Именно «Дошкольная академия» познакомила меня с музыкой, с которой впоследствии я связал всю свою жизнь. Однажды нас повели

на экскурсию по Дворцу, и одним из пунктов экскурсии был кабинет хора мальчиков и юношей «Глория». Не знаю почему, но уже тогда у меня возникло чувство, что я ещё не раз зайду в эту дверь, хотя осознанного желания заниматься там у меня не возникло.

Но на очередном уроке музыки педагог «Академии» заметила, что я слышу музыку лучше многих, и сразу после урока повела меня знакомиться с человеком, который открыл для меня по-настоящему чудесный мир творчества. Это была замечательная, несравненная Элеонора Дмитриевна Варенцова. И надолго в моем детском сознании утвердилось, что это загадочное имя – синоним понятия «музыка».

Элеонора Дмитриевна рассказала мне о том, где побывал её хор, показала медали и предложила мне начать мой музыкальный путь. Сейчас, пересматривая раннее видео, по выражению ее лица я с удовольствием вижу, что уже тогда стал одним из её «любимчиков». Хотя заниматься непосредственно у нее в «старшем хоре» я стал спустя целых десять лет.

В «Глории» же я познакомился с педагогами, которые научили меня не просто слышать музыку, но и понимать её, – с Галией Шамильевой и Галиной Николаевной Самыловой.

Я отучился в «Глории», получил диплом и покинул «Дворец». Тогда мне казалось, что я готов начать новый путь. Но вне Дворца, там, куда я пришел (не хочу здесь называть это место и этих людей), меня заставили усомниться в верности выбранной дороги, чуть было не лишили меня веры в себя. Это как в любом хо-

рошем кино: всегда находятся те, кто хочет забрать у тебя самое ценное...

Мне было шестнадцать. Это был настоящий кризис, меня мучила мысль, что я предаю все то лучшее, что дали мне, воспитали во мне мои педагоги. Пока случайно ни встретился с моим другом из «Глории» Ильгизом Дусеевым. Он выслушал мою историю, вник в мои сомнения и предложил прийти на прослушивание в дворцовский ансамбль эстрадной песни «Вернисаж». Честно говоря, решив, что хуже быть уже не может, я согласился на эту авантюру. Чему несказанно рад.

Я попал в коллектив к молодой, невероятно красивой женщине – Галине Тимофеевне Дорожкиной! Наверное, как и для многих, подростковый период жизни был сложен для меня. Как же мне повезло встретить тогда такого доброго и чуткого человека. Благодаря Галине Тимофеевне я пошёл учиться на педагога и даже какое-то время поработал во Дворце учителем эстрадного вокала в родном коллективе «Вернисаж».

Можно вспомнить много замечательных историй, связанных с этим коллективом, но я хочу сказать главное – то, что наши педагоги, в первую очередь, очень хорошие люди.

Сейчас я живу и работаю в Москве, моя вокальная студия находится недалеко от Кремля. Я пишу песни, они востребованы и приносят мне деньги. Я являюсь членом жюри в различных музыкальных проектах, а совсем недавно получил приглашение в жюри телевизионного проекта на канале «Россия 1». Мой путь только начинается, и благодаря томскому Дворцу творчества я точно знаю, что я люблю. И знаю, куда мне вернуться, если вдруг когда-нибудь вновь потеряю веру в себя. Вернуться, чтобы набраться сил.

Я хочу пожелать молодым педагогам Дворца, его новым людям, помнить о том, что Дворец в жизни каждого кружковца – это фундамент его жизни, это место, где маленький человек должен получить для своей души все то, что будет необходимо ему в жизни. Несите вашу работу с гордостью, ведь сегодня вам выпала честь растить новое поколение.

Егор Палько: Роднее дома нет

Дворец никогда не появлялся в моей жизни, он был в ней всегда. Родители мои познакомились в Посту № 1, родная сестра больше десяти лет занималась в «Фуэте», двоюродные – в «Бусинке» и «Колобках». Дворцовские концерты, праздники, конкурсы, «ёлки» – все это является неотъемлемой частью жизни нашей большой семьи.

Сам я стал воспитанником Дворца, когда мне исполнилось пять лет. Я занимался в «Русских забавах», в первом классе пошел в «Колобки». В январе 2012-го пришел в театр-студию «Синтез». Именно с этим объединением у меня связаны самые светлые и теплые воспоминания о дворцовой жизни: уроки актерского мастерства, репетиции спектаклей, проведение концертов и мероприятий, поезд-

ки в летние лагеря, выступление на городских, всероссийских и международных конкурсах.

Помимо всего этого, в мае 2017-го я смог принять участие в несении «Вахты Памяти» Роты Почётного Караула Штаба Поста № 1, а летом 2018-го прошел курс по юнармейской подготовке в лагере Поста № 1.

Дворец подарил мне увлекательное путешествие в Международный Детский Центр «Артек». Именно во Дворце я делал свои первые шаги к осуществлению мечты – стать актером театра. Благодаря этому после окончания школы я поступил на актерский курс РГИСИ – Государственного Института Сценических Искусств в Санкт-Петербурге, где сейчас и учусь.

Когда Дворец творчества праздновал свое 90-летие, меня, тринадцатилетнего мальчика, попросили дать интервью. Мне задали вопрос: «Что для тебя значит Дворец?» Сильно разволновавшись, я ответил: «Дворец для меня – это дом. Роднее дома нет». Сказано неуклюже. Но искренне. Так считаю и до сих пор.

Моя страна **детства**

Меня зовут **Алина**
ПОНОМАРЕНКО.

С самого рождения и по сей день я проживаю в Томске. Мои родители – самые замечательные люди, именно благодаря их воспитанию и поддержке я ставлю перед собой цели и нередко достигаю их. Моя мама, Светлана, по образованию инженер-строитель, а папа, Константин, – учитель физкультуры и КМС по прыжкам с трамплина на лыжах. Я ими очень горжусь и очень их люблю.

Училась я долгое время в 40-й школе, мечтала стать дизайнером и шить красивые наряды... Однако в старшей школе начала больше любить предметы естественнонаучного цикла и поступила в Сибирский лицей, после которого окончила ТГУ по специальности «магистр химии» и ТГПУ по специальности «учитель химии и биологии». Но выбор именно такой профессии совсем не означает, что я больше не увлекаюсь творчеством. Я очень люблю мастерить по вечерам разные украшения из бисера на заказ, играть на гитаре, рисовать и печь разные сладости для семьи.

Во Дворец меня впервые привела бабушка Таня (которая в дальнейшем будет сопровождать меня все детство во Дворце) в четыре года. Это была «Дошкольная Академия», и с тех пор Дворец стал моим вторым домом, а иногда и первым. Но – обо всем по порядку. С четырех лет я стала одной из членов огромной «дворцовой семьи». Помню, что больше всего мне нравилось ходить на музыку и ИЗО. Первые поделки, первые выступления на сцене... Не-

сколько строчек из первого моего выступления на конкурсе чтецов я помню до сих пор, хотя мне тогда было совсем мало лет, и первое волнение я тоже помню... Но какая была радость, когда за мое выступление мне вручили конфеты и игрушку, я была самым счастливым ребенком в тот момент.

Позже к Дошкольной академии добавилась студия современной пластики «Пласталин» и музыкально-хоровая школа-студия «Мелодия». В «Мелодии» я прозанималась всего год,

потому как нотная грамота мне совершенно не давалась, а вот танцами я продолжала заниматься на протяжении семи лет. А когда из Дошкольной академии меня выпустили, и я отправилась в первый класс, наступило время выбирать новое объединение, и как раз с этого года на базе Дворца начало действовать совершенно новое объединение – школа для девочек «Бусинка».

Там было несколько дисциплин: музыка (где нас учили слушать музыку, петь, говорить), хореография (где нас учили двигаться, танцевать, держать красивую осанку, манере танца), лики красоты (где нас учили манерам, чтобы мы выросли настоящими леди) и, конечно, бисероплетение (это была основа-основ: уметь создавать невероятно красивые украшения и костюмы). В этом объединении я провела одиннадцать лет, пока не выпустилась из Дворца, а потом еще пару лет я в нем работала уже хореографом, пока не закончила ВУЗ.

Театр костюма «Бусинка» для меня значит очень многое. Во-первых, это хобби на всю жизнь, да-да, я до сих пор этим занимаюсь. Плету колье или броши на заказ, в качестве подарка или просто для себя. Во-вторых, Дворец подарил мне общение с чудесными людьми, с которыми я дружу и поддерживаю отношение до сих пор. Ну и, конечно, это обучение у самых лучших педагогов. Моим любимым наставником и педагогом была и остается Нина Константиновна Осипова, человек творческий и вдохновляющий. У нее всегда был неиссякаемый поток идей. Мне казалось, она может все: придумать потрясающий образ, смастерить любое украшение, нарисовать, вышить и поддержать в трудную минуту. Знаете, многие дети прогуливали школу, гуляя во дворе, я прогуливала ее во Дворце. Могла прийти туда в любое время и знать, что здесь меня ждут. Для меня

он навсегда останется страной детства. Того самого замечательного и чудесного уголка, куда хочется возвращаться снова и снова.

Жизнь любого ребенка во Дворце всегда яркая и насыщенная событиями, моя не была исключением. Концерты, выступления, выставки – это все наполняло мою жизнь. Куда бы мы ни ехали, мы занимали призовые места. Мое портфолио состоит из грамот и дипломов различного уровня. Есть среди них и международные. Одну из таких мы получили во время поездки и выступления в Праге. Это была самая запоминающаяся поездка – рождественские каникулы в Европе! Это были незабываемые впечатления! Как же хочется опять почувствовать ту атмосферу праздника, репетиций, волнения, те эмоции, когда впервые прогуливаешься по улочкам Праги... Это невероятно!

Однако самой большой наградой для меня был момент вручения директором Дворца Татьяной Петровной именной звезды, которая до сих пор висит в холле Дворца. Она позволяет мне навсегда остаться частичкой этого замечательного места.

Безусловно, я очень долго планировала, что моя профессия будет как-то связана с творчеством. Так и вышло: сейчас я учитель химии в 6-й гимназии. Я так же, как и раньше, работаю в коллективе с ребятами, учу их чему-то новому, а они учат меня. А химия, на мой взгляд, это невероятно увлекательный предмет, который позволяет творить, когда ты смешиваешь разные растворы и получаешь абсолютно новые вещества! Это же настоящая магия! Хотя, как говорят мои одиннадцатиклассники, – «Химия круче магии!»

Если говорить про истории, то их было очень много. Каждый выход на сцену, каждая выставка, каждый новый костюм – это памятное событие. Но все же самые яркие воспо-

минания составляют поездки с коллективом. Например, одна из них была во Владивосток в лагерь «Океан». Там было очень здорово, весело, мы знакомились с ребятами из других городов, но все члены нашего коллектива жили в разных отрядах и редко виделись. И вот наша Нина Константиновна предложила каждое утро всем «Бусинкам» встречаться на берегу моря! Мы гуляли, собирали ракушки, морских звезд, делились впечатлениями, фотографировались и понимали, что такие прогулки нас очень сильно объединяют.

А еще памятным моментом была поездка в Питер. Там у нас было не только выступление, но и потрясающая развлекательная программа. Мы гуляли и фотографировались в костюмах на Дворцовой площади. Только представьте, двадцать человек в костюмах Дымковских игрушек! По-моему, там все хотели с нами сфо-

тографироваться. Мы ходили смотреть на разводные мосты. Было сыро и дождливо, но эмоции и восторг переполняли нас! А как весело было в Петергофе! Это не передать словами! А для меня из той поездки особенно памятно, как мы с Ниной Константиновной вдвоем отправились на небольшую прогулку по Питеру, ели вкусные пироги в Штолле и общались. С ней было очень интересно, она всегда знала массу историй, давала советы.

Сейчас Дворца в моей жизни стало чуточку меньше, теперь вести оттуда приносят мне мои ученики, которые, так же, как и я когда-то, занимаются там. Но я уверена, что и своих детей я однажды тоже приведу в стены Дворца, покажу в каких объединениях я занималась, у каких чудесных педагогов училась, покажу свою звезду на «небосклоне дворца» и вновь вернусь в ту сказочную страну.

Неслучайные звёздные смайлики

Всем здравствуйте! Меня зовут

Анна ПРОСЕКИНА.

*На данный момент мне двадцать шесть лет,
а из Дворца я выпустилась в восемнадцать...*

Ого! Только сейчас, когда начала писать этот текст, поняла, что прошло уже больше восьми лет! Время пролетело просто с невероятной скоростью.

ДТДиМ = любовь, просто невероятная, навсегда! Почему? Ох, сейчас будет доооолгий рассказ об этом! Устраивайтесь поудобнее, надеюсь, что будет интересно.

Начну, наверное, с того, что родилась я в Томске, и почти всю свою жизнь, до двадцати трех лет, я прожила там.

Петь я начала с детства, лет с трех-четырёх. В четыре года точно на сцену вышла в первый раз. Любовь к музыке мне привил мой отец: он в детстве отдал меня заниматься вокалом в детскую школу-студию «Ассоль», а потом и на занятия по фортепиано, которые я через несколько лет забросила, о чем сейчас немного сожалею.

В 2001-м году мне нужно было сменить вокальную школу на другую (не помню, с чем это было связано), и меня отдали на частные уроки в «Мелодию», во Дворец. Так я и попала туда. Помню, как постоянно говорила маме о том, что хочу петь, а подходящий коллектив мы найти не могли: пойти во Дворец было лучшим решением.

Спустя несколько лет, в 2005-м, я узнала, что во Дворце открывается новый ансамбль эстрадной песни «Вернисаж», и тогда я подумала: «О! Это же то, что мне нужно! Эстрадный вокал, которого мне так не хватало в «Мелодии»!» И сразу же записалась туда на прослушивание.

Как оно прошло, помню, честно говоря, смутно, но тогда у нас не было ни вокальных микрофонов, ни колонок с усилителями — только один магнитофон, из которого играли минусовки. Так что те, кто занимается там сейчас, — вам крупно повезло!

В моей памяти есть один важный момент — то, что я храню по сей день: первое впечатление о самом лучшем педагоге в мире. Со временем она стала мне другом, по-настоящему близким человеком, с которым я могла разговаривать часами. Ее имя — Галина Тимофеевна Дорожкина. Я желаю каждому встретить такого педагога, учителя, человека, с которым мы по сей день

С Дмитрием Нагиевым

общаемся и обмениваемся тем, что происходит у нас в жизни! Она научила меня не только хорошо петь, но и многому другому. Бесконечная благодарность и счастье — быть рядом с ней почти пятнадцать лет.

Все мое детство и юность Дворец был для меня вторым домом. В новогодние каникулы — бесконечные «Ёлки» с хореографической школой-студией «Фуэте» (кстати, ее я тоже закончила и также благодарю за знания, терпение и мое умение танцевать Анну Леонидовну Еремееву!); летом — лагерь «Энергетик» и любимый «Пост № 1», в которых я провела четырнадцать смен; осенью — подготовка к Новому году, весной — отчетные концерты. И так — по кругу, до бесконечности. И не было ни единой мысли о том, что мне это надоело — я бежала во Дворец как ненормальная, очень часто вместо школы (мама, прости :)).

ДТДиМ, конечно, сыграл огромную роль в моей самореализации, социализации, карьере и дал невероятный опыт, на который я опираюсь по сей день. Там было все: дружба, первая любовь, первые вокальные конкурсы, признание, падения, слёзы и т.д. Полный спектр эмоций! И все это в самом сложном переходном возрасте, представляете? Школа и проблемы с одноклассниками казались детским садом.)

«Что? Первая любовь? Во Дворце?» — спросите вы. Интрига :)))

Да, все верно, она была там. Такая, знаете, настоящая, искренняя, детская. Я помню ее до сих пор, и даже когда вижу его сейчас (а сейчас он — педагог во Дворце), я чувствую, что это было по-настоящему. Помню, как педагоги «Калейдоскопа» меня гоняли с балкона, говорили, что я мешаю учебному процессу... Конечно, мешаю! Там был он и мои друзья! Наш выпуск

с ними был, наверное, самым звёздным: мы делали все вечеринки в ДТДиМ, разносили танцполы и, конечно же, нарушали все законы – куда без этого?!:)

Наши совместные поездки в лагеря были катастрофой для педагогов. Чтобы вы представили: однажды в «Посту» Сергей Иванович Кесс поставил камеру напротив нашего домика, чтобы мы друг к другу не ходили по ночам ... Вот проблема-то, мы вылезали в окно с другой стороны, ХА-ХА :)))

Я очень много смайликов себе позволяю в этом моем повествовании, чего обычно не делаю, но я хочу, чтобы вы прочувствовали, как я улыбаюсь сейчас, вспоминая это все :)

Не подумайте – ничего криминального! Просто за время жизни во Дворце мы нарушили сотни правил. :) Но так было веселее – все же в подростковом периоде шкодят, вот и мы были такими же.

Ну а что же сейчас? Сейчас у всех моих «дворцовских» друзей – работа, бизнес, семья. Я живу в Москве, уже больше трёх лет. У меня своё творческое объединение «WHAT'S UP MUSIC BAND» с несколькими составами;

в 2019-м году мы вошли в TOP-15 кавер-групп России и создали собственное кавер-шоу, которое презентовали, кстати, в родном Томске. За моими плечами участие в шоу «Голос-6» на Первом канале, сотрудничество с артистом T-Killah (Александр Тарасов), огромные площадки, выступления по всей России и за рубежом, Новогодняя ночь на Красной площади и более четырех миллионов просмотров на YouTube.

Если бы мне сказали об этом в мои восемнадцать, когда я выпускалась, я бы посмеялась и сказала, что это шутка. Но сейчас я надеюсь, что это только начало большого пути. В котором Дворец занимает важнейшую часть. Он навсегда поселился в моем сердечке и окутал его теплотой. Очень скучаю. И грущу, что так быстро выросла.

Я хочу поздравить любимый ДТДиМ с юбилеем и пожелать талантливых учеников, выпускников, отличных педагогов (им, в свою очередь, еще и огромного терпения), процветания и больше невероятных событий, которые бы вот так же, как меня сейчас, заставляли улыбаться других, когда они будут об этом вспоминать.

Безмерная благодарность и любовь!

Альбина Пугачева: Тегульдэт-Венеция

Беседа с создателем школы-студии «Мелодия» Альбиной Васильевной Пугачевой началась так: «Как-то у меня брали интервью, и я рассказывала о наших победах, о наших зарубежных поездках... Журналист слушал-слушал и говорит: «Если верить вашему рассказу, все так легко у вас получалось...» Я говорю: «Да». «И что, никаких запинок?» «Да». Он говорит: «Интересно... Но так ведь не бывает».

На самом деле, правы были оба. Потому что увлеченность, с которой она в свое время принялась создавать свою вокальную студию приводила к тому, что то, что другие назвали бы долгим и тяжелым трудом, ею просто не замечалось. Она и сама вспоминает: «Я сейчас даже удивляюсь, как я вкалывала, какая у меня была нагрузка. Мало того, что я тут работала на полторы, а когда разрешили, то и на две ставки, я еще вела музыку в трех Детских садиках. Подработка это была небольшая, мне это нужно было для того, что я внимательно присматривалась, прислушивалась к ребятишкам, чтобы потом самых способных забрать себе в студию. И еще школы прослушивала»...

Но, давайте, начнем с начала.

Я родилась в Томской области, в Тегульдете. В пятом классе пошла в музыкальную школу и за один год прошла два курса. Может, потому что у нас была семья музыкальная, все пели: и мама, и папа, и старшая сестра. В девятом классе у меня появилась мечта поступить в консерваторию. Я тогда уже в поселковом Доме Культуры пела со взрослыми. Меня руководительница хора приглашала потому, что я вторые голоса подбирала сразу, без нот.

Закончив школу одновременно с музыкой, я поехала в Томск и поступила в музыкальный колледж на фортепианное отделение.

— **А почему на фортепиано, вы же петь любите?**

— Вот и меня этот вопрос три года мучил: на то ли отделение я поступила? Я все время

пела, любила петь, а вот когда играла на инструменте, я всегда очень боялась, особенно быстрого темпа, чувствовала, что не выигрываю всего, как следует... Не радовало меня это занятие. И после третьего курса я перевелась на дирижерско-хоровое, на второй курс. То есть в результате я училась там не четыре года, как все, а шесть: три года – на фоне, три – на дирижерско-хоровом.

Вот там, на дирижерско-хоровом, мне уже все нравилось. Но не все получалось, я ведь первый курс специальности пропустила. И я точно помню момент, когда все пошло, как надо. Это случилось ночью. Как-то проснулась, встала, пошла по своим делам. Все спят, а у меня в голове песня крутится: «Во всю-то ночь-то темную...» Я остановилась, запела и стала сама себе дирижировать. И чувствую – получается! И такая свободу ощутила... И на завтра я пришла на урок, а у меня все получается. Сейчас бы сказали, снялся психологический блок, зажим. И с того момента все пошло, как по маслу.

А по окончании решила, как когда-то и мечтала, поступать в консерваторию, в Новосибирск. Хотя муж был против.

– А вы уже были замужем?

– Да, я рано вышла замуж, в восемнадцать. Как мама говорила, «мой товар быстро разбирают»... Муж был таксистом. У меня уже и дочка была. Но я все-таки поехала и поступила. Но на заочное. Работать надо было – семья. Колледж я закончила в 75-м, в том же году поступила в консерваторию и в том же году пришла на работу в Дом Пионеров на Татарской, стала вести хор. Я еще и учась в колледже, подрабатывала в третьей музыкальной школе, на Иркутском, и еще в детском центре «Планета».

– И вот этот хор Дома Пионеров и вырос впоследствии в «Мелодию»?

– Ну, не совсем так. Хор был малочисленный, скорее, я назвала бы его «ансамбль». И я стала ходить по школам, агитировать, прослушивать, понемногу набирать в него ребят. И сразу у меня были мысли создать хоровую студию. Годом рождения «Мелодии» я считаю 1980-й. В том году я окончила консерваторию, а в феврале того же года мы переехали в новый Дворец. Те ребята, которые занимались в хоре, пришли сюда со мной. Галка Дорожкина, например, до сих пор здесь, руководит эстрадным ансамблем «Вернисаж».

С сентября 80-го я официально начала организовывать хоровую студию. Я изучала опыт таких студий в других городах. Родоначалником их у нас в стране считается Георгий Струве, в Москве, я читала и его работы...

Это как хлеб вырастить. Сначала нужно посадить, потом ждать, когда появятся всходы. И у тут важно, чтобы тебе верили, чтобы не подгоняли... И, наверное, я справилась как раз благодаря тому, что во Дворце мне верили, и никто не подгонял.

И вот в 80-м была набрана первая группа хоровой студии – «младший хор» – подготовишки и первоклашки, и была еще «старая группа» – та, что из Дома пионеров. Потом появилась и средняя группа. Из педагогов со мной из Дома Пионеров пришла еще Альфия Ильясова, которая вела там кружок фортепиано, и она до сих пор тут с нами работает.

– Смешанный состав хора – и мальчики, и девочки – это принципиально?

– Да. Во-первых, у такого состава возможностей больше, можно интересные ансамбли создавать, во-вторых, когда и девчонки, и мальчишки вместе, они лучше держатся в коллективе, друг перед другом красуются.

С самого начала и каждый год в конце первой четверти мы организовывали конкурс во-

калистов. Это делалось для ребят же, чтобы они друг друга услышали, оценили.

– А где вы это проводили? Насколько я знаю, сначала у Дворца не было большого зала, сцены, ее занимал ТЮЗ...

– Да, верно. Всё это происходило там, где сейчас фойе, где буфет. Ну, и мы, конечно, сразу стали принимать участие в различных городских конкурсах. Но в Томске это сложно, потому что тут очень много музыкальных школ и других учебных заведений, где есть творческие коллективы. И нас долго не принимали всерьез. Я уже слышала, что мы очень хорошо поем, но нам никогда не давали первое место. Как же, тут ведь Первая музыкальная школа, которая более ста лет существует, и вдруг какая-то «Мелодия», которой без году неделя...

Я это поняла, прочувствовала и ребятам объясняла так: «Вы не обижайтесь и не расстраивайтесь. То, что нам делают замечания и в победители не берут, это значит, что мы должны еще больше работать и стать уже настолько лучше всех, что никакому жюри не отвертеться. И чем жестче к нам относятся, тем больше надо работать».

И мы работали, оттачивали мастерство. И наше время пришло – десять лет спустя.

– Десять лет! Это же целая эпоха!

– А вы как хотели? Но я сейчас понимаю, почему вышло именно так. Потому что как раз спустя десять лет после открытия студии, весь состав хора был воспитан в ней.

Это был 90-й год. На Втором Томске тогда был «Дом культуры железнодорожников», и там проходил какой-то городской конкурс. Или областной, я уже не помню. Председателем жюри был руководитель капеллы Виталий Сотников. А он очень строгий педагог, и его мнение – серьезный авторитет... И вот мне фотограф сказал: «Альбина Васильевна, вас Сотников так

слушал... Никого больше он с таким вниманием не слушал...» И правда, на этом конкурсе нам присудили первое место. И с тех пор мы это место никому не отдавали.

– Покорили высоту и на ней остались?

– Вот именно. Нас потом уже знали и говорили так: «Ну, если в конкурсе «Мелодия», то бесполезно рыпаться, первое место у них будет...» Но меня все-таки не это больше заботило, а то, во что я хочу «Мелодию» превратить.

– И во что же?

– В полноценное учебное заведение. Я однажды встретила музыкального работника из другой республики, с Востока откуда-то, и он мне рассказал, что у них музыкальная студия – одиннадцатилетка. А мы-то были, как все музыкальные школы, семилеткой. И я решила, что нам тоже надо в этом направлении перестраиваться.

Я вспомнила и одиннадцатилетку при консерватории, где училась. Заканчивая ее, ребенок мог сразу идти в консерваторию. То есть это уровень среднеспециального учебного заведения. Не «музыкальный кружок», даже не «музыкальная школа», а колледж, дальше только высшее образование.

Так мы и сделали. И называться стали «Музыкально-хоровая школа-студия «Мелодия»». Наши выпускники стали получать дипломы, которые дают им такое же право преподавать, как выпускникам музыкального колледжа, или поступать в высшее учебное заведение. Многие сразу поступают в ТГУ, в Институт искусств и культуры, наших ребят там уже знают и ждут.

– А чем вы от колледжа отличаетесь?

– Свободой. Мы – еще и «студия». И мы можем брать ребят любого возраста. Лишь бы голос был по-настоящему хороший и было бы желание, остальное все дотягиваем в индивидуальном порядке. Несколько раз брали

даже шестиклассников в старший хор, без музыкальной школы, и к одиннадцатому классу проходили с ними программу за все одиннадцать лет.

Вот, например, пришла к нам девочка, Оксана Перетяжко (сейчас она Волкова), шестиклассница, голос у нее был прекрасный, а теории – ноль. И сольфеджио изучать я ее посадила с первоклассниками... После восьмого класса она уйти хотела, перестала появляться на занятиях. Я спросила у мамы, что стряслось, она говорит: «Оксана решила, что в этом деле у нее нет никаких перспектив». Я говорю: «Да вы что?! Да с таким голосом ей в опере самое место, только немного теорию подтянуть...» Ей передали мои слова, и она вернулась, стала очень прилежно заниматься. И – пожалуйста: после нас она окончила институт культуры и искусства в Красноярске и уже много лет поет в Северском музыкальном театре.

– То есть, если ребенок поздно осознает, что хочет стать музыкантом, и в музыкальную школу его за ручку родители вовремя не привели...

– ...То в стандартных образовательных структурах ему в этой области уже ничего не светит. В школу его переростком не возьмут, а без школы не примут в колледж. А мы ему, если ребенок талантливый, даем такой шанс. Все основные дисциплины для этого у нас есть: хор, сольфеджио, музыкальная литература, фортепиано.

И у нас это образование – бесплатное. Я интересовалась, за рубежом музыкальная школа – очень дорогое удовольствие. Родители даже присутствуют на занятиях, чтобы потом дома самостоятельно с ребенком заниматься. А нам, наоборот, детей отдают и – свободны...

– Кстати, про «зарубеж». Не пора ли нам поговорить о ваших поездках и победах?

– Да с удовольствием! Итак, старший хор стал у нас занимать только первые места. И в 2003-м году нас пригласили выступить на концерт в Северске. Мы приехали туда, спели, и нам вдруг объявили, что мы, как всегда, заняли первое место, а я даже не знала, что это конкурс. А оказалось – да. И в жюри были москвичи. И они пригласили нас на международный конкурс в Москву.

В Москву мы приехали и на удивление снова заняли первое место. А там-то коллективы были со всей страны и из-за рубежа. И нас пригласили на международный фестиваль во Францию. На десять дней.

В Москве нас было тридцать пять человек, кто смог. Если бы мы про Францию заранее знали, наверное, бóльшим бы составом поехали, потому что нам сказали: примем, обеспечим проживание и питание в том количестве, в каком вы тут. И вот все десять дней мы катались по Франции – в пяти городах давали собственные концерты, в основном в церквях. И хор, и ансамбли, и солисты, и даже наши пианисты показали себя. А на открытии хор пел под сводный оркестр музыкантов со всего мира.

Это был фестиваль, никакие места не присуждались, но нас пригласили в Италию, на конкурс в 2005-м году. Мы отправились туда составом в сорок два человека, и заняли там первое место. А там хоров было очень много и со всего мира, и более многочисленных, чем мы. И это уже было достижение мирового уровня.

– Понравилось вам там?

– Мне всегда хотелось побывать в Венеции, и сразу, победив, мы всем хором махнули туда. Город состоит более чем из ста пятидесяти островков, но нам удалось побывать только на одном, центральном – на площади

Сан-Марко. Ребята просились куда-то еще, но как я могла их отпустить? Сказала: «Нет, все будем тут. Наслаждайтесь». Проторчали мы там целый день... Красота невероятная. Прекрасная церковь... Тысячи голубей на площади... Так там хорошо... Но я к концу дня спросила себя: «Ну и что, хотела бы ты, Альбина Васильевна, тут жить?» Посмотрела еще раз, оглянулась и поняла: «Нет, домой хочу».

А в 2008-м мы поехали в Австрию на «Хоровую Олимпиаду». Но туда получилось поехать небольшим составом – только 29 человек. Илья Романченко, наш солист, служил нам там штатным переводчиком. Там мы заняли второе место. И там, когда мы распевались, нас услышал священник и позвал нас спеть у него в церкви. Мы пошли и дали там целый концерт. И, между прочим, получили гонорар, хотя это и не оговаривалось.

Так вышло, что я никогда не была в Санкт-Петербурге и всегда хотела там побы-

вать. И в 2011-м мы туда поехали. Если верить моим ребятам, они в Интернете смотрели, то мы в тот момент входили в десятку признанных лучших хоров мира. Поехало всего 22 человека. Первое место там занял Детской хор пекинского филармонии. Их было больше 60 человек. Мне они очень понравились. Чувствовалась огромная работа, слаженность, синхронность прекрасная... Второе место – хор из Нижнего Новгорода. Мы взяли третье. А еще нам дали диплом за самый красивый костюм. Белые брюки, черная блузка, у девочек на рукавах и на воротнике рюши, у мальчиков – белый шарф...

Директору Дворца не понравился этот костюм, когда я предложила эскиз. Но спорить она не стала... Потом, когда я привезла в Томск этот диплом, я сразу Татьяне Петровне его на стол положила: «Вот так-то!»

Еще отметили наших солистов как лучших. Например, Яну Богданову (теперь Мошко), она сейчас в музыкальном колледже преподает.

А ведь был момент, когда она хотела поступать в Политех, и, честно говоря, в последние годы «халтурила», пропускала занятия. Но Светлана Кравченко, заведующая вокальным отделением колледжа, ее видела, слышала, ей она нравилась, и она уговорила ее параллельно с политехом поступить в колледж.

– Ну, и что, Альбина Васильевна, Петербургом ваш победный марш закончился?

– В общем-то, да. У нас появился фестиваль «Сибирь зажигает звезды», и отпал всякий смысл куда-то ездить. Поездки, конечно, вещь увлекательная, но и хлопотная. И если можно без вех этих сложностей посоревноваться с коллективами со всей страны, то, конечно, я предпочитаю это.

Ну, и я ведь уже говорила, не призы и поездки – главное, а то, какую мы пользу детям приносим. Мы организовали Городские методические объединения хоровиков и вокалистов; пианистов (им руководит Оксана Борисовна Малиновская), по классу сольфеджио (руководитель Татьяна Сергеевна Нужных)... По опыту Екатеринбурга создали «Городскую Детскую филармонию». И она у нас работает уже около пятнадцати лет...

А какие кадры мы воспитали! Аржанник Наталия – преподаватель-теоретик. Бурова Лена – вокалистка, сейчас она в руководстве Театра Юного Зрителя, но несколько лет пела в оперном театре. Гусева Лена – в третьей музыкальной школе. Людмила Петровна Попова – долгое время была художественным руководителем Дворца. Гуминых Ольга – окончила ФИЯ ТГПУ, потом поехала в Москву, получила высшее образование по вокалу и сейчас работает там с детьми. Дорохова Катя – работает с вокалистами в 7-м лицее. Евсюткин Иван – закончил нашу студию.

Поступил в политех, но я убедила его поступить параллельно и в музыкальный колледж на фортепиано. Он все-таки остался ученым, но, обучаясь в аспирантуре, он подрабатывал у нас концертмейстером. Таня Панова – очень своеобразная и одаренная певица. Причем она успешно пробовала себя и в эстраде, и в рок-музыке. Сейчас у нее своя вокальная студия. Елена Кривых (сейчас она Алымова) – у нас теперь работает, ведет средний хор. Милованова Наталья – в детском центре «Синяя Птица», и как вокалистка она очень востребована. Новикова (в девичестве Строчкова) – директор Детской Музыкальной Школы где-то в области... Да я не упомяну всех, их же сотни...

По итогам конкурса «Многоголосье Томской области» пять наших ребят вошли в состав Детского хора России и приняли участие в Олимпиаде Сочи-2014 и праздновании Дня России в Крыму летом 2014 года...

– А сколько всего человек сейчас занимается в вашей студии?

– Ежегодно около двухсот восьмидесяти.

– Последний вопрос, Альбина Васильевна. Какие еще неожиданности вы готовите Дворцу?

– С того момента, как я пришла в Дом Пионеров, я уже сорок лет не меняю место работы. Потому что Дворец – самое большое детское учреждение в городе. Это «центр детской культуры» и, если хочешь работать с детьми, выше в этом городе уже прыгать некуда. Мы и не прыгаем: наша «Мелодия» – один из самых стабильных хоровых коллективов в городе.

Что еще нам в голову взбредет, я пока не знаю. Но заметьте: все, что мы затевали до этого, оказывалось правильным и перспективным. И Дворец всегда нас поддерживал. Будем надеяться, что так впредь и будет.

Марьяна Родченко, школа для девочек «Бусинка»

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«... Когда я пришла во Дворец, мне показалось, что здесь будут строгие учителя, а они оказались средние.

Когда я вырасту, я хочу стать дизайнером или стилистом насчет одежды, еще я хочу быть русалкой, чтобы у меня был живой единорог и стать профессиональным слаймером, и научиться делать украшения и потом их продавать за две или за три тысячи...»

Саша Рожкова, школа-студия «Мелодия»

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«... Однажды я была в летнем дневном лагере и неожиданно зазвенела пожарная тревога. Она была не учебная. Я со всем своим отрядом вышла из Дворца и увидела, что приехала пожарная машина. Все были очень взволнованы.

Мы стояли на улице примерно минут десять. А потом нас завели обратно. Оказалось, что просто хлеб в нашем буфете стал твердеть, и из него решили сделать сухарики.

Хлеб поставили в печь и забыли про него. От подгоревших сухариков пошел дым, и сработала сигнализация. Над этой историей до сих пор смеются все мои одноклассники...»

Лера Сверчкова, ансамбль «Аллегро» («Мелодия»)

Фрагмент блиц-опроса

«... Я мечтаю стать певицей и хочу котика...»

Елена Селина: Два года И ВСЯ ЖИЗНЬ

Я пришла во Дворец уже довольно поздно, в восьмом классе. До этого я занималась танцами, рисованием, окончила музыкальную школу, но все это не во Дворце. А сюда я пришла именно в астрономический клуб «Икар». И, естественно, сразу стала там не Селиной, а Селёной.

Меня привели друзья. Как это вышло. Мои родители познакомились в туристско-альпинистском клубе ТУСУРа «Такт», оба альпинисты, поэтому и меня с детства возили в горы. И вот как-то летом мы поехали с папой в горы, и там были тоже бывшие «тактовцы», Татариновы, папа с сыном, и вот сын-то как раз уже и занимался тут, в «Икаре». А в горах звезды видно хорошо. Мы там познакомились, пообщались, я послушала истории про Дворец, как они тут живут, и в результате в сентябре пришла в «Икар», сразу в старшую группу, поразив Алевтину Михайловну, так как до этого группа была исключительно мужского пола. Но я как-то прижилась.

В моей группе были Сергей Татаринов, Леша Долматов, Вова Эсаулов... Отзанималась я в клубе два года, но, на самом деле, — два года и всю жизнь. Да, я выпускник 86-го, но потом мы почти всей этой группой пошли в ТУСУРовский «Такт», не прекращали общаться между собой и общаемся до сих пор, в том числе и с выпускниками гораздо более поздних лет. Потому что мы все эти годы каждую субботу приходили к Алевтине Михайловне, устраивали вместе ночные наблюдения, участвовали, где только можно, в жизни Дворца,

короче, достаточно всем тут надоели. И все, кто тут был после нашего выпуска, прошли у нас перед глазами.

Когда моей дочке Полине исполнилось четыре, я ее тоже привела сюда. Начали с «Дошкольной Академии», в «Икар» пошли в шесть, притащив с собой всех, кого только могли зацепить, потом — в хоровую студию «Мелодия», в школу для девочек «Бусинка», в танцевальный кружок «Лукоморье»... Причем, это всё не последовательно, а одновременно... Да она практически жила здесь, я когда ее в школу отправляла, подбирала не ту, что ближе к дому, а ту, что ближе к Дворцу — лицей № 8, так как в бодрствующем состоянии дома она меньше находилась, чем тут. Дом — это ночевать, а Дворец — это жить.

Когда мой ребенок, имеющий склонность рассеивать свои вещи по всей близлежащей поверхности, оставила во Дворце мобильный, мне с него раздался звонок, вахтер звонила:

«Здравствуйте, мы тут телефон нашли...» Я говорю: «Да-да, это дочка моей. Попробуйте ее найти во Дворце, ее фамилия Харитоновна...» Дальше меня слушать не стали: «Господи, так это Полинин, что ли? Кто же тут Полину Харитонову не знает? Отдам, отдам ей, конечно...»

Потом она была в «Детско-юношеском парламенте», в «Совете Дворца»... И вот тут висит ее звездочка – Полина Харитоновна. Ну, и у меня такая звезда есть, только коллективная – «Совет клуба «Икар»», нас там пять человек – Айрат Нагорняк, Анна Диренок, Елена Бубнова, Дмитрий Капарулин.

Лена Бубнова – лучшая моя подруга, тоже выпускник Дворца, здесь мы и познакомились, и оба ее ребенка – тоже выпускники Дворца. В Совете «Икара» у нас была Аня Диренок, ее двое детей тоже дворцовские выпускники... Не помню уже в каком году, на одном из конкурсов «Звезды зажигает дворец» была но-

минация «Сердце отдаю детям», связанная с преемственностью, и выпускников попросили прийти с детьми, если они тоже занимаются во дворце или уже отзанимались. «Икар», вообще-то, небольшой клуб, не так много ребят там одновременно учатся. Но когда увидели, сколько наши привели во Дворец своих детей, наша Алевтина Михайловна стала лауреатом.

Почему мы все вели сюда своих детей? Потому что дети дворцовские отличаются от других... Точнее, они всегда среди лучших. С моей точки зрения, вот именно это – занятость, загруженность интересными делами – и есть самая эффективная профилактика подростковой наркомании, депрессии, преступности и всего такого прочего. Дворцовским детям интересна их реальная жизнь. И в классах своих такие дети нередко бывают лидерами, куда-то ведут за собой остальных. Это надо сохранять и делать максимально доступным.

Когда уже Полина тут занималась, она частенько ездила в разные поездки — и с «Икаром», и с «Мелодией», и с «Бусинкой», а я нередко сопровождала их группу как врач. Когда «Бусинка» выиграла в конкурсе гран-при, ребят отправили в лагерь «Океан», и я тоже была с ними. Можете представить, я тогда впервые была в детском лагере отдыха; когда сама была ребенком, как-то не привелось. Зато сразу оказалась в один из трех самых прославленных — «Артек», «Орленок», «Океан».

Это был очень интересный для меня опыт: детей разделили по отрядам, и из сопровождающих тоже был создан отряд. У нас было два вожатых, которые были кого-то в два, а кого-то и в три раза младше. И у нас, как и у детей, были занятия, экскурсии, поездка во Владивосток и даже сценки на концертах нам пришлось показывать...

Возвращаясь к «Икару», замечу. Конечно, далеко не все мы стали астрономами, я, например, врач-терапевт в стационаре Третьей горбольницы. Но все мы, зато помним, что у нас над головой есть небо и звезды. И там постоянно происходит что-то интересное или красивое.

На мой взгляд, равнодушие к космическим явлениям — один из признаков цивилизованности, культуры. Я убедилась в этом, в том числе, и на таком примере. Мне дважды посчастливилось наблюдать полное солнечное затмение. Но чтобы оно было именно полным, оба раза пришлось уезжать — один раз в Рубцовск, второй — в Новосибирск.

В Новосибирске это было целое городское событие — с ярмаркой, с буклетами, описывающими это явление и всё, что с ним связано, с продажей специальных очков и стекол, с возможностью наблюдать явление в стоящие на площади в ряд телескопы... Когда мы наблюдали затмение в Рубцовске, местные

жители смотрели на нас как на психов, даже не пытаюсь понять, что происходит и что в этом интересного. Я не хочу обидеть жителей Рубцовска, не их вина, что расширять их кругозор никто не удосужился.

А мы тогда и впрямь выглядели немного сумасшедшими: день выдался облачный, и мы на пазике буквально гонялись за просветами между облаками. Хорошо, что водитель оказался таким же, не роптал, а наоборот — с азартом колесил по городу, обгоняя другие машины. И мы все-таки поймали там полную фазу с роскошной солнечной короной... Я говорю, «посчастливилось», потому что в наших широтах ближайшее полное солнечное затмение произойдет уже более чем через сто лет.

Для того, чтобы понять, прочувствовать астрономическое явление, нужно иметь определенные знания и воображение, осознать те расстояния и величины, которые участвуют в явлении. Когда даже, так сказать, «он-лайн», в телескоп, показываешь человеку неподготовленному такое, например, редкое небесное явление, как прохождение Венеры по диску Солнца, он бывает разочарован: «Ну и что это?! Какое-то крошечное пятнышко ползет...» А нас от этого зрелища не оттащишь, потому что мы видим за этим и мощь, и красоту.

Ну, Сатурн еще как-то выручает: очень уж мило он в телескоп смотрится — такой «шарик с колечком»... Но все равно не слишком. «Очень маленький», — говорят... Наверное, только астроном способен, глядя на него, ощутить его реальные гигантские размеры.

Да, астрономия не стала моей профессией, но она дала мне кругозор. А, в целом, Дворец уже много лет объединяет нашу семью. Благодаря ему у нас в семье общие интересы. И благодарность моя ему за это имеет тоже астрономическую величину.

Вероника Тризно,

«Дошкольная Академия»

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«... Во Дворец меня привела мама, чтобы подготовиться к школе. Однажды я потеряла маму во Дворце, потому что он большой. Я ее долго искала, потом нашла ее в буфете...»

Настя Трубачева, художественная студия

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«... Когда я зашла в первый раз во Дворец, он показался мне сказочным. Больше всего в нем мне нравятся разноцветные окна. Я мечтаю не ходить в школу, а только во Дворец...»

Игорь Черных, хоровая студия «Глория»

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«...Кроме пения, я хотел бы посещать астрономический клуб «ИКАР», потому что я люблю изучать космос и нашу Вселенную, и мне хочется больше об этом узнать. А еще я хочу построить космический корабль, и чтобы меня показали по телевизору как главного конструктора корабля...»

Ксения Чернышева, «Синтез»

Фрагмент блиц-опроса учащихся

«... Однажды мои друзья притащили меня с собой на собрание в честь начала года у коллектива «Синтез».

Вытолкав меня и ещё одного парня прямо к лицу Анны Ивановны Григоровой, они сказали: «Возьмите этих двоих к нам, пожа-алуйста, они очень хотят!»

Вот так, напористостью друзей и милостью педагога я и занимаюсь в этом потрясающем коллективе!..»

Наталья Широкова

и Часовые Памяти

Торжественно чеканит шаг взвод молодых людей. Смена караула у Монумента боевой и трудовой славы томичей в Лагерном саду. Жесты точны и отточены, лица серьезны и одухотворены. Кто из нас ни разу не любовался этой картиной!

Открытие монумента состоялось 7 сентября 1979 года. И с первого же дня у Вечного Огня встали по-военному одетые юноши и девушки с учебным оружием в руках. Двадцать лет, начиная с того дня, школьники стояли на посту ежедневно. Сейчас мы их видим там только в Дни Воинской Славы России. За все эти годы

*Под синим небом четко величаво
Стоит солдат в шинели вековой,
И мать ему оружие вручает
Натруженной и ласковой рукой...*

**Александр Хлызов,
Выпускник Штаба Поста № 1**

на Посту № 1 несли службу более тридцати пяти тысяч томичей-подростков четырнадцати-восемнадцати лет.

Руководитель городской военно-патриотической программы «Память» Наталья Ивановна Широкова, возглавившая Пост сорок лет назад, вспоминает:

— Школы заступали по графику, еженедельно, но уже к концу декабря 79-го образовалась группка ребят, которые отстояв свой караул, с Постом расставаться не хотели, которых захватил этот дух, это дело. Они приходили к нам в караулку, общались, придумывали, как сделать службу интереснее, что-то советовали заступающим, в экстренных случаях кого-то подменяли... Таких ребят нельзя было потерять. Встал вопрос об их объединении. И это сделал Валерий Львович Карагодин, который создал Штаб Поста № 1 и стал его первым комиссаром.

Ребята, которые вошли в штаб, стали заниматься с теми, кто готовился заступать в караул. Стали проводить встречи с ветеранами, «музыкальные часы» по песням военных лет, отрабатывать строевой шаг, изучать военную историю, помогать координировать работу Поста... Все это происходит и до сих пор. Первоначально в штабе было пятнадцать человек, но одни, закончив школу, уходили, другие приходили,

численность Штаба постоянно менялась. Сейчас здесь около пятидесяти старшеклассников.

Никто не гонит сюда этих ребят, они приходят сами, по велению сердца. Кстати, первый такой Пост появился в стране в 1966 году в Волгограде. Но даже там эта традиция замирала на целое десятилетие. Наш Пост служит без пауз уже сорок лет.

– Наталья Ивановна, Пост № 1 с самого начала был структурным подразделением Дворца Пионеров?

– Да. Хотя в начале только номинально. В Лагерном саду нам выделили помещение, оно долгое время было для нас и караулкой, и учебным классом, так что «дворцовой жизнью» мы не особенно жили, были сами по себе.

Но грянула перестройка, все кинулись переоценивать ценности, в газетах появились материалы, типа «Пост или Показуха?», и вскоре мы своего помещения лишились...

– Что за глупость насчет «показухи». Тогда и памятники – показуха, да вот эти цветы – тоже показуха... И Вечный Огонь – показуха. Ведь все это не имеет практического смысла, но это красиво, это создает настроение, показывает наше отношение, нашу благодарность...

– Это вы мне объясняете? Мне этого доказывать не надо. Но тогдашний начальник ГорОНО Хуторянский не стал нас отстаивать... Сначала мы лишились отопления, и никто не собирался его чинить. Нам сделали печку-буржуйку, мы

*Валерий
Карагодин*

пробили потолок для трубы, и ребята, как в блокадном Ленинграде, приходили на пост со своими поленьями.

Когда школы перестали присылать ребят, на пост стали выходить только те, кто занимался у нас постоянно, потому мы стали ограничиваться праздниками... Особенно тяжело было с 93-го по 99-й. Мы тогда выживали, именно выживали.

И так было по всей стране. Мы приехали в Ижевск на слет Постов. Оказалось, из трехсот шестидесяти пяти их осталось тридцать. Мы остались несмотря ни на что. И не было такого, чтобы в праздники или в воскресенье кто-то не стоял на посту.

Выручать приезжали первые выпускники Штаба... Помню, приехал с работы на самосвале с углем наш выпускник Андрей Малышенко. Лицо черное, руки черные... Мы говорим, давай, быстрее одевайся, заступай в караул... А у нас и умыться-то нечем. Он снегом руки и лицо вытер, надел форменные брюки, полушубок и пошел...

Когда у нас окончательно помещение отобрали, отдыхающая смена стала греться в автобусе... И вот тут я, наконец, скажу добрые слова в адрес Дворца. В 99-м мы окончательно в него переехали. Татьяна Петровна Ефимова предоставила нам помещение и год нас не трогала. Сказала только: «Ищите формы выхода на школы. У нас детское учреждение, думайте, ищите, как стать нужными детям города». И мы нашли.

– И что вы нашли?

– Мы создали городскую военно-патриотическую программу «Память», которую я сейчас и возглавляю. В ней участвует более тысячи ребят с пятого по одиннадцатый класс. В программу входят военизированные игры, эстафеты, преодоление полосы препятствий, блиц-турниры и викторины, посвященные военной истории России, театрализованные

представления, смотры строя и песни... Много разных конкурсов. А в апреле из победителей и формируется рота почетного караула для проведения Вахты памяти, посвященной Дню Победы. Ну, а в другие Дни Воинской Славы России в караул выходит Штаб поста.

– Вам уютно, здесь, во Дворце?

– Да. Здесь мы имеем все, что нам нужно. Кроме меня, тут штатно работает еще пять человек, традиционно это наши же выпускники. Павел Кабанов – сегодняшний руководитель штаба. Я помню, как в штаб его, двенадцатилетнего, привел брат Яша. Анатолий Никитин, один из тех, кто в девяностые помогал Посту выжить. И сегодня на нем основные задачи – строевая подготовка, циклы по школе выживания. Михаил Рожнев выпускник 2005 года и Юрий Морозов (он служит в ОМОНе) ведут занятия по физической подготовке и самообороне. И еще один сотрудник, он у нас ребенком не занимался, это Денис Васильев, читает курс по Истории русского воинства.

– Наталия Ивановна, а расскажите о летнем лагере Поста № 1, очень многие о нем отзываются с теплотой ...

– Ну, еще бы. Это была настоящая «детская республика»... Пост открылся в 79-м, а в 80-м встал вопрос, кто будет стоять летом, когда школы не работают. Вот в этих целях и был создан летний лагерь Поста. С 80-го по 83-й он располагался на Потаповых лужках. Там было помещение бывшей лыжной базы, его мы приспособили под жилье для девочек, а парни жили в палатках. Всё ребята-штабисты там сделали своими руками, условия были, мягко говоря, спартанские, но никто не жаловался. Более того, это был первый лагерь Поста в стране. В 1984 году за представление опыта его организации и работы наш Пост № 1 был награжден Малой золотой медалью ВДНХ.

Однако, оказалось, что, выбирая место, мы нарушили правила техники безопасности, связанные с близостью к проезжей части, и пришлось нам переезжать. Нам предложили территорию с несколькими недостроенными домиками в Некрасово, это за аэропортом, мы их отремонтировали, привели в порядок, и лагерь находился там с 83-го по 86-й. Но когда у нас в гостях побывала директор детского дома из поселка Аникино, ей там так все понравилось, что она стала просить начальство, чтобы эту территорию отдали ее детскому дому.

Хоть нам и обидно было, мы не стали возражать, обездоленным детям, конечно, нужнее. Да и нам к городу будет поближе. Детский дом переехал в Некрасово, а мы вновь принялись обустриваться, теперь уже в Аникино. Скоро нужно было открываться, принимать ребят, а у нас ничего не было. И тут, покаюсь, с нашей стороны начался криминал. Мы ездили рано утром, часов в пять, по Томску на автобу-

се и высматривали, где можно украсть что-то из того, что нам нужно.

Нашли трубы для пожарной системы... Военный кабель с поста ГАИ свистнули... Кой-какие стройматериалы, урны с остановок, скамеечки, вагончики...

— Ну, хорошо, что вас не поймали, а этическая сторона вас не беспокоила?

— Вы видели фильм «Берегись автомобиля»? Вот мы и были такими Деточкинскими. Не воровали, а брали то, что нам было положено, но город не давал. И на благое дело. Вы говорите, многие вспоминают лагерь. И это естественно: проводили время там ребята прекрасно. Не буду рассказывать, думаю, вам и без меня много рассказали. Значит, мы правильно поступали. Это был 86-й год, дефицит всего, и это было начало перестроечного бардака. Плюс, бюрократическая машина вертится медленно, и если бы мы ждали, когда нам все принесут на тарелочке, лагерь открыл-

перейти к содержанию

ся бы через несколько лет или не открылся вовсе.

Начальником ГорОНО был тогда Роберт Капитонович Ларичев. Вот приезжает он с комиссией принимать лагерь и глазам своим не верит: скамеечки, урны, дорожки, палатки, столовая приведена в порядок, домик, в котором девочки потом жили, блестит чистотой, пожарная система готова, освещение по периметру... Говорит: «Эти плафоны мне что-то напоминают». Ну, я тогда ему призналась. Он как раз въехал в новую квартиру в новом доме, вот там мы, из его подъезда, эти плафоны и повыкручивали.

– Почему именно там?!

– Ну... Он все-таки свой человек. Если что, прикроет... Мы думали о наших прекрасных детях-патриотах. Кстати, вот вам показательный момент того, как тогда все решалось. Что это был за домик, который сперва отдали детскому дому, а потом он перешел нам? Это была дача одного высокопоставленного томского чиновника, непонятно на какие деньги и по какому праву там построенная. Там нарушение на нарушении вскрылось. И ему сказали: или отдаете этот дом детям, или заводим дело. Он отдал. И спокойно продолжал заниматься свой пост.

– Да-а, времена...

– Самое смешное, что когда мы все сделали, там снова появилась директор того же детского дома. Посмотрела и говорит: «Вот я дура была, какое хорошее место отдала. Хочу обратно сюда». Но тут уж мы горой встали и не отдали лагерь.

– А, кстати, как вы вообще стали руководителем Поста?

– В 72-м я закончила томский педагогический институт и по распределению попала в школу № 10, это Заисток. Семь лет я проработала в 10-й школе преподавателем русского языка

и литературы. За это время я была секретарем комсомольской учительской организации, потом партийной учительской организации. В 79-м директор школы уходила на пенсию. Меня вызвали в Кировский райком партии и предложили: «Или ты идешь директором, или есть другой вариант – возглавляешь Пост № 1».

Я слишком хорошо знала, каково это – быть директором десятой школы, – когда затапливает подвал, когда течет крыша, когда дети через одного – хулиган... И я сказала, что пойду на Пост № 1, хотя толком и не представляла, что это такое.

– И вот вы тут уже сорок лет...

– Да, и ни разу не пожалела. На протяжении всего этого времени, независимо от отношения к нам руководства, я видела, что мы нужны ребятам. Я видела, как у них глаза горят. Когда вокруг бушевали политические бури, подростку трудно было найти какую-то опору, трудно было любить родину, когда в газетах ее поливали грязью. Но тут они эту опору находили. Многие от нас ушли в армию, стали военными. Многие шли служить в милицию, а позже в полицию...

– А девочки?..

– А из девочек наших получают прекрасные педагоги. И в военные училища они тоже поступают. Ну, а изначально девочки тянутся сюда, потому что у нас парни хорошие – чистые, твердые, настоящие джентльмены. А еще у нас красивая форма, это девочек тоже привлекает.

Сейчас в Штабе 50 человек, а в роте почетного караула 120 человек. Желающих же попасть туда приходит в апреле человек 300–400. Знаете, какой рев стоит из-за того, что кого-то не приняли...

– Наверное, для того, чтобы к вам попасть, нужно хорошо учиться?

– Это, конечно, желательно, но никогда не стоял вопрос так, чтобы были только отлич-

ники. Подросток может и плохо учиться, а вот шагает лучше всех, служит не за страх, а за совесть... Учеба — это одно, а патриотизм — другое, и не всегда это совпадает.

— **Наталья Ивановна, детям-то вы нужны, это ясно, а вот местным властям, судя по вашему рассказу, как-то не очень. То у вас лагерь отбирают, то буквально подталкивают на воровство для его обустройства, то отнимают караулку...**

— Ну, это все-таки не совсем так. Просто мы существуем очень долго. Причем, в эпоху перемен. Менялись начальство, идеология, государственные структуры, все менялось. И отношение к нам менялось. Бывало, кроме оплеух, мы получали и награды, и поощрения, и финансирование... Лично у меня есть медали, из которых самая дорогая для меня — медаль «Патриот России». Потому что так оно и есть.

Двадцать лет без своего караульного помещения это, конечно, позор нашим местным властям. Но когда нам надоело безрезультатно обивать пороги, выпускники сделали видеосюжет о том, как рота почетного караула строится рядом с бывшим караульным помещением обмотанным лентой с надписью «Опасно для жизни», и отправили в приемную президента... И, похоже, караулку нам к 75-летию Победы построят. И вообще, в данный момент мы, вроде бы, снова в фаворе. Училища связи теперь нет, медицинского военфака тоже, так что на все торжества, где нужен почетный караул, зовут нас...

Или вот Дворец. Чтобы вокруг не происходило, он в трудную минуту всегда нас поддерживал. И сейчас терпит, за что ему еще раз спасибо.

перейти к содержанию

Марина Шульга. Ода «колобкам», или Нужны ли нам утконосы

Я родилась в Кривошеино. Поступила в Томский Колледж культуры и искусства, мечтала быть хореографом. Окончила колледж и пришла работать в сороковую школу, где и проработала пятнадцать лет преподавателем хореографии.

Еще когда училась в колледже, у нас занятия проходили во Дворце, тут мы сдавали и государственные экзамены по специальности. Это была моя первая встреча с Дворцом, уже тогда его стены показались родными.

А по-настоящему я познакомилась с ним, когда в лагере «Огонёк» отработала две смены с педагогами из Дворца... Они были какие-то особенные – интересные, дружные, веселые, доброжелательные. Я сказала: «Ребята, вы там спросите, вдруг нужен во Дворце хореограф». И оказалось, нужен – в игровой клуб «Колобки».

Руководителем «Колобков» была Татьяна Юрьевна Путилова. Первые три года я была совместителем, параллельно с работой в школе. И все эти годы Татьяна Петровна Ефимова спрашивала меня: «Ну что, когда перейдешь к нам окончательно?» Но я все откладывала, у меня были на это причины.

Десять лет назад, в 2009-м, я, наконец, решилась. И вот, я перехожу сюда, и одновременно с этим увольняется Татьяна Юрьевна. И я впервые вижу Татьяну Петровну Ефимову в проеме нашего кабинета. До этого мы встречались с ней только в ее кабинете или в фойе, а тут – «высочайший визит». Я сразу поняла, что происходит что-то важное.

Так и оказалось. Татьяна Петровна сказала мне: «Марина, у меня есть к тебе разговор. Ты знаешь детей, ты уже не первый год здесь... Давай-ка, попробуй себя руководителем коллектива».

Мне было страшно. Хореография и игровая деятельность – вещи очень разные, поэтому я не смогла ответить сразу и попросила дать мне время подумать. Почему я сразу не отказалась? Потому что, во-первых, мне было не только страшно, но и интересно. О том, что

я могу быть не только хореографом, я впервые задумалась, когда была в лагере «Океан». Там у меня появилась идея объединить ряд хореографических номеров в единое, имеющее общий сюжет, произведение. Во-вторых, у меня были определенные амбиции. Еще работая в школе, я сумела вывезти свой танцевальный коллектив на фестиваль в Берлин. Ну, и, в-третьих, это были уже мои ребята, и я хотела им помочь. Но справлюсь ли я?

Подумать мне Татьяна Петровна дала три дня. Но мне хватила одной ночи. Уже на следующий день я пришла к ней и сказала: «Давайте, я попробую».

Надо понимать, что «Колобки» не театральная студия, не театральный кружок. Спектакли — это то, что лежит на поверхности, то, почему о нас судят окружающие. На самом же деле, это, так сказать, «побочный продукт» нашей деятельности. Девяносто процентов работы клуба — общение ребят друг с другом и с педагогом, направленное на воспитание важнейших человеческих качеств, в том числе лидерских и организаторских, на раскрытие талантов.

И вот тут мне невероятно повезло. В «Колобки» тринадцатилетними пацанами ходили

двое парней — Дима Шкуратов и Миша Лосев. Они были очень увлечены нашей жизнью, с удовольствием задерживались после занятий, пытались шутить, что-то придумывали, делали нашу жизнь интересной... И вот эти два человека, стали моими добровольными помощниками во всем, что касалось внутренней жизни коллектива. Жизнь закипела. Детский коллектив постепенно обрастал друзьями ребят.

С ними мы придумывали летние загородные смены, с ними решили поехать в Москву на фестиваль игровиков «Ярмарка затей» в 2012-м году и не побоялись этого. С ними было не страшно организовывать потом свой фестиваль — «Играй-город». С ними мы впервые решили делать игровые интерактивные спектакли. С ними мы впервые вышли и на серьезную сцену — поучаствовали в театральном фестивале «Майский жук» в ТЮЗе.

Не меньшей трудностью для меня стало все, что касалось не внутренней стороны, а внешней. Когда ты сюда только приходишь, ты чувствуешь себя, как слепой котенок: ты не знаешь, куда бежать, какие расписания в какие кабинеты сдавать... Если тебя нужно организовать концерт, какие микрофоны и у кого просить, кому и сколько заявок писать...

И вот тут меня на первых порах очень поддержала администрация Дворца, да и весь коллектив. Вот тут-то я и убедилась в том, что не случайно была очарована ими. Эта поддержка привела к тому, что я чувствовала себя, как героиня сказки «Красавица и чудовище»: все мои затруднения устранялись как бы сами собой.

Мне трудно рассказывать о нашей основной, «внутренней», жизни. Тут можно написать целую книгу, вроде «Педагогической поэмы». С другой стороны, рассказывать публично исто-

рии настоящих людей не хочется: это их жизнь, я не уверена, что имею на это право. Скажу только, что невероятно интересно и радостно наблюдать, как пришедший к нам ребенок, необщительный, агрессивный, зависающий в телефоне, затюканный школьной нагрузкой, где-то через полгода становится совсем другим: открытым, веселым, способным договариваться. И радостно видеть, как выходят наружу таланты, о которых он и сам не подозревал...

Кстати, возможно, вот это как раз главное, что мы воспитываем тут то, чего так в наше время не хватает людям, — способность позитивно общаться, умению договариваться.

Сейчас в нашем клубе девяносто три ребенка, и «лишних» среди них нет. Бывают такие ребята, которые приходят к нам «готовыми», сразу показывают себя и актерами, и заводилами, поют, танцуют и все, что хочешь еще. Но чаще, и это даже интереснее, когда ребенок, вроде бы, «никакой», закрепощенный, неинициативный... Он впитывает, впитывает в себя, как губка, и вдруг — р-раз — и показывает себя не менее талантливым, не менее ярким, чем окружающие.

Я лучше расскажу о нашей «внешней» стороне — о спектаклях. В прошлом году мы поставили пьесу Евгения Шварца «Обыкновенное чудо». Сложность была в том, чтобы отрешиться от гениального фильма Марка Захарова. Если бы мы начали на него ориентироваться, вышло бы полное безобразие. Ведь там все, даже самые эпизодические, роли играют звезды — Миронов, Абдулов, Леонов, Симонова, Янковский, Соломин... Да все там — актеры недостижимого профессионализма и таланта... Так что мы пошли своим путем, и получилось хорошо.

Вообще, невероятное удовольствие получаю от подготовительной «поисковой» рабо-

ты: изучения эпохи событий, архитектуры, живописи, нравов... И от работы с музыкальным материалом, с хореографией. Это вызывает большой зрительский отклик. И всегда хочется сделать что-то нестандартное. Например, в новогоднем спектакле по мотивам «Золушки» Шарля Перро, «Тайна волшебной туфельки», фея у нас, к восторгу зрителей, читает рэп со всеми соответствующими замашками. А в «Волшебной лампе Аладдина» играли живые музыканты, молодая рок-группа. Возраст артистов и музыкантов совпадал.

В Москве, в рамках фестиваля «Ярмарка затей», побывали театре «Театриум на Серпуховской» Терезы Дуровой, остались в абсолютном восторге от спектакля «Огниво» и, когда возвращались в Томск, с «Колобками» очень горевали, что этот спектакль не увидят томские ребята. И пришли к единому мнению поставить в ее — именно в такой, «дуровской» — трактовке. С музыкой, с песнями, с удивительными образами собак, которым во всех других постановках вообще не уделялось внимания.

Сделали, конечно, «по мотивам», но очень довольны этой работой. Из своего, придуманного, нравится сцена, когда принцесса (совсем еще девчонка, конечно) рассуждает, как это ее вдруг «выдадут замуж». Обсуждает это с такими же девчонками в спальне, прямо как в пионерском лагере после отбоя, и их смешная болтовня переходит в бой на подушках, к которому подключаются и зрители...

Самое сложное в игровом спектакле вернуть внимание зрителя обратно из игры в действие. И в «Огнive» это удачно обыграно: является король, начинает ругаться, как любой нормальный папа, и принцесса, и зритель вместе с ней, прижимают уши.

Взяться за интерактив и не провалиться — не так-то просто. Но сегодня мне кажется эта форма необходимой. Дети не высиживают долгий спектакль без какой-то «движухи». Мне очень обидно было, когда на великолепном спектакле «Лететь!» в ТЮЗе стоял гул: дети потеряли интерес к происходящему на сцене и общались между собой...

Интерактивных спектаклей у нас много. «Приключение в сказочном королевстве» по «Бременским музыкантам», «Иван царевич и серый волк», как путешествие за пером жар-птицы вместе со зрителями, «Мэри Поппинс»...

А в 2017-м году мы, как говорил режиссер из фильма «Берегись автомобиля», «замахнулись на Вильяма нашего Шекспира»: поставили спектакль «РiД» — «Ромео и Джульетта». Продиктовано это было желанием ребят. Подросткам иногда хочется заняться чем-то «серьезным». Я-то считаю, что ничего серьезнее сказки нет... Но мы все-таки взялись за Шекспира. В материальном смысле этот спектакль был слеплен из ничего. Кинули клич в Интернете: у кого есть старые джинсы?! Нам их на-

таскали, и костюмы у нас сшивные — из этой самой джинсы и бархата. Что символизирует слияние старины и современности и отражает стиль эпохи Возрождения.

Ведь история эта вечная — о любви и о вражде. А музыку мы использовали — рок. Потому что гнев — это второе по важности чувство в пьесе, после любви. А никакой другой музыкальный жанр, на мой взгляд, не может так выразить гнев, как рок. В танцевальных номерах музыка средневековая, но в современной обработке — с бас-гитарой, с ритм-секцией. Чтобы танец был аутентично-средневековым, но музыка у современного подростка не вызывала отторжения, скуки.

Почему мы взяли именно «Ромео и Джульетту»? Потому что именно с подростком нужно говорить о любви. О настоящем сильном чувстве, а не о том, что сегодня выставляется напоказ в кино и попсовых клипах.

И все-таки, работая в «Колобках», я почувствовала, что моего узко-хореографического образования недостаточно, недостаточно знаний. Я заочно поступила в Санкт-Петербургский институт культуры и сейчас — на пятом курсе. «Режиссура эстрады, эстрадных программ, шоу-программ и театра». Учеба помогает. И прямо, и косвенно. Например, я познакомилась в Питере с «новым театром», посещая постановки Юрия Бутусова. Текст там сохраняется классический, а вот визуальная подача достаточно неожиданная. Чем-то это напоминает театр Мейерхольда, театр Брехта. И меня как режиссера эти эксперименты вдохновляют.

А как педагога меня вдохновляют «детские подвиги». Когда, например, ребенок из одиннадцатого класса ближе к Новому году старается учиться так, чтобы его потом уже не трогали, и он был бы полностью свободен, мог бы

спокойно отыграть все «ёлки». То есть сам добровольно создает себе удвоенную нагрузку, лишь бы потом быть «со своими».

Это подкупает. И самой хочется совершать подвиги для них. Например, пойти на летнюю смену в лагерь. Когда у тебя есть выбор – отдыхать и наслаждаться солнышком или быть в постоянном напряжении педагога в лагере, соблюдать режим и прилагать максимум усилий, чтобы детям было интересно – это действительно жертва.

Чтобы проиллюстрировать то, что спектакль для нас не самоцель, а только способ раскрыть подростка, расскажу, что во время постановок, на репетициях, да бывает и на выступлениях, ребята меняются ролями. Чтобы это была именно игра, а не работа. Результат иногда поражает.

Так Давид Маргарян успешно сыграл в спектакле «Ванюша, Ваня, Иван Петрович» злодея Ярахту. И вот мы делаем новогодний спектакль на паркете – «Бременские музыканты», и он вдруг говорит: «Я хочу попробовать роль короля». Я ему: «Да какой из тебя король?..» Но он одевается, натягивает парик, перчатки и показывает класс. Такого манерного, такого изнеженного короля у нас еще не было...

Сейчас Давид работает в театре Ермоловой, он помощник Олега Меньшикова. Я вообще очень дорожу дружбой с выпускниками. Когда я делаю ребенку замечание, до него, бывает, не сразу доходит. А вот когда то же им говорит выпускник, который вчера был таким же, как он, замечание, как по волшебству, усваивается.

Когда мы в последний раз ездили в Москву, над нами там «взяли шефство» два выпускника – все тот же Давид и Миша Лосев (он сейчас учится в Институте культуры и искусства имени

Иосифа Кобзона). Они приехали на фестиваль, поддержали нас на выступлении, общались с ребятами, вдохновляли их.

Этот московский фестиваль – «Ярмарка затей» – организовала Елена Карташова, та самая, которая когда-то жила в Томске и создала «Колобков». Мы дружим. И мне очень было радостно, когда она сказала, что на ее взгляд, «Колобки» остались себе верны, что они такие же, как и во времена ее руководства.

В заключение я хочу сказать пару слов о Дворце и о «Колобках», точнее, обо всем игровом направлении.

О Дворце. Это идеальное место работы для тех, кто сейчас выпускается из колледжа культуры, из творческих вузов, потому что здесь есть такая возможность творческой реализации, творческого развития, какой нет нигде.

Об игровом направлении. У нас не готовят таких специалистов. Готовят в Челябинске, и там очень сильная школа. Могу судить по программам наших друзей – челябинского коллектива «ШарМордЮК», который работает там при обычной общеобразовательной школе. Мы познакомились на «Ярмарке затей» и очень друг другу понравились.

Так вот. Это очень плохо, что игровое направление у нас слабо развито. Хореографических коллективов в стране тысячи, вокальных – не меньше, театральных тоже, а игровых – нескольких десятков. А ведь именно в игре ребенок познает мир и себя. Игра – идеальный инструмент для воспитания. А когда начинаешь об этом говорить в высоких инстанциях, на тебя смотрят, как на утконоса, который и не утка, и не бобр, а не понять что. А утконосы нужны, на самом деле, не меньше всех прочих животных. И во Дворце они, слава богу, водятся.

Дворцовская закваска, или Рассказ о «коллективе без талантов»

Алексей Игнатьевич ЩЕРБИНИН,
зав. кафедрой политологии ТГУ, профессор

Моя деятельность во Дворце началась на границе между пионерским настоящим и неизвестным будущим. Сентябрь 1991 года, Форос и грядущий конец Страны Советов. Морально-политическая изоляция всего, что было связано с компартией и непонятные перспективы у страны, у народа. И, если честно говорить о прошедшем тридцатилетии, больше всего от этого пострадали дети.

Стать научным руководителем «Школы Молодого Лидера» меня пригласили основатели нового дворцовского этапа Татьяна Пшеничникова, Анатолий Черняйкин и Владимир Игишев, имевшие колоссальный опыт работы с детьми и молодежью и при этом обладавшие чувством нового. Было и у меня такое чувство, было и пионерско-комсомольское прошлое, была даже пионервожатская практика на историко-филологическом факультете ТГУ, но не более. Я, в отличие от моих однокашников по истфаку, в школе не проработал ни дня.

Было другое – увлечение темой гражданского образования, политического воспитания, и был авантюризм той эпохи, когда впервые можно было что-то начать без согласования с партийными органами. И началась моя деятельность во Дворце с участия в форми-

ровании программы, коллектива учащихся и преподавателей. В итоге получилось то, что Татьяна Петровна Ефимова любила потом называть «коллективом без талантов»: ни спеть, ни станцевать.

Сначала программой предусматривался двухгодичный цикл (10–11 классы), но популярность росла, и с 1994 года был добавлен

подготовительный цикл для учащихся 9-х классов. Учебная нагрузка на одного слушателя в год была 104 учебных дня, примерно 400–500 часов, включая консультации, общественно-политическую практику, исследовательскую работу.

Сегодня, глядя как в ТГУ для первого курса выделен целый год на «прояснение картины мира», лекции по какой-нибудь «великой книге» и формирование критического мышления, я как сон вспоминаю, как оформил для наших школьников читательские билеты в Научку и как они выходили оттуда с кипой книг (не учебников) по античной истории, русской истории, истории культуры, основам теории государства и права — для чтения и самостоятельного осмысления.

«Школа молодого лидера» (ШМЛ) наряду с основной целью гражданского образования

и утилитарной задачей — углубленной подготовкой старшеклассников к поступлению в высшие учебные заведения на гуманитарные факультеты — ставила перед собой задачей заложить основы научного творчества через систему индивидуальной научной работы с преподавателями, ежеквартальные конференции, городские конкурсы, деловые игры и т.д.

В связке с основными предметами и практиками давались знания и навыки по риторике, мастерству публичного выступления, поднимались и обсуждались философские проблемы.

Другой формой работы по политическому обучению и гражданскому воспитанию является созданная в 1995 году «Академия лидерских наук». Это профильная смена для старшеклассников Томской области с продол-

жительностью от двух до трех недель, проводимая на базе лагерей отдыха. Впоследствии АЛН стали проводить в период каникул в течение года. В отличие от ШМЛ здесь вся интрига была завязана на деловую игру, а последняя начиналась с выборов.

Кстати. Сегодня я являюсь председателем Городской Палаты общественности, и недавно на ее заседании всплыл вопрос о летнем отдыхе детей-инвалидов. Заговорили о возможности вывозить их на отдых в загородный лагерь, и взрослые дяди на полном серьезе уверяли, что этого делать нельзя, что такие дети должны сидеть дома, что это им будет тяжело, бессмысленно, и они не смогут поладить с нормальными детьми...

А у нас в те времена в лагере Поста № 1 был целый отряд таких ребяташек – и дауны, и ДЦП-шники, и дети с врожденным инфарктом... И они участвовали во всех наших делах, в тех же выборах, жили полноценной жизнью. И не было ни одного случая, чтобы кто-то кого-то дразнил или как-то еще обидел. И потом, уже после лагеря, некоторые из них продолжали с нами дружить.

Деловая игра «Выборы» до сих пор жива на просторе томской молодежной политики,

но нередко нынешним организаторам не хватает «реальности воображения». Того, что лежало у нас в основе формирования «Детско-юношеского парламента» (ДЮП) и вполне конкретных проектов: по трудоустройству, по работе телефона доверия «Подросток-подростку», информационно-социологической службы и ставшей постоянной акции «Теплый дом» (сначала нацеленной на помощь теплыми вещами солдатам в Чечне, а потом уже ставшей центром помощи нуждающимся гражданам Томска).

Можно продолжать разговор: ДЮП существует и поныне, это заинтересованные ребята, и у них во Дворце – хорошая практика общественной жизни. Все остальное – уже история, которая вспоминается с известной долей гордости за себя, за коллег, и за Дворец.

Не могу сказать за всех наших выпускников, но у тех из них, кого я знаю и с кем дружу до сих пор, лидерские качества начали проявляться уже на этапе обучения. Сегодня это известные в своих отраслях и в городах люди, обремененные научными степенями (и без них), которым явно пригодилась «дворцовская закваска», а, возможно, именно она и сделала их известными и успешными.

Павел Янчук: Дворец – это люди. Настоящие люди

Я попал во Дворец впервые в 2002-м, когда команда КВН из моей школы выступала в полуфинале городской школьной лиги. Я выступал вместе с ними, но сейчас я бы не назвал это выступлением КВН. Это скорее можно назвать «Бред Синегубова» или как-то еще более грубо. Сейчас, уже десять лет редактируя школьный КВН в Томске и области, я могу сказать, что команду с таким репертуаром я бы не выпустил на сцену. Мало того, что там было очень много чужого материала, он еще и не был смешным.

После нашей «феерии» в первом полуфинале мне удалось посмотреть второй полуфинал из зала. В игре соревновались «АкадемЛицей» и «Школьники» из первой гимназии. За «академ» тогда блистали уже взрослые Костя Маласаев и Андрей Бурковский, а за «Школьников» Голосуцкий, Шипунов и Скальницкий – мои будущие друзья и сокомандники. Но тогда я об этом еще не знал.

Моё «второе пришествие» состоялось в том же году, но уже на финал, где против «АкадемЛицея» играли «Пробел» и «Черно-белое Кино», в простонародье «ЧБК». Выиграл тогда «Пробел», но что конкретно они показывали, я не помню. Но помню, что народу в зале было так много, что некоторым приходилось сидеть на ступеньках, а сам Дворец казался чем-то громадным, необъятным. Особенно это чувствовалось в сравнении с Домом детского творчества «Созвездие», в который я ходил на несколько кружков.

А далее, как и всё самое лучшее в нашей жизни, случилось по иронии судьбы. В марте

2003-го года на нашу гимназию была выделена квота участников на фестиваль «Новая Цивилизация». Квоту распределили по всем девятым классам, и до меня, человека с фамилией на «Я», очередь, конечно, не дошла. Но дети не были бы детьми, если бы кто-то из них не отказался/заболел/не смог. Я отчетливо помню, как мои одноклассники спрашивают у меня, хочу ли я поучаствовать в фестивале. Я не знал, ни что это за фестиваль, ни почему в нем надо участвовать, но моё любопытство и желание пропустить пять дней

школы было сильнее логики. Так я и оказался во Дворце в третий раз.

Фестиваль начался для меня совершенно особенно. После регистрации и получения футболок всех участников собрали в зале, где до нас довели официальную информацию, и я под это дело мирно уснул. И даже не сидя, а лёжа – расположив своё, тогда еще худое, тело под ручками нескольких соседних кресел. Меня тогда даже сфотографировали, и эта фотография уже больше пятнадцати лет висит у меня дома.

Потом мы разошлись по командам, и уже в кабинете выяснилось, что есть команды,

которые представляют одну школу, а есть наша – «команда-солянка». Педагог, которого приставили к нам от одной из школ, сразу сказал, – «Ребята, я с вами пять дней тут прожить не собираюсь», – и был таков. А нам надо было «организовать государство»: выбрать, кто из нас будет президентом, кто министром экономики, кто министром образования, кто пойдет наблюдателем на выборы. Процессом взялась рулить девочка Маша.

Она взяла в руки книгу с правилами и начала читать: «Для начала надо выбрать президента. Кто-нибудь хочет быть президентом?» На что Леша Сырочев из нашей гимназии ух-

мыльнулся и сказал: «Ты что, серьезно думаешь, что кто-то вот так признается, что хочет быть президентом?» Он сидел в одном ряду со мной и не заметил, как я уже поднял руку, сразу после вопроса. Причем поднял руку я один. Так я стал президентом «Новой России». Звучит, конечно, сильно.

Фестиваль закончился, и тем, кому понравилось на фестивале, предложили прийти на встречу, где нам должны были рассказать о школьном самоуправлении. Как сейчас помню, на этом сборе уснул Мануйлов. Результатом собрания стали формирование актива и наши периодические встречи, ведь тогда у клуба еще не было своего дома, он появился только десятого сентября 2003-го года.

Десятое сентября вообще оказалось очень важным днём в моей жизни. Именно в этот день впервые собралась новая команда – «ЧБК», а позже в этот же день был открыт клуб «Новая цивилизация». Как сейчас помню, что на первом сборе команды КВН мы сидели и пришивали нашивки на форму «Новой Цивилизации» – безразмерную рубашку темно зеленого цвета. Сбор КВНщиков тогда проходил в ДЮЦ «Сатурн», но, спустя буквально несколько месяцев, мы стали командой Дворца: получили свой кабинет и площадку для постоянных выступлений.

Без лишней скромности скажу, что Дворец в те годы – это Дворец, в котором «наводили движение» мы. Мы буквально жили в нем и участвовали во всём. Как говорится: «Сами шутим, сами смеемся».

А шутили мы много. Вообще, Дворец – это такое место, где мы продлили свою жизнь лет на десять точно. К примеру, был такой случай. «ЧБК» попросили выступить перед какими-то очередными гостями дворца

с номером «Винни-Пух и Пятачок встречают хулиганов». Это синхробуфонада – жанр, где все фразы нарезаны из фильма, а актерам нужно открывать рот и попадать в фонограмму. В конце этого номера была такая сцена: ширма закрывала актеров, звук взрыва, ширма открывается, актеры лежат в одной куче, в живых остался только Винни-Пух, который пишет письмо «любезной Екатерине Матвеевне». Куча на фоне должна быть недвижимой. Но не в этот раз. Кто-то из участников кучи начал щекотать соседа. А двигаться-то нельзя, зритель в зале. Приходилось просто истерически смеяться. В итоге куча гоготала так, что увеличивалась-уменьшалась туда-сюда...

Насчет выступлений. В это сложно поверить, но у команды «ЧБК» проходили сольные концерты. Сольные. Концерты. У школьной команды. Сейчас у некоторых взрослых телевизионных команд не проходят сольных концертов, потому что они не в состоянии выдать столько разнопланового материала. А нам удавалось.

«Новая Цивилизация» – это не просто школьное самоуправление или молодежное движение. НЦ – это люди. Люди, которым не всё равно. Сказать, что я благодарен этому проекту – не сказать ничего. Он познакомил меня с Голосуцким, который потом позвал меня в «ЧБК». Он познакомил меня с Ерёминой, Зыковой и Зотовой, которые порекомендовали мне идти учиться на PR в ТПУ, «ведь у тебя точно получится». Я бесконечно счастлив, что жизнь познакомила меня со всеми, с кем мы до сих пор дружим, поддерживаем теплые отношения, воспитываем детей и вспоминаем нашу «дворцовскую молодость».

Дворец – это люди. Настоящие люди.

Эта книга о вас!

(Словарь имен*)

Абрамова Земфира – стр. 31, 114, 122
Агеева Василиса – стр. 138
Агеева Настя – стр. 135, 138
Агеева Наталья – стр. 138
Азарова Василиса – стр. 17
Александров Дмитрий – стр. 20
Александрова Катя – стр. 44
Алексеева Ольга – стр. 24, 40, 44, 87
Алтухова Елена – стр. 29
Ананин Андрей – стр. 33
Андреев Валерий – стр. 79
Андреев Максим – стр. 79
Андреева Дуся – стр. 33
Антонов Виктор – стр. 50, 125
Аржанник Наталия – стр. 168
Аржанникова Марина – стр. 34, 81
Аржанникова Полина – стр. 34
Астафурова Юлия – стр. 36
Афанасьев Борис – стр. 57
Ахметшин Марат – стр. 68
Бабарыкин Игорь – стр. 7, 23
Бабенко Алексей – стр. 50
Баева Аня – стр. 39
Байтингер Андрей – стр. 40
Бакленев Юра – стр. 125
Балабанова Наталья – стр. 87
Балашов Сергей – стр. 5
Барановская Лиза – стр. 150
Белозеров Андрей – стр. 45
Белозеров Олег – стр. 47
Беляев Юрий – стр. 5, 119
Березин Никита – стр. 28
Богачева Раиса – стр. 50
Богданова (Мошко) Яна – стр. 166

Бубнова Елена – стр. 170
Будаев Игорь – стр. 16
Буйнова Даша – стр. 39
Буркин Константин – стр. 6
Буркин Станислав – стр. 6
Буркин Тимофей – стр. 6
Буркин Юлий – стр. 5
Буркина Александра – стр. 6
Бурковский Александр – стр. 29, 123, 126
Бурова Елена – стр. 19, 51, 168
Бушухин Глеб – стр. 57
Вайс Алексей – стр. 104
Ванин Сергей – стр. 97
Ванина Ольга – стр. 97
Варга Татьяна – стр. 50, 143, 147
Варенцова Элеонора – стр. 35, 50, 55, 142, 154
Васильев («Джодич») Александр – стр. 55, 66
Васильев Денис – стр. 176
Васильева Ольга – стр. 59
Васькина Ольга – стр. 16, 38, 49, 62, 131
Вдовкина Мария – стр. 84
Вершинина Анна – стр. 138
Вишнякова Елена – стр. 87, 98
Волкова Валентина – стр. 59, 62, 63, 112
Володина Диана – стр. 136
Воробьев Ростислав – стр. 50
Воронков Ваня – стр. 28
Воронков Евгений (Отец Евгений) – стр. 28
Воронков Ульянов – стр. 28
Воронкова Мария – стр. 28
Гареева Ева – стр. 65
Гегелева Зоя – стр. 6
Гертнер Олег – стр. 6, 19, 113
Гиршман Юлия – стр. 119
Головин Игорь – стр. 20
Голосуцкий Илья – стр. 188, 190
Горкалцев Виталий – стр. 28
Городецкий «Боб» Борис – стр. 129

* В перечне даны имена упомянутых в книге работников, учащихся и выпускников ДТДиМ

- Григоренко Иван – стр. 66, 130
Григорова Анна – стр. 145, 173
Григорьев Григорий – стр. 112
Григорьев Юра – стр. 79
Гринкевич Стас – стр. 127
Гришаева Татьяна – стр. 7, 27, 63, 74, 84, 147
Губанова Елена – стр. 143
Губина Любовь – стр. 6
Гулина Александра – стр. 91
Гуминых Ольга – стр. 168
Гурьев Вадим – стр. 79
Гусева Лена – стр. 168
Гутов Артем – стр. 68
Давыдов Миша – стр. 57
Данильченко Виталий – стр. 127
Данков Артем – стр. 69
Дворников Михаил – стр. 115
Дедова Ира – стр. 109
Дешковская Нелли – стр. 79
Диренок Анна – стр. 171
Долганов Артем – стр. 127
Долгов Борис – стр. 83
Долматов Алексей – стр. 170
Дорожкина Галина – стр. 108, 155, 160, 164
Дорохова Екатерина – стр. 168
Дохленко Владимир – стр. 45, 46
Дроздов Дмитрий – стр. 66, 79
Дусеев Ильгиз – стр. 155
Дусеева Галия – стр. 33, 154
Евсюткин Иван – стр. 168
Еремеева Анна – стр. 160
Ерёмина Валентина – стр. 132
Ерёмина Евгения – стр. 72, 79, 132, 133, 190
Ерёмина Наталья – стр. 72, 73, 132
Ефимова Татьяна – стр. 7, 13, 14, 15, 16, 34, 35, 48, 56, 59, 61, 63, 72, 74, 75, 76, 80, 84, 87, 92, 93, 101, 113, 115, 123, 132, 134, 158, 167, 176, 180, 181, 185
Ефремов Петр – стр. 57
Железчикова Соня – стр. 74
Жукевич Елизавета – стр. 104
Завьялова (Обносова) Галина – стр. 61
Залешин Сергей – стр. 96
Залозный Григорий – стр. 77
Замятина Любовь – стр. 48
Запускалова Елена – стр. 97
Зверев Александр – стр. 58
Зейля Лиза – стр. 131
Золотарев Владимир – стр. 20
Золотарева Вера – стр. 74
Золотов Паша – стр. 57
Зотова Ольга – стр. 190
Зыкова Ирина – стр. 79, 190
Зырянов Вячеслав – стр. 103
Иванова Анна – стр. 28
Игишев Владимир – стр. 71, 72, 75, 127, 132, 185
Игнатьева Галина – стр. 80
Ильясова Альфия – стр. 34, 81, 164
Икрина Аня – стр. 84
Истомин Сергей – стр. 87
Истомина Елена – стр. 6, 85
Иценко Максим – стр. 48
Павел Кабанов – стр. 176
Калабухов Александр – стр. 80
Калашников Елисей – стр. 89
Калашникова Василисса – стр. 89
Калиниченко Агата – стр. 92
Калиниченко Светлана – стр. 90
Камалова Людмила – стр. 78
Капарулин Дмитрий – стр. 171
Капранова Валентина, «Баба Валя» – стр. 59, 86, 119, 120
Капустин Игорь – стр. 50
Карагодин Валерий – стр. 174
Карташова Елена – стр. 18, 52, 53, 93, 125, 142, 184
Качин Денис – стр. 94
Квирам Валерий – стр. 113
КессНикита – стр. 94

- Кесс Сергей – стр. 96, 162
Киреева Алевтина – стр. 49, 100, 141, 170, 171
Кириллов Андрей – стр. 46
Киселева Дина – стр. 79
Киселева Марина – стр. 87
Ковалева Марина – стр. 63, 114, 115
Козлов Сергей – стр. 58
Колбин Роман – стр. 105
Колемасов Андрей – стр. 108
Колесова Катя – стр. 110
Командаков Семен – стр. 110
Комаров Иван – стр. 59
Кондратьев Володя – стр. 58
Кончевская Нина – стр. 111
Корнева Ирина – стр. 19
Коровин Борис – стр. 20, 21
Котляров Александр – стр. 79
Кочергин Виктор – стр. 13, 59, 61, 111, 112, 114, 115, 119, 121, 130
Крестинин Вячеслав – стр. 137
Кривых (Алымова) Елена – стр. 168
Кудинов Юрий – стр. 13, 63, 114, 115, 130
Кузляев Мирослав – стр. 7, 116
Кузьмин Сергей – стр. 57
Курганов Александр – стр. 130
Кутепова Анастасия – стр. 138
Куцанов Тимофей – стр. 118
Куц Геннадий – стр. 20
Лабенский Владимир – стр. 15, 30, 31, 32, 35, 93, 115, 119, 130
Лазичев Андрей – стр. 122
Левашов Николай – стр. 58
Леонтьев Илья – стр. 123
Лесин Николай – стр. 48
Лобова Надежда – стр. 34, 35
Ложникова Лидия – стр. 125
Лосев Миша – стр. 109, 181, 184
Маймескулова Татьяна – стр. 114
Майофис Аркадий – стр. 61, 115, 119, 123, 128
Малиновская Оксана – стр. 110, 131, 168
Мамонтов Артем – стр. 50
Маргарян Давид – стр. 109, 184
Матющенко Марина – стр. 33
Махрина Виктория – стр. 98
Мельник Максим – стр. 131
Милованова Наталья – стр. 168
Миронов Тарас – стр. 23
Михайлов Алексей – стр. 137
Михайлова Наталья – стр. 73, 131
Михайлова Наташа – стр. 138
Михайлова Соня – стр. 138
Михайлова Юлия – стр. 135
Михалицына Анна – стр. 49
Молькина Дарья – стр. 138
Морозов Александр – стр. 61
Морозов Юрий – стр. 176
Мошкин Григорий – стр. 128, 130
Мошкина Ольга – стр. 89
Мурысьев Игорь – стр. 23
Мутовкин Олег – стр. 113, 114, 130
Мухорямов Павел – стр. 141
Мухорямова Алена – стр. 141
Мухорямова Маргарита – 144
Мучник Лев – стр. 145
Нагаев Марат – стр. 7, 151
Нагорняк Айрат – стр. 171
Назаров Анатолий – стр. 98
Назарова Любовь – стр. 18, 31, 38
Наливайко Игорь – стр. 50
Недорезова Лиза – стр. 148
Нестерова Ольга – стр. 79
Нестерова Светлана – стр. 31
Никитин Анатолий – стр. 176
Николаев Вячеслав – стр. 115
Новикова Анна – стр. 168
Нужных Татьяна – стр. 167
Обухова Лиза – стр. 25
Оглоблин Сергей – стр. 148
Оглоблина Катя – стр. 148
Оконечников Дмитрий – стр. 151

- Осипова Нина – стр. 158
Островская Арина – стр. 153
Охолина Елена – стр. 38
Павловский Сергей – стр. 108, 154
Палько Егор – стр. 146, 156
Панова Татьяна – стр. 168
Парначева Люся – стр. 73
Пахоменко Варвара – стр. 71
Перетяжко Оксана – стр. 166
Песоцкая Настя – стр. 110
Петриева Валентина – стр. 48, 99
Петров Альберт – стр. 103
Петрова Тамара – стр. 83
Пешко Антон – стр. 57
Пирожков Олег – стр. 13, 59, 66, 67, 111, 112, 119, 123, 128, 129, 130
Половков Валерий – стр. 45
Полыгалова Светлана – стр. 38, 87, 104
Пономаренко Алина – стр. 157
Попов Константин – стр. 5
Попов Станислав – стр. 58, 143
Попова Людмила – стр. 110, 168
Посажейникова Людмила – стр. 91
Поспелова Тамара – стр. 5
Постников Александр – стр. 48
Просекина Анна – стр. 160
Протопопова Юлия – стр. 140
Прошенкин Леонид – стр. 90
Пугачева Альбина – стр. 17, 35, 49, 51, 52, 83, 84, 163
Путилова Татьяна – стр. 180
Пшелянский Антон – стр. 127
Пшеничникова Татьяна – стр. 78, 185
Рерих Илья – стр. 57
Родченко Марьяна – стр. 169
Рожановская Нина – стр. 71
Рожкова Саша – стр. 169
Рожнев Михаил – стр. 176
Романова Марина – стр. 113
Романович Сережа – стр. 106
Рыбак Сергей – стр. 23
Саввиди Ирина – стр. 42, 50, 143
Саенко Сергей – стр. 61, 115, 119, 123, 130
Самылова Галина – стр. 154
Сарычева Вера – стр. 150
Сафина Лариса – стр. 38
Сафонов Георгий – стр. 130
Сафронов Алексей – стр. 77
Сахаров Сергей – стр. 20
Сверчкова Лера – стр. 169
Селезнев Дмитрий – стр. 126
Селиванова Тамара – стр. 35, 48, 50, 79
Селина Елена – стр. 8, 170
Серебров Тихон – стр. 58
Сероухов Александр – стр. 15
Сероухова Галина – стр. 6, 11, 50
Симоненко Андрей – стр. 57
Сиротин Витя – стр. 57
Смакотина Елена – стр. 125
Солодкин Владимир – стр. 29
Стадниченко Галина – стр. 50
Стариков Михаил – стр. 58
Стариков Павел – стр. 58
Старков Владимир – стр. 68, 115
Степичев Роман – стр. 79, 127, 136, 141, 142
Судаков Виктор – стр. 48
Сулева Светлана – стр. 108, 134
Суракий Татьяна – стр. 6, 65
Сырочев Леша – стр. 189
Татаринцев Сергей – стр. 170
Татаринцев Михаил – стр. 139
Тихонов Александр – 111
Томилов Лев – стр. 48
Томилова Екатерина – стр. 48
Тризно Вероника – стр. 173
Трубачев Александр – стр. 58
Трубачева Настя – стр. 173
Трусов Владимир – стр. 129
Тюнина Ольга – стр. 79
Усцов Олег – стр. 50

Фаломкина Татьяна – 113	Чернышева Ксения – стр. 173
Фатеев Юрий – стр. 170	Черняйкин Анатолий – стр. 185
Федорина Лариса – стр. 131	Шаропина Лилия – стр. 36, 63, 91, 92
Федосеев Сергей – стр. 50	Широкова Наталья – стр. 174
Филипп Михеев – стр. 139	Шкуратов Дима – стр. 181
Фролова Алина – стр. 110	Шульга Люция – стр. 7, 11, 12, 14, 59, 63, 82, 84, 103, 114, 119, 122
Хаванский Антон – стр. 127	Шульга Марина – стр. 180
Харитоновна Полина – стр. 171	Щербинин Алексеей – стр. 69, 72, 78, 185
Хоменко Сергей – стр. 20	Эсаулов Владимир – стр. 170
Хомозова Ольга – стр. 35	Яблоков Илья – стр. 71
Чайкина Аня – стр. 33	Якимович Вера – стр. 49
Черкашин Николай – стр. 139	Яманаев Марат – стр. 96
Чернов Борис – стр. 13, 79, 130	Яманаева Ольга – стр. 96
Черноног Андрей – стр. 150	Янчук Павел – стр. 188
Черных Игорь – стр. 173	

Автор-составитель: Буркин Юлий Сергеевич.

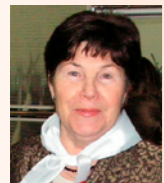
Писатель, автор повестей и романов «Бабочка и Василиск», «Вика в электрическом мире», «Королева белых слоников», «Бриллиантовый дождь», «Звездный табор, серебряный клинок» и др. Роман «Цветы на нашем пепле» в 2000-м году удостоен российской жанровой литературной премии «Странник», как лучший фантастический роман года.

Результатом творческого содружества Юлия с Сергеем Лукьяненко стала фантастическая трилогия «Остров Русь», получившая большую популярность и несколько премий. Первая часть трилогии – повесть «Сегодня, мама!» – экранизирована под названием «Азирис Нуна».

Книга «Осколки неба, или Подлинная история Битлз», написанная Юлием совместно с Константином Фадеевым стала культовой в среде российских меломанов.

Ведёт семинар «Литературное мастерство» на филологическом факультете Томского Государственного Университета.

Журналист, лауреат премии «Акула пера». Работал главным редактором газеты «Диалог» и журнала «Сибирские Афины». Один из авторов юбилейных публицистических книг «Сто двадцать выдающихся политехников» (2016 г.) и «Жизнь, опаленная войной. Томск 1941–1945» (2020 г.).

1 ЗЕМФИРА АБРАМОВА
с. 123

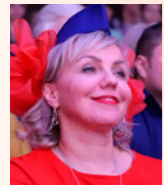
2 ВАСИЛИСА АЗАРОВА
с. 17

3 ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВ
с. 20

4 ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВА
с. 24

5 ЕЛЕНА АЛТУХОВА
с. 29

6 АНДРЕЙ АНАНИН
с. 33

7 ДУСЯ АНДРЕЕВА
с. 33

8 МАРИНА АРЖАННИКОВА
с. 34

9 ЮЛИЯ АСТАФУРОВА
с. 36

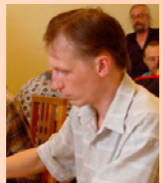
10 ВАЛЕНТИНА КАПРАНОВА
с. 120

11 АНЯ БАЕВА
с. 39

12 АНДРЕЙ БАЙТИНГЕР
с. 41

13 АНДРЕЙ БЕЛОЗЕРОВ
с. 45

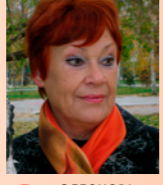
14 ОЛЕГ БЕЛОЗЕРОВ
с. 47

15 ДАША БУЙЛОВА
с. 50

16 ЕЛЕНА БУРОВА
с. 51

17 ЭЛЕОНОРА ВАРЕНЧОВА
с. 55

18 ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВА
с. 59

19 ОЛЬГА ВАСЬКИНА
с. 62

20 ЕЛЕНА ВИШНЯКОВА
с. 98

21 ВАЛЕНТИНА ВОЛКОВА
с. 112

22 ЕВА ГАРЕЕВА
с. 65

23 ИВАН ГРИГОРЕНКО
с. 66

24 ТАТЬЯНА ГРИШАЕВА
с. 8

25 АРТЕМ ГУТОВ
с. 68

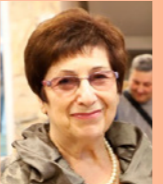
26 АРТЕМ ДАНКОВ
с. 69

27 ВЛАДИМИР ДОХЛЕНКО
с. 46

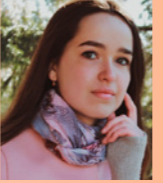
28 ЕВГЕНИЯ ЕРЕМИНА
с. 72

29 НАТАЛЬЯ ЕРЕМИНА
с. 73

30 ТАТЬЯНА ЕФИМОВА
с. 14

31 СОНЯ ЖЕЛЕЗЧИКОВА
с. 74

32 ВЕРА ЗОЛОТАРЕВА
с. 74

33 ВЛАДИМИР ИГШЕВ
с. 75

34 ГАЛИНА ИГНАТЬЕВА
с. 80

35 АЛЬФИЯ ИЛЬЯСОВА
с. 81

36 АНЯ ИКРИНА
с. 84

37 ЕЛЕНА ИСТОМИНА
с. 85

38 ЕЛИСЕЙ КАЛАШНИКОВ
с. 89

39 ВАСИЛИССА КАЛАШНИКОВА
с. 89

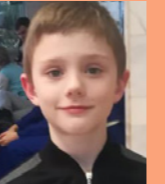
40 СВЕТЛАНА КАЛИНИЧЕНКО
с. 90

41 ВАЛЕРИЙ КАРАГОДИН
с. 175

42 ЕЛЕНА КАРТАШОВА
с. 93

43 ДЕНИС КАЧИН
с. 95

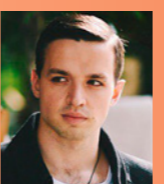
44 НИКИТА КЕСС
с. 95

45 СЕРГЕЙ КЕСС
с. 96

46 АЛЕВТИНА КИРЕЕВА
с. 100

47 РОМАН КОЛБИН
с. 105

48 КАТЯ КОЛЕСОВА
с. 110

49 СЕМЕН КОМАНДАКОВ
с. 110

50 НИНА КОНЧЕВСКАЯ
с. 111

51 БОРИС КОРОВИН
с. 21

52 МИРОСЛАВ КУЗЛЯЕВ
с. 116

53 ТИМОФЕЙ КУЩАНОВ
с. 118

54 ВЛАДИМИР ЛАБЕНСКИЙ
с. 119

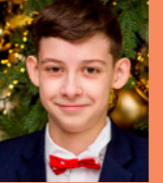
55 ИЛЬЯ ЛЕОНТЬЕВ
с. 124

56 НАДЕЖДА ЛОБОВА
с. 35

57 АРКАДИЙ МАЙОФИС
с. 129

58 МАКСИМ МЕЛЬНИК
с. 131

59 НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВА
с. 131

60 ЮЛИЯ МИХАЙЛОВА
с. 134

61 ФИЛИПП МИХЕЕВ
с. 139

62 ПАВЕЛ МУХОРАЙМОВ
с. 141

63 АЛЕНА МУХОРАЙМОВА
с. 141

64 ЛЕВ МУЗНИК
с. 145

65 ЛЮБОВЬ НАЗАРОВА
с. 18

66 ЛИЗА НЕДОРЕЗОВА
с. 147

67 СВЕТЛАНА НЕСТЕРОВА
с. 31

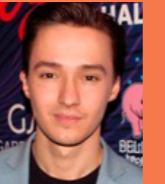
68 СЕРГЕЙ ОГЛОБЛИН
с. 149

69 ДМИТРИЙ ОКОНЧНИКОВ
с. 151

70 АРИНА ОСТРОВСКАЯ
с. 153

71 СЕРГЕЙ ПАВЛОВСКИЙ
с. 154

72 ЕГОР ПАЛЬКО
с. 156

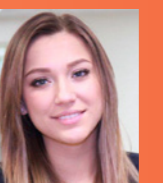
73 ОЛЕГ ПИРОЖКОВ
с. 130

74 АЛИНА ПОНОМАРЕНКО
с. 157

75 ЛЮДМИЛА ПОСАЖЕЙНИКОВА
с. 91

76 АННА ПРОСЕКИНА
с. 160

77 АЛЬБИНА ПУГАЧЕВА
с. 163

78 МАРЬЯНА РОДЧЕНКО
с. 169

79 САША РОЖОВА
с. 169

80 СЕРГЕЙ САЕНКО
с. 115

81 ЛЕРА СВЕРЧКОВА
с. 169

82 ТАМАРА СЕЛИВАНОВА
с. 35

83 ЕЛЕНА СЕЛИНА
с. 170

84 ГАЛИНА СЕРОУХОВА
с. 11

85 ВЛАДИМИР СТАРКОВ
с. 115

86 ВЕРОНИКА ТРИЗНО
с. 173

87 НАСТЯ ТРУБАЧЕВА
с. 173

88 ИГОРЬ ЧЕРНЫХ
с. 173

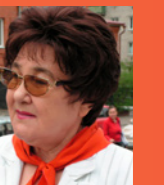
89 КСЕНИЯ ЧЕРНЫШЕВА
с. 173

90 ЛИЛИЯ ШАРОПИНА
с. 91

91 НАТАЛЬЯ ШИРОКОВА
с. 174

92 ЛЮДИЛА ШУЛЬГА
с. 12

93 МАРИНА ШУЛЬГА
с. 180

94 АЛЕКСЕЙ ШЕРБИНИН
с. 185

95 ПАВЕЛ ЯНЧУК
с. 188

